Три вектора мудрости,
или Манифест победителей

Содержание

МАНИФЕСТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ 2
Десять заповедей созидания и триумфа..... 2
Слово к читателю..... 3
Глава 1..... 4
Глава 2..... 6
Глава 3..... 8
Глава 4..... 10
Глава 5..... 11
Глава 6..... 15
Глава 7..... 19
Глава 8..... 21
Глава 9..... 23
Глава 10..... 24
Евангелие от Юлии и Юлиана..... 25

БЕЗ ЛЮБВИ (эротическая притча)..... 26

СЕКТАНТ (кинороман)..... 55

Манифест победителей

С любовью и благодарностью посвящается
нашим первым и главным Тренерам –
нашим родителям

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ СОЗИДАНИЯ И ТРИУМФА

1. *Лишь постоянно созидая маленькие победы, - пожнешь плоды подлинного Успеха. Будь человеком творящим, человеком незамедлительного действия.*

2. *Возьми ответственность за собственную жизнь в обе руки, держи ее крепко и без устали прокладывай свою личную тропку к океану незаимствованного Успеха. (Сыр, который тебе всучивают, давно протух.)*

3. *Выстрадай идею, которая обязана стать глубоко личным переживанием, опытом твоей индивидуальности. Выпестуй, взлелей, вынянчи ее, и она обязательно приведет тебя прямо к осуществлению твоей мечты.*

4. *Не играй долго на чужой территории в чужую игру, если только это не часть твоего собственного замысла!..*

5. *Возьми на себя ответственность за создание мира, в котором ты свободен предоставлять свободу другим быть твоими друзьями и наставниками.*

6. *Иди по жизни только своею собственной дорогой – ибо она единственная.*

7. *Не суетись перед лицом Вечности. Порожденный ею, неси с достоинством в свое «завтра» Ее всегда пульсирующее во всех нас Величие.*

8. *Принимай перемены всем сердцем. Любые, все… Не забывай, что жизнь – неизменное движение. Двигайся к переменам, изменяйся с изменениями, будь готов к этому вечному движению каждое мгновение; и начинай двигаться даже там, где другие сказали: Я – достиг! Я – лучший…*

9. *Отдай себя любви, растворись в ней, дай себе свободу любить и быть любимым, и успех станет твоим узаконенным владением.*

10. *Празднуй жизнь всеми возможными способами, ликуй и смейся над этой шуткой, в которой по неизвестным никому, кроме тебя самого, причинам ты согласился принимать такое живейшее участие!*

Слово к читателю

Наш самый близкий друг, перед тобой — бомба. Здесь нет мудрости Востока и нет новейших технологий Запада. То, что здесь есть — главнее, — ты сам. Налей себе немного вина, уединись в тихом и уютом для тебя месте, расслабься и прочти это. Ты найдешь свои проблемы и победы. Извечную грусть и радость существования. Успехи и промахи. Славу и бесславие своих будней. Здесь ты встретишься с самим собой, но в другой форме. Ты узнаешь о тех этапах, которые ты мог бы пройти или проходишь сам. Сейчас и сейчас. В это мгновение. В этом, конкретном, отрезке времени. Это бомба с часовым механизмом. И как только ты дойдешь до последнего слова в последней строке этого руководства к действию, она, эта бомба, взорвется. И ты поймешь — возможно все. Все в твоей жизни. Потому что твоя жизнь — это и наша жизнь. А наша жизнь — это жизнь победителей. И мы теперь в этом твердо убеждены. Потому что ставим перед собой цели и достигаем их, ставим и достигаем, ставим и достигаем их — неоднократно и всегда, теперь и через много-много лет. А это критерий победы. Победы над собой и обстоятельствами. Потому что победитель — в тебе. И называется ли он Богом или Высшей силой, все равно это – другое названием тебя самого. Ведь как только ты дойдешь до последней буквы последней строки этого руководства — кроме тебя не останется никого, кто бы создавал твою победу, твой успех, кто бы был Богом вместо тебя. В путь, наш самый близкий друг! Шагни в мир величайшего успеха — воссоединения со своим самым близким помощником — самим тобой. Пожелай себе удачи. Она твоя!

С уважением,
Юлия и Юлиан

ГЛАВА 1

«В начале было дело, и брошено было зерно,
и стало зерно расти и развиваться,
и появились плоды…»
Евангелие от Юлии и Юлиана

На самом деле, в начале был хаос… И брошено было зерно в пустоту, и вакуум сей поглотил его, и появились плоды, но позднее…

Я очень четко помню, как это было. Скорее, — ярко и остро те ощущения, которые сопутствовали этому событию. Любое начало обретает себя в хаосе. Это сплошной поток неожиданностей, тревог, ожиданий, борьбы как будто без результата. Но по порядку…

Мы с женой, проработав в одной американской обучающей фирме в качестве персонала два с половиной месяца, в одно мгновение оказались в пустоте.., на улицах Москвы, без денег, знакомых, родственников, и какой бы то ни было поддержки и помощи. Столица, приняв в лоно свое новых соискателей успеха и процветания, поиграв с нами как кошка с мышкой, и не оставив и проблеска надежны на лучшее будущее, выплюнула нас во мрак сентябрьского мглистого вечера, как отработанный шлак…

Бездна разверзлась и мы с моей женой Юлей оказались один на один с бесстрастной Судьбой, которая предоставила нам свободный выбор… выжить или умереть. Забрав все вещи из общежития, где мы проживали, работая в фирме, мы ушли в неизвестность новой действительности, которая и не собиралась держать нас на плаву…

Сотни и тысячи жителей теперешнего СНГ рвутся в столицу из разных уголков бывшего могучего Союза, чтобы заработать на пропитание, самоутвердиться, выжить… Но в большинстве случаев заканчивается все это либо долгами и непосильными трудами, либо полностью выхолощенной душой и окончательным обнищанием, либо… в тысячном проценте, трудоемкой и жестокой битвой не на жизнь, а на смерть за едва брезжащий на горизонте шанс на настоящий Успех.

Мы разыскали матрац в подсобном помещении фирмы, из которой нас успешно вытолкнули взашей, поскольку мы пытались качать права, каковыми не обладает ни один порядочный и здравомыслящий человек в нашем обществе.

3 сентября 1997 года. Мы на улице. А ведь была уже какая-то стабильность… Ну и что, что вставали в пять утра и работали до двенадцати ночи. Ну и что, что Москву видели только из окна трамвая по дороге из общежития на работу и обратно. Ну и что, что готовили вдвоем на сто пятьдесят человек, не имея специального образования. Это все были, как нам говорили, наши проблемы. Со всем можно было смириться… только не с тем, что нас с мужем постоянно разделяли. Спали мы (по правилам той организации) в разных комнатах. В рабочие часы нас старались направить на разные объекты, чтобы мы не пересекались. А по пятнадцать минут три раза в день на завтраке, обеде и ужине были наши. «А вам разве мало? — недоумевало руководство. — Мы работаем на благо общества, и личных чувств здесь быть не должно».

И вот, после двух с половиной месяцев этой безумной гонки, резкое торможение… И шок. Что же теперь делать? Где зацепиться? Где спать? Что есть? Из Москвы

уезжать нельзя, нельзя, нельзя. Москва — единственный город-трамплин для прыжка и полета ввысь, и ввысь, и ввысь. А сейчас этот трамплин, казалось, вдруг обвалился… Но пусть все эти проблемы будут завтра, завтра, потом… А сейчас — самая счастливая ночь в нашей жизни за последние месяцы. Мы на матраце на полу в одном из коридоров подсобных помещений. Впереди — неизвестность. Но рядом, совсем рядом, плечо любимого человека. Как сладко прижаться к нему и забыться безмятежным детским сном… Он сильный, он все знает… У нас все будет хорошо!.. Все уже хорошо!!!

* * *

Оглядываясь назад, мы не ищем виноватых, мы лишь берем на себя ответственность быть точными и конкретными. Факты — единственная правда, от которой можно оттолкнуться для дальнейшего путешествия. И не наша задача копаться в прошлом и выискивать причины для обид, наша задача — донести до тебя, наш современник и друг, саму суть, эврику тех навыков, которые помогли нам завоевать победу. И суровая истина заключается в том простом факте, что в большинстве случаев каждый из нас живет, не отдавая себе отчет, — зачем живет? кто он и куда идет?

Наша задача, задача Юлии и Юлиана, — быть точными и конкретными для того, чтобы ты, наш самый близкий друг, смог максимально эффективно использовать свою жизнь. И мы убеждены, что мы способны помочь тебе в этом.

Счастье — процесс, процесс из момента в момент добиваться известных нам целей, поставленных перед собой, и быть победителями в самой классной игре — игре Созидания. Тогда автоматически реализуется наш человеческий потенциал, а это единственный критерий получения полного удовлетворения от самого процесса созидания.

Итак, правило № 1: ***Лишь постоянно созидая маленькие победы, – пожнешь плоды подлинного Успеха. Будь человеком творящим, человеком незамедлительного действия.***

ГЛАВА 2

«Хлеб наш насущный не дан,
но заработан да будет…»
Евангелие от Юлии и Юлиана

Спокойные и безмятежные сумерки московской зимы. Я стою у окна, вглядываюсь в легкий туман вечера в начале декабря… Тепло и хорошо. За стеной, в комнате мирно посапывает Юля. Безмятежные сумерки глубокой московской ночи. Едва различим мерцающий иней подоконников дома напротив. Кирпичный величавый времен Совдепии красный дом. Хорошо и тепло. В темноте кухни слегка подрагивает переполненный продуктами холодильник. Достаток. Ощущение полного благополучия. Конец 2000-го года.

Вспоминаются другие сумерки. Другого, 1997 года. С горем пополам договорились о ночлеге с пожилой благородной москвичкой, выполняющей функции ночного сторожа. Мы начали поиски работы, поиски места в этой жизни. Тем более фирма, из которой мы ушли, поставила условие — выплатить в течение месяца 500 долларов, потраченных на наше обучение.

События происходили в районе ВДНХ, и каждое утро, пораньше, мы проскальзывали к выходу из подсобных помещений, в которых ночевали, стараясь не быть замеченными сотрудниками фирмы. А каждый вечер измотанные, изнуренные, практически безрезультатно протаскавшиеся по территории ВДНХ в поисках хоть какой-нибудь работы, мы проскальзывали обратно; надо было успеть не остаться на улице. Вспоминаются другие морозные осенние сумерки…

Иногда наш добрый гений — женщина, ночной сторож, приносила нам газеты, купить которые мы все равно были не в состоянии, поскольку ни копейки денег в наших карманах, разумеется, не было. И копаясь в этих газетах, мы тщетно пытались найти хоть какие-то признаки приемлемой работы. Поскольку ни московской прописки, ни денег даже на минимальный первоначальный взнос у нас не было, мы пытались обнаружить как бы несуществующий, призрачный заработок. Ведь вопрос регистрации в Москве стоял так жестко, а наплыв безработных был так велик, что любая случайность исключалась. Даже на метро нужны были минимальные средства, чтобы свободно передвигаться по городу. Поэтому весомая часть возможностей была для нас просто недоступна, как ресторан «Седьмое небо» на Останкинской телебашне. Этот ад продолжался около двух недель. Единственным развлечением нашей дружно голодающей семьи было скитаться между рядами густопахнущих мясом и приправами закусочных, которые в изобилии попадались на каждом шагу этого государства в государстве — ВДНХ, или ВВЦ (Всесоюзного Выставочного Центра).

Ирония судьбы заключалась в том, что для большего представительства «путешествовать» приходилось в костюмах и в начищенной обуви. Все это, к сожалению, не способствовало наполнению наших журчащих, особенно поутру, желудков, которым совершенно было наплевать на московские условия «не-выживания».

Короли без королевства, бомжи без московской прописки, два краснодипломника, режиссер и филолог, из далекой столицы Урала — Екатеринбурга, с удивлением обнаруживали, изо дня в день, свою крайнюю несостоятельность в деле обретения несусветных благ, коими они по праву должны были бы обладать. Но Москва равнодушна как к слезам, так и к пустым желудкам. И последний постовой на перекрестке, как и первый президент России, осуждены «идти по Москве» строгим путем, предначертанным

им от рождения. Мы продолжали голодать, недосыпать и тщательно выискивать миражи больших гонораров за несуществующую трудовую деятельность. Москва без интереса взирала на наши тщетные попытки.

17 сентября 1997 года. Ровно две недели как мы «на свободе». Ну и тяжело же быть вольной птицей. Лети — не хочу. Просто не знаешь куда лететь. Везде тупик, тупик, тупик. Неоднократно нарывались на доброжелательных «богатых» тетушек, которые предлагали выложить 600, 400 или, на крайний случай, 120 долларов, и больше ничего никогда не делать. Дальше все блага будут сыпаться с неба, по мановению волшебной палочки. Очень заманчиво, осталось только раздобыть где-нибудь эти самые 600, 400 или, на крайний случай, 120 долларов, а предварительно отдать долг в 500 долларов. О, тут как раз под рукой «Тайм-шер»! По ВДНХ гуляют сотни лохов-толстосумов, которые с радостью выложат от 1000 до 5000 долларов в качестве первого взноса за пятизвездочный отель в любой стране мира в пожизненное пользование. Это так легко, зовите их, раскручивайте и получайте свое вознаграждение до 6000 долларов за 5 дней работы. Кругом блеск кажущегося богатства и благополучия, хлопки вылетающих пробок шампанского и дружные аплодисменты в честь «нового члена элитарного клуба». Да, такие аплодисменты прозвучали и в нашу честь. Правда, мы не относились к золотой когорте, просто один молодой человек пообещал «устроить нас на эту престижную работ ОПиСи (ловких вымогателей денег), поговорив с «нужными людьми». Шампанское, после восьмидневной голодовки, сразу ударило в голову, и уже на следующее утро мы, счастливые, стаптывали свою обувь, натирая мозоли и наматывая круги вокруг 21-го павильона ВДНХ. Но число клюющих на нашу удочку было равно нулю. Однако мы не отчаивались. Ведь у нас была уже великолепная работа: клепать поддельную «Coca-Cola» на подпольном заводе. Там один раз за смену кормили китайской лапшой. Бокал шампанского да еще порция китайской лапши за одни сутки — это уже верх блаженства! А еще и деньги обещали дать. Ночью — клепаем бутылки, днем — стаптываем обувь, ночью — «Coca-Cola», днем — «Тайм-шер». От голода и усталости качает еще больше, чем раньше… Денег нам так нигде и не заплатили. Но это был хороший урок, практически «задаром». Москва — огромный спрут, который пожирает сотни и сотни тысяч жертв, ищущих легкой добычи и сытой жизни. И чтобы самому не стать очередной добычей этого спрута, надо изначально быть победителем. То есть идти своим путем.

* * *

Итак, хлеб наш насущный не дан, но заработан да будет… К сожалению, а может, и к счастью, есть интересные и необыкновенно плодотворные пути в жизни, но нет легких и само собой разумеющихся… Большинство, неимоверное большинство людей молятся на удачу «со стороны», даже не задумываясь о своих потенциальных возможностях, не предполагая какое могущество скрывается у их собственного порога, в их уме и сердце. Трудно, необыкновенно трудно отбросить навязанные обществом предубеждения и стереотипы внушений о жизни; и только отбросив всю эту мешанину, весь хлам бездумной, повторяющейся и повторяющейся, поверхностной пропаганды плоских идеек, не связанных с изначальной мудростью каждого человеческого существа, человек, наконец-то, обретает крылья. Мы сделали это… и нам «повезло».

Правило № 2: ***Возьми ответственность за собственную жизнь в обе руки, держи ее крепко, и без устали прокладывай свою личную тропку к океану незаимствованного Успеха. (Сыр, который тебе всучивают, давно протух.)***

ГЛАВА 3

«Приходя в чужой монастырь,
неси свой собственный свет».
Евангелие от Юлии и Юлиана

И вот, наконец, нам «повезло». Мы нашли то, что искали, ибо жизнь щедра к тем, кто упорно добивается своего. Стоит сказать, что этот вариант мелькал у нас на горизонте, но мы не придавали ему значения, так как не хотели привязывать себя к какому-то определенному стандартному предприятию, похожему на нашу предыдущую фирму. Кое-кто из знакомых из прежней организации, где мы работали, давал нам номера телефонов, прежде нас и подобно нам ушедших из фирмы, но успешно устроившихся уже в «новой» жизни. Мы созвонились кое с кем из них, с горем пополам «раздобыв» телефон-автомат, в который не нужно было опускать монету. Нам назначили встречу...

И вот, спустя две недели после нашего ухода из американской обучающей фирмы, мы полноправно, наконец, обрели надежду на стабильный достаток. Это была организация, арендовавшая пару помещений на одном из заводов Москвы, и которая использовала систему, а также методики нашей предыдущей фирмы. Сами по себе эти стандарты прекрасно работали и давали ожидаемый результат, и поэтому, не осложненные, на первых порах, амбициозностью руководства, помогали активно развиваться этой новой фирме. Нас радушно приняли, поскольку люди, слава Богу, здесь, на новой фирме, были еще необходимы, а тем более люди перспективные, молодые, инициативные и готовые работать по 24 часа в сутки, как мы.

Нас определили стажерами и предоставили, по тем временам, для нас сверхъестественный, просто мистический после двухнедельного вынужденного поста, денежный паек, в размере 200 долларов на каждого в месяц. Причем, предоставлялись также бесплатные обеды и проездные за счет фирмы. Мы блаженствовали…

Стоит упомянуть, что во время наших двухнедельных скитаний нас познакомили с одной потрясающей идеей, которая заключалась в том, чтобы поехать за границу и обучиться английскому языку. Но не просто английскому языку, а системе, при которой овладение им становится максимально комфортным, неимоверно сокращается по времени и адаптируется под любые национальные особенности.

Так что мы не просто обрели хорошую работу и достойный заработок, но, к тому же, имели прекрасную цель, ради которой игра стоила свеч, и которой мы не преминули поделиться с руководством фирмы.

Мы горели этой идеей. Просто полыхали ею. Час утром и час вечером, уходившие на дорогу в метро к месту работы, мы с женой использовали максимально эффективно. Читали, учились, осваивали те учебные материалы, которые попадались нам под руку и приближали к цели. Так как по сути своей наше новое место работы, наша фирма занималась консалтингом по основным фондам предприятий, то есть консультированием по различным аспектам административной деятельности, мы невольно осваивали и эту сложную сферу человеческих знаний. Впоследствии оказалось, что все происходящее было знаковой прелюдией к дальнейшему нашему с женой продвижению по лестнице прогресса и успеха.

27 ноября 1997 года. У нас на руках билеты на поезд. Мы едем за границу. Обучаться. И быть родоначальниками обучающего проекта в России. С 18 сентября,

первого дня нашей новой работы, прошло чуть больше двух месяцев. Была интересная работа, сытая жизнь днем, и консервы, сухое картофельное пюре вечером. На ночлег пробирались все также, чтобы не быть замеченными, и утром, так же тихо — на работу. Зачастую выстаивали долгими холодными вечерами в детской беседке, ожидая, когда все работники покинут здание фирмы, чтобы наша сторожиха могла нас впустить. Спали на сооруженной из подсобных материалов кровати, причем на спине мог лежать кто-то один, другой ютился на боку, потом менялись. Вещи были в сумках. Необходимая одежда вынималась и убиралась, чтобы днем ее никто не заметил. Ужинали и укладывались спать в темноте, так как свет могли заметить с улицы, а наш ангел-хранитель – сторож была очень осторожной. Стирали и кое-как мылись, пользуясь только умывальником. Никакой ванны не было. Казалось, что такая бытовая неустроенность будет вечной. Был переломный момент, когда мучительно решали, отдать ли заработанные 500 долларов на прежнюю фирму и рассчитаться тем самым с долгами, или снять на эти деньги квартиру и начать нормальную устроенную жизнь. Тем более, что терпение у нашего «ночного ангела» было не беспредельное, и она несколько раз пыталась выставить нас из своих владений. Ее не устраивало, что мы могли работать на нее только в субботу и воскресенье, так как остальные дни мы проводили на основной работе. Я устала от постоянного напряжения и неустроенности. Ситуация усугублялась тем, что практически все сотрудники нашей новой организации были иногородние и снимали квартиры в Москве. Постоянно свербил вопрос: а мы что, не достойны? Да и из стажеров на постоянную должность нас не переводили, так как знали, что мы поедем заниматься обучающим проектом. А тем временем, появлялись новые люди, которые заверяли руководство, что они «к ним навеки», и за 4 дня пройдя стажерство, получали зарплату намного выше нас. Правда, через 3-4 недели они исчезали и уже никогда не появлялись. А мы продолжали ходить в стажерах. Но у нас была цель! Тем более, что руководство нас морально поддерживало и обещало помочь материально. Даже более того, собиралось обучить весь свой персонал по новой методике, как только мы вернемся в Россию. Даже оплачивало наши международные переговоры, которые мы вели с зарубежными коллегами по проекту. И вот, долг уплачен, билеты на руках и вся необходимая документация для выезда за границу. Ад неустроенности позади. Впереди — только успех и процветание! Мы — победители едем к нашей заветной цели! Вперед!!!

* * *

Подведем итог. Есть хорошая русская поговорка: «из грязи в князи». Но парадоксы хорошо смотрятся лишь на бумаге. В жизни — иначе. По той простой причине, что любую секунду практики не заменят тома теории, которая представляет из себя всегда лишь линейное скопление черточек, закорючек, линий и точек на бумаге. А действие — всегда мгновенный акт, не терпящий отлагательства. Если, конечно, он не пустое времяпрепровождение без цели и смысла. Но, с другой стороны, как ты видел, наш друг-читатель, мы пришли к новому положению, состоянию дел, имея четкую цель в голове. На нее мы ориентировались, она нас вела, облегчая и усиливая нашу деятельность на фирме.

Правило № 3: ***Выстрадай идею, которая обязана стать глубоко личным переживанием, опытом твоей индивидуальности. Выпестуй, взлелей, вынянчи ее, и она обязательно приведет тебя прямо к осуществлению твоей мечты.***

ГЛАВА 4

«Когда буря врывается в твой мир,
природа приветствует твое преображение…»
Евангелие от Юлии и Юлиана

Мы позвонили родителям Юли, чтобы сообщить о нашем отъезде за границу… И сдали билеты. Умер отец Юлии. Мы сидим у разбитого корыта. Деньги потрачены на перелет до дома, похороны тоже денег не прибавили. Руководство нашей фирмы отказало нам в помощи… Родственники все-таки помогли нам, наскребли по сусекам денег на отъезд. Мы выехали 6 февраля и утром 9 числа того же месяца приехали в морозную неприветливую столицу. Знакомая, с которой мы подружились на новой фирме, дала нам приют. Мы делили с ней и еще одной женщиной, ее подругой, однокомнатную квартиру в районе метро «Кожуховская». Целый месяц ушел на поиск нового места работы, так как вернуться назад, по известным причинам, мы не могли. Потому что нам предложили начинать все с начала, с нуля на фирме, которая не отвечала нашей собственной цели и которая предала нас. И проблондавшись на последние гроши целый месяц в Москве в поисках разумной денежной деятельности, мы были заброшены судьбой на новый гребень волны. Нам предложили новый вариант самой нашей первой обучающей фирмы американского образца: работать переводчиками учебных материалов и пособий. Поскольку иного выхода не было, и спонсоры нам тоже не улыбались, мы с открытым забралом ринулись в новый бой.

28 марта 1998 года. Мы вновь на пороге неизвестности. Проект, ради которого мы трудились, оказался неправомочным. Система себя не оправдывала. А перед этим — искали спонсоров для своего проекта. Первоначальный минимальный взнос, который был необходим, — 5000 долларов. Нам приветливо улыбались и говорили «да» очень высокопоставленные люди, но потом просто предлагали вернуться в город, где мы были прописаны, и взять кредит в каком-нибудь сбербанке. Мы решили заработать начальный капитал сами. А для большей эффективности «понюхать изнутри» систему, в рамках которой нам предстояло работать в будущем. Читая первоисточник на английском языке, и сравнивая его с теми переводами, которые выдавались нашим сотрудникам, мы ужасались искажению самой идеи первоисточника. И как мы узнали, та методика, которой мы собирались овладеть за рубежом и внедрить в России, была разработана последователями последователей. И сама первоначальная ясность и простота была давно погребена под сложными административными изысками посредников, желающих содрать побольше денег с населения. Таким образом, идейная основа нашей новой профессиональной деятельности была разбита вдребезги. Оставаться на этой работе по какой-то другой причине не имело смысла, так как денег мы не получали, а могли использовать наши так называемые «трудоединицы» только на обучение в этой самой организации. Правда, была еще похлебка и комната в общежитии в одном из подмосковных поселков. Это общежитие случайно затесалось среди дачных домиков и размытых дорог в 20 минутах ходьбы от станции. В комнате были кровать, стол, стул и шифоньер без дверок. Внизу — одна на пять этажей душевая. Кухня со сломанными электроплитами и общий туалет в конце коридора. Занавесок на окнах, покрывал и ковриков там отродясь не видали. Зато видали тараканов и мышей. Итак, после месяца деятельности в качестве переводчиков, мы ушли из организации, но сумели остаться в общежитии, договорившись с женщиной-комендантом. Впереди опять

была полная неизвестность, но вместе с тем, абсолютная уверенность в своих силах. Мы одни, но мы вдвоем. И в этом наша сила. И мы победим!

* * *

Вот и готово.

Правило № 4: ***Не играй долго на чужой территории в чужую игру, если только это не часть твоего собственного замысла!..***

ГЛАВА 5

«Встретив мастера — поклонись судьбе,
встретив любого человека — узнай в нем себя
и поклонись самому себе».
Евангелие от Юлии и Юлиана

У индийцев существует подразделение всего человечества на четыре касты-слоя. Это, так называемые, брамины — священнослужители, которых относят к высшей касте, кшатрии — воины — вторая ступень, призванная поддерживать закон и порядок в государстве, а также вайшья — деловой и разный другой трудовой люд, то есть хозяева всех материальных и духовных благ. И, наконец, четвертая группа населения — шудры, неприкасаемые, которые стоят даже ниже рабов. Подразделение это условно, как и все в мире, но оно отражает всепоглощающее и тайное неравенство между людьми во все времена.

Этот факт приведен здесь для того, чтобы по аналогии проследить также в современном мире и социально-психологическое неравенство. Вот в чем оно заключается. Образно говоря, человечество подразделяется на везунчиков, трудяг и паразитов. Везунчики обычно рождаются «со звездой во лбу» и принадлежат к категории, в которой мы легко различим таких представителей человечества, как, например, Микеланджело, Александр Македонский, Моцарт, Пушкин, Шекспир, Байрон, Стравинский, Набоков, Чайковский, Есенин и т. д. и т. п. Все эти люди и подобные им, как бы по мановению волшебной палочки, обрели свое предназначение в начале своего пути, и резко и далеко оставили все человечество позади себя по ценности талантов, которыми обладали. В «миниатюре» представители этой категории встречаются и среди обычных людей, которых принято считать в народе «баловнями судьбы». Это те, у кого, на первый взгляд, все складывается само собой, и как ракета, выпущенная к звездам, они с кажущейся неимоверной легкостью достигают их за очень короткий срок. К таким людям мы могли бы также причислить, поднимаясь все выше и выше по лестнице карьеры и успеха, например, Онассиса, Рокфеллера, Чарли Чаплина, Дейла Карнеги, Ога Мандино, Эндрю Карнеги и многих других счастливых представителей человечества. Есть еще в этом ряду, так называемые, духовные лидеры, которые, в принципе, стоят особняком. Потому что всему остальному человечеству подняться до их уровня просто никогда не светит. Это Будда, Христос, Махавир, Нисаргадатта Махарадж, Рамеш Балсекар, Рамана Махарши, Пунджа, Ошо, Кришнамурти и горстка других, — к сожалению, микроскопическая часть от всех остальных, не достигших «просветления», миллиардов и миллиардов в истории планеты.

Они, эти просветленные мастера, люди на пике возможностей человеческого сознания. Но об этом позже…

А сейчас нас интересует то, что помимо «везунчиков» существуют еще трудяги, то есть люди, создающие материальные и духовные блага, и паразиты, которые, ничего не создавая, просто ими пользуются. Суть вышесказанного проста. На самом деле, человечество существует исключительно за счет производителей материальных и духовных благ, а все структуры и надстройки вокруг этого ранга людей, практически, обслуживают самих себя. Тонкость еще и в том, что в любой деятельности и профессии могут быть как везунчики, так трудяги и паразиты. В свете вышесказанного становится отчетливо понятным, что человек, видимо не производя материальных и духовных благ, может рождать идеи и проекты или осуществлять большую и плодотворнейшую часть общей работы. А среди «производителей» возможен не малый процент людей, которые, к слову, являются производителями лишь формально, по сути же, оставаясь «паразитами». Так, среди «везунчиков» тоже может быть следующая градация: «везунчики»-трудяги, автоматически попадающие в категорию «со звездой во лбу», и «везунчики»-паразиты, которых в конечном итоге, ожидает плачевная участь паразитствующих «изгоев», обусловливающих свою принадлежность к жертвам этой жизни, поскольку они не являются источниками своего собственного достатка и изобилия. В конце концов, с большей высоты — больнее падать…

Формула проста: или ты сам создаешь и делаешь свою жизнь такой, какой хочешь, или же жизнь по своему усмотрению делает тебя таким, каким ей заблагорассудится. А предугадать хитросплетения жизненных уроков, как известно, невозможно. Отсюда — век живи, вес создавай себя и свое окружение по своему собственному усмотрению и желанию, и тогда те самые уроки жизни научат тебя быть созидателем, а не жертвой, — победителем, а не паразитом.

И опять мы в поисках заработка. По объявлениям в газетах мы нашли контору по распространению дешевого китайского товара. Правда, заявлялась она как курьерская работа молодых и энергичных людей «по доставке на дом подарков и товаров зажиточным клиентам». На месте оказалось, что здесь работают, так называемые, «зазывалы». Те самые, в основном, молодые, с образованием и без, в обычных своих костюмах и со стандартными черными пакетами в руках, попадающиеся на глаза прежде всего у вокзалов, торговцы обоих полов, продавцы всего, что нелегко сбыть в обыкновенных магазинах. Это те, кто в основном выживают, по тем или иным причинам, в столицах и городах необъятной России, которая не дала им «тихой» зарплаты, приличной должности, отвечающей их запросам, и государственного обеспечения. Нельзя сказать, что специализация подобной торговли легка и проста. Больших трудов стоит, встав рано утром, не опоздать к перекличке, рассортировать по сумкам дешевый китайский товар и уйти «в поле», на местном жаргоне обозначающем улицу. А там всучивать и втюривать ширпотреб, расписывая его или как модные современные изобретения ученых, или как подарок в любую семью. Очень важно смотреть клиенту прямо в глаза, невинно улыбаясь, тараторить неоднократно зазубренный текст на тему «как Вам повезло приобрести задешево дорогой презентабельный товар», и вовремя унести, если повезет, наскоро запихнутую в карман прибыль. Как ты понимаешь, наш дорогой читатель, к созидателям подобная когорта «предпринимателей» не имеет никакого отношения. Хотя и в такой среде встречаются «везунчики», которые за год-два интенсивной и упорной работы достигают приличных высот в своем деле: открывая собственные офисы и получая возможность, за счет все новых потоков искателей «легкой» наживы, действительно неимоверно обогащаться и получать свои долгожданные блага.

Мне лично посчастливилось наблюдать в работе такого мастера своего дела. Он-то и научил меня азам непростого ремесла продажи, в которой сам он всегда и закономерно

имел свою долю, примерно «один к двум». Этот человек практически из всех положений выходил победителем, поскольку даже любая неудача была для него лишь ступенькой к следующему успешному действию.

Проработал я под его началом всего только один день. Истоптав, как положено новичку в первый день в связке с ним, территорию одного из московских заводов, я был свидетелем, как он легко и уверенно (после двух лет упорнейшей практики) из ста процентов четко присваивал семьдесят процентов удачи, тогда как многим и почти всем остальным удавалось ухватить из ста лишь, как максимум, десять.

Было трудно. Каждый день в общежитии (сорок минут езды электричкой от одного из московских вокзалов) меня ждала жена, и каждый день строго, как добытчик, я уезжал рано утром и возвращался поздно вечером назад, не зарабатывая почти ничего. Каждый день я сдавал экзамен на прочность, с исступлением утопающего цепляясь за последнюю возможность не оставить нас с женой голодными. Было трудно.

Я недолго «проработал» и в этой фирме. Были другие, подобного же рода, по распространению других товаров, например, кошельков, сумок, барсеток, бареток, ключниц, портмоне и других кожаных изделий. Затрачивались усилия, ежедневная борьба за выживание вышибала почву из-под ног, выжимала последние силы, перемалывала в муку злость, пот, ненависть и ярость, совсем как у Джека Лондона, неистребимого, испепеляющего желания выжить и найти наконец свой живительный источник победы.

Главное, что мне дала встреча с моими «наставниками», — это ясное понимание того, что работать на любой территории, в любой деятельности необходимо с четкой целью, активно и тщательно до мелочей, то есть надлежащим образом развивая инициативу, не пропуская ни одной детали в работе, начеку к неожиданностям, и с несомненным азартом игрока, который в каждый момент времени ставит на кон все и побеждает. Этот путь привел постепенно и последовательно, наконец, к нашему с женой знакомству с новым бизнесом, недавно появившимся в России.

15 июля 1998 года. Наконец мы встретили ее, женщину-мастера, нашего ангела-наставника, изменившего всю нашу жизнь. Но до этого были долгие месяцы метаний, мытарств, безумного выживания. Долгие, безумно долгие дни ожиданий моего любимого, занятого добычей пропитания. Он уходил из дома в пять утра и приходил в одиннадцать ночи со стертыми в кровь ногами, выжатый как лимон и абсолютно обессилевший. А на следующий день надо было опять вставать ни свет ни заря и ехать в Москву, на «работу». Пару раз он брал меня с собой, но из этого выходила лишь одна морока. В туфлях на шпильках ходить долго и быстро я не могла, а в шортах и зимних ботинках вид у меня был довольно экзотический, к тому же, через десять шагов ноги были уже буквально как в парилке, поскольку погода стояла теплая и температура достигала 30 градусов Цельсия в тени. Сидеть дома, то есть в вышеописанной комнате, в абсолютно пустом общежитии, где из развлечений и собеседников было только радио, стало невыносимо. И вот в мае Юлиан стал потихоньку «выталкивать» меня «из гнезда», предлагая побыть в роли продавца. В студенческие годы я подрабатывала в каникулы на торговой точке, с легкостью и успехом продавая овощи и фрукты в родном маленьком городке. За восемь дней работы я перекрывала месячную зарплату моих родителей, которые всегда получали, по общим меркам, довольно солидные деньги. Но сейчас ситуация была абсолютно другой. Ни о каких легкости и комфорте не могло быть и речи. Я пищала и сопротивлялась как могла. Нам давали на реализацию какие-то косметические маски, которые «буквально улетают по 60 рублей за штуку». У меня почему-то за месяц похождений с трудом взяли одну да и то за 30 рублей. А кушать хотелось каждый

день. Мы даже работали на даче под Рязанью у одной «доброй женщины», трясясь четыре часа в электричке, чтобы пару раз в день перехватить быстрорастворимой каши с вареньем. Наверное, и эта затея с игрой в продавца закончилась бы провалом, если бы судьба не послала нам нашего мастера. Она взяла нас под свое крыло и стала учить «ловить рыбу». Первое, что мы узнали от нее это то, что мы, оказывается, очутились в волшебной стране возможностей, которая называется «сетевой маркетинг». И что не надо ничего продавать, а надо просто делиться с людьми той радостью, теми благами, которые получили мы сами, пользуясь чудесными продуктами. Буквально окрыленная, я носилась от одних дверей к другим с воодушевлением рассказывая, рассказывая, рассказывая... И вдруг: «Сколько это стоит? Я беру». Это было как ведро холодной воды в жаркий полдень. Я не поверила своим ушам. Я ничего не собиралась продавать, я просто делилась тем, что узнала сама. Это был перелом. Я ухватила суть! И дела пошли в гору. Я уже с удовольствием предлагала женщинам и мужчинам все, что оказывалось у меня в этот день в сумке. И успех был неизменным. Самое интересное было то, что я осуществляла свои «подарки-продажи» в киосках, которые находились рядом с офисом фирмы, где мы брали продукцию. Сотни и даже тысячи дистрибьюторов в течение двух лет ходили мимо и не удосуживались в них заглянуть. Наш мастер вела обучающие занятия для своих сотрудников-дистрибьюторов, и поверив в нас, видя в нас перспективу, стала «выталкивать» нас проводить часть этих занятий. Мы просто суммировали свой небольшой, но разнообразный опыт и делились им с другими. Вот здесь-то и заронилось зерно нашей будущей профессиональной деятельности. Мы почувствовали, что обладаем чем-то особенным, но что это — точно понять пока не могли.

* * *

В жизни встречи с людьми — предопределены. Обстоятельства случаются для того, чтобы возможности, скрытые в этих встречах помогали раскрываться лучшему в нас, вели нас к вершинам. Смысл человека, закодированный вечностью, — осознать в себе ответственность перед обществом, в котором он призван из небытия силой любви к единению с другими через взаимное соучастие, обоюдное сострадание. Встречая человека на своем пути — поклонись великому шансу полюбить в нем себя самого.

Правило № 5: ***Возьми на себя ответственность за создание мира, в котором ты свободен предоставлять свободу другим быть твоими друзьями и наставниками.***

ГЛАВА 6

«Лишь необходимость рождает удачу».
Евангелие от Юлии и Юлиана

Сетевой маркетинг — это, пожалуй, единственный бизнес в России, который предполагает постоянное обучение. И обучение, скорее, не столько способам ведения самого бизнеса, сколько способам раскрытия в каждом человеке его возможностей, способностей и незадействованных ранее ресурсов. Беда лишь в том, что современные психологические школы, особенно используемые в нашем государстве, очень мало уделяют внимания конкретному, индивидуальному человеку, а больше заинтересованы в пропаганде и продвижении неких строго специализированных и обособленных шаблонов и схем психологии. Конечно же, в зависимости от личности психолога, схемы эти и шаблоны могут быть более-менее гибкими и подвижными, но по сути своей, все равно ограниченными узостью самого предмета психологии. И это неизбежно.

Волна школ и методик, захлестнувшая территорию бывшего многонационального государства, сыграла свою позитивную роль в раскрепощении сознания граждан. Но поскольку это раскрепощение и освобождение человеческой личности из-под гнета стереотипов совдеповского реализма все еще находится в нашей стране на ранней, почти зародышевой, стадии, настоящая революция сознания еще впереди.

Итак, сетевой маркетинг дает возможность любому человеку распоряжаться своим собственным временем, вести дела по своему усмотрению, применять те методы работы, которые нравятся, а не навязываются, и, наконец, расти и совершенствоваться, как в личном, так и в финансовом плане. Определенный этап сетевым маркетингом пройден. Он позволил апробировать систему на российской почве, — она пустила корни и прижилась. Сделано по-настоящему много. Но в рамках именно российского менталитета. Продвижение и распространение товаров и услуг по системе сетевого маркетинга реально и значительно помогло бывшей советской экономике в предоставлении рабочих мест населению. Явный позитив возможностей этого бизнеса помог людям по-новому поверить в себя, по-новому взглянуть на неограниченный потенциал сугубо оригинальных, глубоко личных качеств. Самое важное, как представляется по опыту ведения этого бизнеса сетевыми компаниями, заключается в том, что это бизнес всегда с «индивидуальным человеческим лицом». То, насколько человек способен и умеет общаться, то, насколько он заряжен оптимизмом, юмором, теплом и сердечностью чувств по отношению к другим, определяет успех его карьеры. Лидеры этой системы в разных компаниях ведут свою, своеобразную, не сравнимую больше ни с чьей политику передачи знаний и возможностей «от сердца к сердцу». Многие мастера западного сетевого бизнеса утверждают, что Россия имеет в этом плане неограниченный потенциал. Поэтому крайне важно направить развитие сетевого маркетинга курсом поддержки и выявления личных инициатив нашего российского человека, но в рамках обширного и научно-конкретизированного опыта ведущих специалистов на Западе.

Когда мы болтались от фирмы к фирме, упорно зазываемые их представителями попробовать «уникальный продукт» и маркетинг-план, все вышеизложенное мало влияло на наши успехи. Да, в принципе, не всякая теория способна побудить человека к результативному действию. Мы с Юлей рано поняли это, настолько рано и полно, что,

оглядевшись в «море» сетевого маркетинга и рационально взвесив все «за» и «против» этой по-настоящему не оцененной деятельности, пришли к выводу создать, прежде всего для своего ближайшего окружения, систему адаптации предоставляемых возможностей.

Было много встреч, мы взахлеб обучались и впитывали премудрости книжных знаний по этому предмету, проходили так называемые школы и семинары, выезжали на обучение за город, слушали лидеров, строили свою собственную организацию, продавали продукцию, в общем, грызли гранит науки с такой интенсивностью, что, казалось, секретов в сетевом бизнесе для нас просто не существует. Но по-настоящему нас интересовало совсем не это. Мы осознали с неимоверной ясностью, что способны, при помощи возможностей и средств сетевого маркетинга, встречаться с людьми и доносить до них, делиться необыкновенной жаждой... самопознания. Лично о себе могу сказать, что эта самая жажда, не оставляя меня с самого раннего детства, толкала и вела меня к поиску настоящей истины о жизни. Религия никогда не была для меня сводом моральных законов и правил, с целью оказаться поближе к могущественному седобородому Богу, где-нибудь в райских кущах. Меня больше интересовала личность тех людей, которые были источником самих основ религии. Почему их мало? Где они нашли источник той силы, что заставляла этих людей самозабвенно сражаться за свои идеалы, за глубоко скрытый в них самих опыт святости? Будда, Иисус, Махавир, Заратустра, «просветленные» Индии, — что такое обрели они в самой сердцевине своего опыта? Что позволяло им с легкостью принимать смерть за Истину? Долго и упорно искал я. Скорее, пытался изо дня в день, из года в год, нащупать, осознать, обрести хотя бы намеки того опыта, который воспевали и несли в мир эти величайшие «Творцы в Духе». Их распинали, побивали камнями, преследовали и гнали прочь от устоев ортодоксальных религий и, так называемых, святынь человечества... Но они спокойно и торжественно, безропотно и мужественно продолжали указывать «слепым» пути их истинного предназначения. История жестока, но мир о них не забыл. И современные «просветленные мастера» — Рамана Махариши, Ошо, Нисаргадатта Махарадж, Пунджа, Кришнамурти и некоторые другие являются ярчайшими звездами того Пути, который от рождения предначертан разумному человечеству, — обрести свою истинную природу, природу духовного царствования над материальным миром.

Профессия, которой я обучался и обучение которой успешно завершил в театральном институте, профессия актера, помогла на практике, «проживая чужие жизни», приблизиться к некоему энергетическому пространству, которое питало мои духовные прозрения и психологические поиски. Приобщение к классике, практическое «знакомство» на сцене с титанами литературы, помогло ощутить себя не замкнутым миром человеческой формы, а богатым и безграничным источником подлинного «переживания» жизни, источником сострадания. И еще повезло мне, когда со свердловским театром оперетты я попал на гастроли в Израиль. И предчувствуя необычную встречу на родине Христа, в местах его святого паломничества к душам людей, я пережил, наконец-то, в Хайфе перед очередным спектаклем, гуляя в одиночестве, «мистический» опыт безраздельного слияния души с безграничным океаном иной реальности, нашего изначального царства, родины одного истинного «Я», бессмертия духа — Внутреннего Единства Сущего.

И теперь, обогащенный и одухотворенный этим опытом, который, в частности, в краткие мгновения общности ощущала вместе со мной и моя жена, я с уверенностью и убежденностью могу констатировать, что наш с Юлей тренинг, специалистами которого и основателями системы которого мы являемся, — уникальная возможность ощутить и освоить любому человеку опыт того же самого «единения в духе».

1 мая 1999 года. Мы снимаем шикарную квартиру в центре Москвы. И нам предложили проект, где созданный нами тренинг продается по системе сетевого маркетинга. Как долго и трудно мы шли к этому дню. После комнаты в общежитии было другое общежитие — гостиничного типа, затем — трехкомнатная квартира в Подмосковье. Мы сняли ее, захламленную, за смешные деньги, вылизали каждый уголок, и изумленные хозяева стали поднимать арендную плату в три, четыре, пять раз. Затем была комната у подруги, потом комната у одной бабушки, уже в Москве. И вот, наконец, своя, чистая, очень уютная квартирка в центре, в пяти минутах ходьбы от метро. До последнего момента мне не верилось, что мы будем здесь жить. Я вспоминала долгую дорогу по заснеженному подмосковному городку до платформы, затем беготню от контролеров по электричкам и мучительный проход в метро «зайцем»...

Август 1998 года, ставший для многих временем финансового падения, был для нас периодом взлета. Да, небольшого, но тогда для нас очень значительного. Во время всеобщей паники я, нарасхват, коробками, продавала товар по двойной—тройной цене. Буквально за неделю мы расплатились со всеми накопившимися к тому времени долгами и с легкостью заплатили за трехкомнатную квартиру на два месяца вперед.

А в сентябре 1998 года был создан тренинг. Мы провели его с группой своего информационного спонсора (человека, пригласившего нас в компанию), и результат ошеломил нас самих. Во-первых, вместо зашуганных бабушек перед нами предстали цветущие женщины, а, во-вторых, объем продаж этой группы за три месяца увеличился в 25 раз. В-третьих, мы увидели, что польза, которую мы можем принести, разрабатывая и совершенствуя наш тренинг, несоизмеримо выше той, что мы приносим будучи просто дистрибьюторами какой бы то ни было компании. Тем не менее, еще несколько месяцев мы продолжали бегать с сумками, продавая товар, и привлекать людей в бизнес. Ведь кушать хотелось каждый день, да и за жилье надо было платить... А новая наша деятельность как тренеров требовала вложения сил, времени и денег. Нас не знали. Надо было себя рекламировать и продавать. Да, первые пять человек с радостью делились своими успехами с окружающими, но это была ничтожно малая часть, чтобы раскрутить такой сложный проект. По рекомендациям мы успешно провели пару тренингов в других компаниях. Затем с треском провалились в третьей. Были жуткие сомнения: может, все-таки мы не тем занялись, может, лучше продолжать дистрибьюторскую деятельность, которая к тому времени стала давать небольшой, но стабильный доход. Однако метаморфозы, которые происходили с выпускниками наших тренингов, вмиг развеивали все сомнения. И мы упорно продолжали восхождение на вершину нашей пирамиды успеха, кирпичик за кирпичиком укрепляя фундамент и надстраивая стены. Снова были многократные красочные рассказы о том, какие мы хорошие и как мы всем нужны. Снова были взлеты и падения. Но каждый наш провал давал неоценимый урок. Мы совершенствовали наш продукт — наш тренинг, отсекая лишние и добавляя необходимые элементы. Увеличивали и сокращали время проведения, количество участников. Вместе с тем продолжали активно учиться на победах и ошибках других, читая литературу, проходя семинары, слушая лекции. И мы все больше и больше убеждались в уникальности и действенности созданной нами системы. Мы сумели соединить подходы тренингов личностного роста и тренингов отработки практических навыков. И этот союз, наложенный на наш опыт работы в американской обучающей фирме, ряде сетевых компаний и непрестанный внутренний поиск истины, создал настоящее взрывное устройство с часовым механизмом. И срабатывает оно абсолютно у всех. Просто в разное время. Кто-то «прозревает» сразу, кто-то через неделю, кто-то через месяц... Но самое ценное, что, проходя тренинг, люди получают

реальные ключи решения своих конкретных проблем. И эти ключи они всегда имеют при себе, и могут воспользоваться ими в любой момент, и даже передать их другим. Итак, после долгих месяцев упорной работы, мы достигли очередной ступени в своем движении к наибольшему успеху, будучи успешными на каждой ступени этой высокой, крутой, но так необходимой лестницы.

* * *

Мы призываем тебя взглянуть на всю эту информацию, на все эти факты, как на близкую, знакомую тебе историю приключений собственной души в мире всевозможных препятствий, наш читатель, наш друг, наш современник. И тогда правило № 6 врастет в твою жизнь всеми корнями своей простодушной и непреходящей премудрости.

Итак, правило № 6: ***Иди по жизни только своею собственной дорогой — ибо она единственная.***

ГЛАВА 7

«Приходящего ко мне да встретит пустота...
божественная пустота».
Евангелие от Юлии и Юлиана

Наш тренинг пытались продать по сетевому маркетингу, сделав его продуктом потребления для широких масс. Но затея эта, к сожалению, не оправдала себя. Человек, который стоял во главе этого предприятия, пообещал нам приток новых и новых клиентов, стабильную солидную оплату ежемесячно, но не справился с этой задачей. Во-первых, в связи с его прошлыми долгами и обязательствами, которые он давал в предыдущей своей деятельности, ему пришлось, в конце концов, просто уехать из столицы, из Москвы. А во-вторых, проходящие тренинг настолько воодушевлялись результатом и проясняли свои цели, что ни времени, ни возможности привлечения новых людей, как это свойственно сетевому маркетингу, у них просто не оставалось. Таким образом, рекламу и продвижение тренинга дальше вновь приходилось делать нам самим, как и прежде. Хотя был еще один эпизод, связанный с попыткой работать в команде, которую мы предварительно попытались собрать в одно целое, но планы были долгосрочные, а людям хотелось прибыли теперь и сразу, и потому, в очередной раз, наши пути с потенциальными компаньонами разошлись, и мы продолжили плавание в одиночку. Однако, весь секрет заключался в том, что те ключи, которыми мы располагали для предоставления на тренинге людям, работали несмотря ни на что. Так что медленно, но верно мы продвигались к реализации своей единственной цели — помогать жаждущим в обретении своих настоящих целей и рычагов воссоединения со своим безграничным личным потенциалом.

Несомненным спутником любого начинания всегда является финансовый вклад, который совместно с дерзостью планов, целеустремленностью и терпением создают базу для дальнейшего роста. Поэтому, поскольку приток новых клиентов проходил крайне медленно и крайне неравномерно, мы опять влезли в долги. Сумма для нас, по тем временам, была приличная, но сдаваться мы не собирались. Мы продолжали систематически заниматься своим основным делом и в перспективе намеревались создать Академию тренеров, которая дублировала бы и делегировала бы наши знания и опыт. Единственно, что срабатывало не в нашу пользу, был временной разрыв между громадьем планов и их реализацией, как это и бывает в любом стоящем, перспективном и глобальном творческом мероприятии. Следует напомнить, особо подчеркнуть тот убедительнейший факт, что вся наша система основывалась на фундаментальном непоколебимом постулате о природе вещей. И даже достигая вершин в профессиональной деятельности, в карьере любого рода, человек обычно довольно поверхностно относится к своему макрокосмическому предназначению, к своему глубинному «я», в котором скрыта вся тайна вселенной. А без освоения и постижения этого «я», без всепоглощающего стремления к внутреннему паломничеству, к медитации, все основные богатства, все необозримое изобилие данности человека как тайны вселенной, как явления природы, бесспорно ускользает от самого этого человека.

Цивилизация, достигшая невиданного размаха в эволюции технических средств, совершенно недвусмысленно стоит перед разочарованием в скудости и нищете реализации своих внутренних духовных возможностей как «венца и перла» творения. И

бездна блаженства, экстаз существования, оргазм бытия сокрыты от человека его собственным упорным нежеланием разобраться в себе, раскопать кладезь духовного совершенства, открыть резервуар истинного величия... и бессмертия. И как бы выспренно это ни звучало, человек остается для самого себя «инкогнито за семью печатями». А это — основная ложь и лицемерие, не дающие его жизни ни полета, ни смысла.

27 декабря 1999 года. Скоро, совсем скоро новый год, новый век, новое тысячелетие. С чем мы к нему подходим? С нашим детищем, которое совсем недавно встало на ноги. Пытались развивать и продвигать его разными способами: искали профессионального продюсера для раскрутки, входили в тусовки деловых людей, рассылали тысячи факсов по предприятиям и фирмам. Пытались проводить тренинг в кредит... Денег ни в одном случае мы так и не дождались. Само собой возникло правило: оплата вперед. Пытались делать «подарки» друзьям, работая с ними бесплатно. Результат — нулевой. Возникло следующее правило: любой тренинг платный. Пытались делать, так называемые, презентации, показывая отдельно выбранные части тренинга. После этого получали недовольные отзывы и оплеухи (только целостный подход дает прекрасный результат). Родилось третье правило: тренинг предоставлять исключительно целиком, а не частями. Так, шаг за шагом, на практике мы оттачивали не только свой профессионализм в проведении самого тренинга, но и приобретали необходимые навыки для его продвижения. Вместе с тем, квартира стоила не дешево, и все заработанные нами деньги уходили арендодателям, которые, к слову сказать, их тут же благополучно пропивали. А мы неделями сидели без крошки хлеба во рту или давились похлебкой из воды, соли и сушеной крапивы. С квартиры съезжать сначала не хотели, а потом не могли, так как во всех рекламах, информационных листках и визитках был телефон именно этой квартиры. И уже пошел какой-то отклик. Мы активно применяли те принципы, которым обучали людей, и каким-то «чудом» продолжали жить в центре Москвы, наслаждаясь прекрасным видом из окна, прогулками по предновогоднему, сверкающему огнями городу, и упорством в достижении поставленных целей.

* * *

Танец жизни бесперспективен, если нет ощущения масштабности, полноты и целостности той невыразимой Бесконечности слабым, но красочным отражением которой он является.

Поэтому, правило № 7: ***Не суетись перед лицом Вечности. Порожденный ею, неси с достоинством в свое «завтра» Ее всегда пульсирующее во всех нас Величие.***

ГЛАВА 8

«Есть только те, кто полностью доволен
происходящими переменами, и те,
кто об этих переменах
даже не подозревает…»
Евангелие от Юлии и Юлиана

Да простят нам люди, верящие в загробную жизнь, но правда заключается в том, что никакой жизни после смерти просто не существует. Известный американский ученый Л. Р. Хаббард, например, с помощью практических исследований ума человека доказал, что у любого индивидуума существуют записи картинок происходящего на протяжении не только одной индивидуальной жизни, которые иногда проявляют себя. Человек решает, что он помнит «свои» прошлые жизни. Но на самом деле это не так. Каким-то образом он лишь получает доступ к знаниям на протяжении «жизней» других индивидуумов. И смысл человеческой жизни, как оказывается, закодирован в каждом мгновении его существования как необычайная, сверхъестественная возможность войти в непередаваемый экстаз безвременного и беспространственного бытия.

В принципе, в этом заключается суть и смысл медитации как таковой. Тогда человек во всей красоте и первозданности познает действительную ценность безындивидуального, всеохватывающего, бесподобного и непередаваемого по силе и важности опыта, который является его изначальной бессмертной и неподвластной ни формам, ни материальной вселенной.

Наши с Юлией профессиональные навыки актера-режиссера и филолога позволили осознать стопроцентную необходимость и возможность делиться с каждым человеком проблесками этой истины. А так же подсказали Путь, который способен приблизить человека к осознанию его истинной породы, через Просветление, то есть овладение ею на всех уровнях жизни. Для этого в тренинге, систему которого мы разработали, основное внимание уделяется общению — инструменту, исключительно помогающему эффективно и качественно добиваться успеха в любой деятельности. И осознав свое настоящее предназначение, и получив ключи реализации своих планов на пути к этому, человек естественным образом становится самодостаточной и счастливой сущностью. В этом цель и предназначение нашей деятельности как тренеров, Юлии и Юлиана.

30 января 2000 года. Никаких особых событий за последний месяц не произошло. Разве что юбилей моей мамы. Съездили. Поздравили. Заодно провели тренинги в Екатеринбурге. Мама, как всегда, недовольна: «Вы ничего не достигли!» Не так живем, не тем занимаемся. Вот хорошая работа учителем литературы в школе. Зарплата стабильная. Да, мы крепко цепляемся за стабильность, и боимся сделать шаг навстречу переменам. Тех, кто приходит к нам на тренинги, можно с уверенностью назвать уже преуспевающими людьми. Они отваживаются сделать шаг навстречу неизвестному. Вспоминается один мужчина, который очень боялся, что мы занимаемся на тренинге «черной магией» или чем-то подобным. Но с какой благодарностью он жал потом нам руки! А другой на второй день тренинга сказал, что утром, в зеркале, увидел нового человека, «как будто какую-то пелену с глаз сняли». Он поставил себе целью в течение двух недель достичь следующей ступеньки

своей карьерной лестницы. Перезвонил через два дня. Сообщил об ошеломляющем успехе. Самое интересное, что массово выпускники говорят о попадании в «поле везения». Вдруг начинают звонить и возвращать долги пропавшие год назад знакомые. Или в метро встречается друг, живущий во Владивостоке, с которым не виделись десять лет. Мама проходит тренинг, а отец с сыном, ничего не знающие об этом, вдруг перестают конфликтовать между собой. Женщина в шестьдесят лет впервые в жизни идет в парикмахерскую делать маникюр, покупает новый костюм и на глазах молодеет. В процессе работы мы познакомились с одним уникальным человеком, женщиной, которая, в свое время, работала над имиджем политика Лебедя. Теперь это и наш имиджмейкер. И наши выпускники зачастую тоже становятся ее клиентами. Одна женщина, которая называет нас своими родителями (в том смысле, что мы родили ее духовно заново), вначале решила «проверить» нас и подсунула психологу, который, как он сам представился, считается третьим в мире специалистом. Как психолог он действительно профессионал. Его диагноз был: «То, что я делаю за 250 часов, эти ребята пытаются делать за 10». Это была лучшая реклама нам, и на следующий день эта женщина уже проходила наш тренинг. А пять человек после прохождения базового тренинга «Зеркало», вообще открыли свои фирмы. Среди них 58-летняя учительница физики. Кто-то вышел замуж или женился, освободившись от тяготившей их годами неработающей связи. Когда нас пытались продавать по сетевому маркетингу, мы позвонили одной из выпускниц с предложением принять участие в проекте. В ответ услышали: «Спасибо. Именно благодаря вам я поняла, что сетевой маркетинг — это не мое. Я превосходный парикмахер. Сейчас я устроила частную парикмахерскую у себя на дому и провожу все свое время с любимой дочуркой». Еще одна женщина на тренинге сказала: «Вы освободили меня от 40-летнего груза того, что я не стала актрисой». А 60-летний мужчина, подошел к нам перед занятиями и, смущаясь, сказал: «У меня проблема с излишним весом». Мы ответили: «Не знаем, как излишний вес, но проблема точно уйдет». Ушла не только проблема. Через два дня он с гордостью показал, что перестегнул пояс на брюках на две дырочки.

Когда наблюдаешь горящие глаза, счастливые улыбки и меняющиеся судьбы, то точно знаешь, что ради этого дела преодолеешь любые преграды. Ведь наша деятельность нужна. И мы должны победить не только ради нас самих, но и ради тебя, наш дорогой читатель и друг. И мы побеждаем.

* * *

Нелегка дорога... Особенно дорога к звездам. Но если ты уже движешься к ним, ты ощущаешь их свет на своем лице. И он не дает тебе сбиться с пути. Ты обязательно обретешь свою мечту, ведь ты поверил в это с самого начала.

Правило № 8: ***Принимай перемены всем сердцем. Любые, все... Не забывай, что жизнь — неизменное движение. Двигайся к переменам, изменяйся с изменениями, будь готов к этому вечному движению каждое мгновение; и начинай двигаться даже там, где другие сказали: Я — достиг! Я — лучший...***

ГЛАВА 9

«Каждая женщина — вино вдохновения
для мужчины...»
Евангелие от Юлии и Юлиана

Год 2000. 2 июня. Читка. Мы на окраине Украины с моей женой у моих родственников. А читка — это профессиональный театральный сленг. Читка — это когда режиссер первый раз знакомит трупу с текстом запланированной к постановке пьесы. В данном случае — В. Шекспир «Как Вам это понравится?».

Так случилось, что я ставлю Шекспира... Одна из самых сложных постановочных вещей великого драматурга, я бы сказал, единственного творца от театра, который сделал театр самой поэзией, а поэзию поднял до высот самой жизни...

Если говорить о театре, то для меня театр это, прежде всего, — Шекспир, чей мир — сама вселенная театра, театра жизни.

Сам русский драмтеатр в городе, где мне предложили постановку, терпел не самые приятные времена: менялось руководство, актеры были не в лучшей творческой форме. Два года простоя не дали ничего хорошего театру, где сложная внутренняя обстановка, мизерная заработная плата и т. д. и т. п. далеко не способствовали реализации предстоящего проекта. Для меня это был серьезный экзамен на прочность не только в силу вышеизложенного, но и потому, что я решил, и жена моя меня поддержала, использовать навыки и умения тренинга, который либо доказал бы свою безусловную универсальность, либо поставил под сомнение само его существование.

Мне посчастливилось обнаружить в пьесе возможности шоу-фантасмагории, которую актеры разыграли по мотивам этого многослойного и неоднозначного произведения. В основу природы актерского существования в предлагаемых обстоятельствах «Как Вам это понравится?» была положена импровизация, идею которой изначально труппа приняла в штыки по многим причинам. Но тренинг сказал свое веское слово и его концепция сработала. Спектакль нашел, наконец, поддержку у актеров, и премьера состоялась...

Моя жена Юля, которая ждала меня ежедневно с «работы», принимала участие в моих внутренних сомнениях-разборках, еще раз дала мне понять, что мы с ней единая команда, как в жизни, так и в работе. Она вдохновляла меня, как вдохновила когда-то на совместное путешествие к вершине... Мы опять победили, победили в самом главном — в понимании и осознании нашей семьи как команды единомышленников, команды победителей.

30 октября 2000 года. Мы возвращаемся в Москву. Месяцы постановки были для меня мучительными. Ждать — это, наверное, самое большое испытание. Но, когда умеешь ждать, всегда получаешь приз. И вот, 27 октября — блистательная премьера. И этот спектакль мой любимый муж посвятил мне. В год моего 25-летия — это самый изысканный подарок, о котором может мечтать любая женщина. Спасибо тебе, дорогой! И извини, что часто была несдержанной, вспыльчивой, капризной. Но это наша общая очередная победа. И я счастлива.

* * *

Правило № 9: ***Отдай себя любви, растворись в ней, дай себе свободу любить и быть любимым, и успех станет твоим узаконенным владением.***

ГЛАВА 10

«Жизнь — это пир, когда к нему готов…»
Евангелие от Юлии и Юлиана

Мы продолжаем свой путь, свою профессиональную миссию.

Наше доверие к существованию, доверие друг к другу, доверие нашего окружения к нам окрыляет и делает достижимой любую цель в настоящем и будущем.

Да здравствуют испытания и проблемы, падения и взлеты, разочарования и обретение веры, а более всего этот потрясающий праздник бытия — быть человеком!..

Ведь приключения, ради которых Бог создал эту вселенную, солнца, землю, нас — заставляют ловить жар-птицу удачи, добиваться невозможного. Потому что пиршество и восторг существования уже происходят, происходят всегда, здесь и сейчас.

На пороге третьего тысячелетия мы имеем главное преимущество цивилизации — узнать Бога в себе, вспомнить свое основное право и созидать, созидать, созидать дальше и больше счастья, удачи, везения, успеха, будучи своим собственным светочем мудрости, кайфа и великолепия. Не будьте жертвой, создавайте себя сами!..

31 декабря 2000 года. 22 часа 45 минут. Весь мир вторично встречает третье тысячелетие. А мы завершаем нашу книгу — руководство к действию. В наступающем году, веке, тысячелетии мы желаем тебе, дорогой наш читатель и друг, наш современник, отбросить прочь неработающие рассуждения, верования, шаблоны прошлого и действовать, действовать, действовать. Смело встречать проблемы и, успешно их преодолевая, двигаться вверх, по лестнице своего успеха, к своей цели. Ты уже успешен! Ты уже победитель! Удачи тебе. Будь счастлив каждое мгновение. Это не сложно.

* * *

Правило № 10: ***Празднуй жизнь всеми возможными способами, ликуй и смейся над этой шуткой, в которой по неизвестным никому, кроме тебя самого, причинам, ты согласился принимать такое живейшее участие!***

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЮЛИИ И ЮЛИАНА

«В начале было дело, и брошено было зерно, и стало зерно расти и развиваться, и появились плоды…»

«Хлеб наш насущный не дан, но заработан да будет…»

«Приходя в чужой монастырь, неси свой собственный свет».

«Когда буря врывается в твой мир, природа приветствует твое преображение…»

«Встретив мастера — поклонись судьбе, встретив любого человека — узнай в нем себя и поклонись самому себе».

«Лишь необходимость рождает удачу».

«Приходящего ко мне да встретит пустота… божественная пустота».

«Есть только те, кто полностью доволен происходящими переменами, и те, кто об этих переменах даже не подозревает…»

«Каждая женщина — вино вдохновения для мужчины…»

«Жизнь — это пир, когда к нему готов…»

БЕЗ ЛЮБВИ
(эротическая притча)

Каждый представляет себе любовь по-своему.
И каждый играет в нее как в игру.
И каждый играет в нее на своей стороне.
Хотя изначально кажется, что любовь - это дуэт.

Ему 40. Он женат. Можно было бы ничего не добавлять к этому. А что добавить, если человек счастлив? Просто счастлив своими ежедневными делами по дому, по работе, по хозяйству...

Просто счастлив тем, что жена красива. Скандалы не давят, родственники далеко. В общем, все условия для уютного семейного счастья.

Все условия, но... Это "но" может появиться там и сям, в момент времени, которого не ждешь, который непредсказуем. Человек счастлив, но...

Квартира большая. Они снимают ее в доме на углу 6-й Авеню, а, может, где-нибудь в Риме, на площади какого-нибудь святого, в Париже, или, может, в Москве, бедной моей, диковинной, любимой Москве... В общем, не так важно, где...

Это было, и поэтому могло произойти, где угодно. Немножко фантастики, немного фантазии, легкого флёра надежды, итак, не лучше ли по порядку, леди и джентльмены?

Ему — 40. Он женат уже 10 лет. Счастлив в семье и детях, в работе и бесконечных уик-эндах. У него машина, то ли опель франтера, то ли фолксваген — неважно. Джентльменский набор его гардероба неизменно элегантен. Он есть он, и жена — красавица. Да, красавица, умница, домохозяйка отменная,— шик, в общем, а не женщина...

Но мы условились по порядку. Поехали, полет будет то, что называется: "всего понемногу, а главное все же — любовь". Любовь — неуловимый аромат. Сокрушительная сила. Безумие и холод. Отречение и созидание. И вечная тайна, превращающая зиму в лето, а нас с вами... о, о нас самих мы уж тем более помолчим.

Он просто шел по следу ее длинных, стильных, офигительных ножек... О, как хочется иногда простого звериного счастья обладания,— до боли в яйцах, до спазмы в горле, до судорог в теле... Просто трахнуть, трахнуть, трахнуть... красивую женщину... Но это — о мужчинах. С женщинами повременим до поры до времени, но я обещаю — будет все, все будет... в свое время, господа и сударыни.

-Привет, день сегодня атласный...

-Какой?

О, это он любил, любил и умел. Ошарашить, увлечь, заставить удивиться и поверить на мгновение в самую несусветную феерию.

-День, говорю, просто струится... Видите ли, я художник... И вещи для меня — всегда из материи: из шелка, бархата, материи... Понимаете?

-Вы — художник?

Немножко глупый вопрос после такой тирады. Но... женщине прощается все. Все ли?

-Больше по жизни, чем по профессии. То есть рисую, конечно, но реже... кистью.

-(Смех)...

-Хм-м... Больше люблю... доводить все до логического конца. Придавать вещам, так сказать, законченную форму искусства.

-Вы знаете, мне нужно на метро, сюда... Я спешу.

-Но я провожу... Мне еще нужно так много сказать...

-Мне?

-Вам.

Долгий испытующий взгляд. О, эти взгляды! Оценивающие, пронзительные, вбирающие всего мужчину до центра, до самой сердцевины существа, впивающие в себя всю вашу суть, как мать, которая одним взглядом определяет у своего малыша всю сложную гамму его настроений, желаний, страхов и прочего в одно касание. Точно оценивая, что его заботит, печалит, здоров ли он, наконец.

О, эти женские, мучительно сладкие взгляды!

Мы шли медленно. Вальсирующая листва задевала нам руки, лица, одежду, и падала, падала, как падают звезды — стремительно и таинственно, со стремительной и таинственной же высоты. Пространство и листья, вечерняя даль, и опять — пространство и листья... И огни.

Мы шли по осенней улочке вдоль канала на Елисейских полях, а может, и по Уолл-Стрит, и падающая листва создавала ощущение театрального действия из пьесы какого-нибудь ностальгирующего автора.

-Я замужем. И я счастлива в браке. Вернее, мы так условились. Называться мужем и женой. А для любви ведь не обязательно быть мужем и женой. Для любви... надо любить. (Молчание). - Вот уже третий вечер мы гуляем с тобой. Мы гуляем по тихим улочкам, заходим в бары, кино... И опять гуляем... Вот уже третий вечер ты слушаешь, как я счастлива в любви. И ты — рядом. И мы гуляем... (Молчание). - Он ждет меня. Я говорю, что я иду к подруге, что помогаю разобраться ей со своими делами. Ведь она просит помочь ей... И я не могу отказать. И вот я опять с тобой. А моя бедная подруга, я уж не знаю, существует ли моя подруга... Я уже не знаю, существует ли какая-либо реальность, кроме этих улочек, улочек и вечерних огней... Но меня ждут. Мне пора.

-Мы увидимся завтра? Я буду ждать на том же месте.

-Не знаю. Наверное, нет. У меня много дел.

-С подругой?

-С мужем... (Молчание).

-Которого нет?..

-Который меня ждет. (Молчание).

-А что делать нам? Неужели эти вечера - иллюзия, обман, несуществующая реальность, неужели?

-Ты мне не нужен.

Она подходит к нему, кладет руки на плечи. Смотрит долго, испытующе. Следует долгий, томительный поцелуй.

-Ты придешь завтра?

-Зачем? (Молчание). Чтобы опять гулять?

-А ты бы хотела...

-Я ничего не хотела. Ладно. Я приду. На то же место. Бедный мой муж.

-Я буду ждать. По-моему, ты зря думаешь в такие моменты, что слова могут заменить суть. Иди к своему мужу. А завтра я буду ждать тебя на том же месте. И мы снова будем гулять, а может...

-Мне пора.

Целуются. Ее высокая стройная фигура медленно удаляется, растворяясь в сумерках вечерней туманной улочки. Он стоит, смотрит. Затем медленно достает пачку,

закуривает сигарету. Еще долго, испытующе смотрит ей в след, поворачивается и идет в противоположную сторону. Плотный как сметана туман густеет. Ни души...

Так все это начиналось.

А теперь ему 40. Он счастлив с нею, с Маргаритой. И она любит его. Красавица-жена, отменная хозяйка, дети, их трое - два мальчика и одна девочка. Все выходные они неизменно проводят вместе. В семейном кругу. Едут за город, где у них своя земля, часть леса и небольшой особняк. Или ведут детей в Луна-парк, катаются с ними сами, едят мороженое, смеются. И вечера. Уютные домашние вечера, где можно выпить "Мартини", расслабиться в кресле, пойти наверх. Приходящая няня уложит детей. И вечера любви будут опять долгими, изнемогающими.

-Давай, глубже, милый. Хочу, хочу, хочу. Давай, не медли. Я чувствую тебя... О-о-о...

Они стояли по-собачьи на широкой комфортабельной кровати в шикарном загородном отеле. К этому наслаждению они шли целых две недели. Сомнения, муки, встречи... Игра в странную рулетку, где почему-то всегда выпадает "зеро". Игра продолжается, и нет победителя, нет побежденного, нет краха, нет победы... Извечная игра двух начал: женской, заждавшейся ласки, плоти и мужского, нескончаемого, твердого, как скала, намерения побеждать, захватывать, обладать...

Тела переворачивались, находили все новые и новые позы и приспособления. Но жажда ненасытима. Источник безмерен. Глубина бездонна. Все эти две недели шла безуспешная борьба за первенство, в которой не могло быть ни победителя, ни побежденного, ибо... Либо оба проигрывали, либо выигрывали оба: в чувственности, страстном порыве к неизведанному, стремительном падении к удовольствию.

-Давай, милый. Я так этого ждала. Мне мало, мало. Глубже, прошу тебя. Еще, еще, еще...

Он задыхался. Он хотел ее еще и еще, но сил не оставалось, безумие хлестало из него тугой струей безудержного и горячего потока: спермой, страстью, потом, нежностью и... безысходностью.

Он не знал и не думал, чем все это может закончиться. Но одно знал хорошо,— если он потеряет ее, то он потеряет смысл не только будущего, но теперешнего, настоящего, жгучего момента времени. Тела безвольно откинулись на кровать расслабленными, истощенными детенышами, которые тщетно пытались поделить кусок пищи, брошенный им заботливой матерью-природой.

-Я долго думал. Мне нужно сказать тебе... Я хочу... В общем, я прошу, я предлагаю руку и сердце... Я хочу, чтобы ты была моей женой. Перед людьми и богом. Навсегда. Я люблю тебя.

-(Молчание, молчание, молчание). Что ты делаешь со мной?! Я безумна, что согласилась на это. Я безумна, что вовремя не покончила с нашими отношениями. Я безумна, что я люблю тебя. И я люблю тебя. Но мне нужно время. Не сердись. Я люблю тебя.

-Я не сержусь. Но я устал ждать. Я всю жизнь чего-то ждал. Все тридцать лет надеялся, что придет момент, когда ждать не придется. Когда все случится само собой. Когда я смогу посмотреть в глаза человеку, которого полюблю. Человеку, который полюбит меня. Мне нужны серьезные, вечные, прочные отношения, отношения любви в браке. И я полюбил тебя. (Молчание).

Она перевернулась на бок, положила голову ему на грудь, и тяжелая холодная слезинка соскользнула на него из ее глаз.

-Я люблю тебя. И я согласна быть твоей женой.

-Милый, выключи, пожалуйста, видео...

Телевизор разрывался от выстрелов ковбойского вестерна. Мелькали кадры, в которых бравые всадники расстреливали друг друга из "винчестеров", гикали, гнали взмыленных лошадей куда-то вскачь, к заранее намеченной по сценарию цели. В общем, боевик по-американски. - Милый, можно выключить?.. У меня перепонки скоро лопнут. Могу я отдохнуть, наконец... после работы. Милый!

Комнаты дома, несмотря на визг видеомагнитофона, сохраняли гробовое молчание. Можно было бы действительно подумать, что Марго в квартире одна, только если бы не то простое обстоятельство, что Макс вышел отсюда десять минут назад. Врубил "Panasonic" на ранее остановленном кадре (сцена, где его любимый Иствуд вышибал кому-то мозги суперметкими выстрелами), усилил громкость и вышел, вышел, не сказав ни слова.

-Милый... Я уже охрипла. Милый!..

Макс вырос неожиданно в дверном проеме и застыл как изваяние. Высокий, стройный, накачанные мышцы перекатывались под майкой при малейшем движении сильного, молодого (двадцатидвухлетнего) торса. Спокойные, умные глаза медленно скользили по комнате, ни на чем не останавливаясь... Во всей его фигуре чувствовалась уверенная мощь человека, всегда готового выступить на защиту интересов, которые при нем или в нем попирают. Целеустремленность, молодость, уверенность в своих силах делали его и без того привлекательную внешность завораживающей и безукоризненной.

-Марго... Я знаю — что-то случилось. Маргарита...

Он называл ее Маргаритой всего два или три раза за всю их бурную, яркую двухлетнюю совместную жизнь. Те два-три раза, когда случались непредвиденные, неожиданные для них обоих вещи, и все вокруг в мгновение ока приобретало угрожающую окраску, атмосфера накалялась, но они дружно гребли в четыре весла и... выплывали, выплывали на берег.

-Маргарита. Нам надо поговорить?.. Что-то действительно случилось?..

Она спокойно выдержала взгляд его до сих пор таких красивых карих, с густыми ресницами, глаз, но в душе чувствовала — еще одна минута, и она закричит дико, бессмысленно, безудержно закричит, как раненое животное, застрявшее в капкане, уготованном ей предательницей-судьбой.

-Маргарита... Я хочу знать.

Он подошел, повернул ее к себе лицом, заглянул в светлые, огромные глаза Маргариты. Слезы неистово катились из ее глаз, напряжение, трудно сдерживаемые спазмы и слезы, как горький коктейль обжигали ее внутренности. Она не могла вымолвить ни слова, не могла.

-Я люблю... не тебя. Я полюбила другого, Макс.

Они стояли, долго стояли на обжигающем осеннем ветру. Лужи морщили свои поверхности, терроризируемые холодными скупыми каплями ноябрьского дождя. Он легко держал на весу две тяжелые спортивные сумки с ее вещами, вещами, которые он выучил наизусть. Выучил, вплоть до мельчайших деталей того, как и для чего их стоит использовать. Да, ее женский гардероб был знаком ему от и до. Он мог даже с закрытыми глазами, на ощупь, определить любую из ее вещиц, по любой складке на них мог бы вспомнить и рассказать множество историй, связанных с тем или другим ароматом, жестом, событием. По части женских сердец, он был то, что называется "ас". Но верность была главным отличительным свойством его жизнерадостной, стильной и броской натуры... А сейчас... Они стояли очень близко друг к другу, почти прижавшись, но это "почти" разделяло их больше, чем холодная промозглая сыпь дождя, и этот ледяной одичавший ветер, и эти качающиеся над их головами огни фонарей Па-ле-де-Рояль...

Она вошла, и уже другая, особенно близкая и живая реальность этого вечера мягко приобняла ее перемерзшую на холоде фигурку. Сброшен плащ, туфли, он нежно поднял ее на руки, гордый тем, что вся она, молодая, гордая и красивая — безраздельно его женщина. Существо, для которого он готов жить долго, счастливо, невзирая на разность возраста, привычек, профессий и даже на то, что ее томительная женская красота должна обязательно привлекать мужчин и дразнить их всеядную, готовую на подвиги, натуру тянуться к ней, жадно ждать новых встреч. И, как когда-то и он, в свою очередь, раскручивать себя на возможный, особенно в мыслях, роман любви с нею.

-Я не склонен преувеличивать значение опыта, или тем более превозносить над всем остальным спектром восприятий, ощущений и взглядов человека, но по-моему, если опыт показывает очевидность того, что не раз уже доставляло боль, не следует повторно испытывать судьбу и лезть в то же самое по-новой.

Говорящий снял очки. Был он уже далеко не молод. Седина благородно очерчивала его высокий, с длинными изящными морщинами, лоб, и усталые глаза на аристократическом, удлиненном лице светились высокой, закаленной в стольких боях жизни, грустью. Ведущая улыбнулась, перевела взгляд на оператора, и сказала с легким вздохом:

-Спасибо, профессор. Вы были очень любезны. И я думаю, что зрители по достоинству оценят все вами сказанное... Итак, спасибо еще раз Вам и всем, кто был с нами. Смотрите и слушайте каждый четверг научно-публицистическую программу "Человек и его авторитеты". С вами была журналист Маргарита Грушевич...

Оператор снял наушники, выключил телекамеру и весело подмигнул Маргарите, улыбаясь во весь крупногубый, красивый, под пышными усами, рот:

-С крещением, Марго. Такую программу закрутила! Молодцом!!! Отмечать будем?.. - К мужу, ребята, спешу... С ним, с любимым, отмечу... А потом уж и вас на уик-энд жду, всех... И Вас, профессор, в том числе...

Она повернулась с кошачьей фацией к Роговски, который не скрывая, во все глаза, разглядывал ее слегка покрупневшую со времени свадьбы фигуру, не теряющую, впрочем, сексапильной манкости, и не смущаясь, ответила таким же открытым и заинтересованным взглядом.

-Вы сегодня просто блистали в студии со своей ультра/новой концепцией развития вселенной. Вы, случайно, ее не на Нобелевскую готовите?

-А что? Хотите разделить лавры? Доставили бы несравнимое ни с чем блаженство, и наука, я думаю, была бы польщена сверх меры... Съемочная группа замерла, с нескрываемым интересом наблюдая за своей телевизионной королевой и ее легендарным оппонентом. Неужели Марго, их божественная Марго за столько лет безупречного супружества решилась, наконец, на флирт. Она, кто малейшее поползновение пресекала с почти фантастическим усердием однолюбки, вдруг расслабилась и сдает раз навсегда установленные позиции?

-Делить лавры — скучное занятие... Не в укор Вам, профессор. Тем более все уже давно разделено и поделено с единственным и неповторимым... Только вот открытие, ваше действительно не оставит равнодушным ни одного здравомыслящего человека. А уж тем более интересующуюся женщину, которая небезразлична ко всему новому...

-Тогда разрешите подвезти Вас до дома, и продолжим нашу научную беседу в более неофициальной обстановке.

Вечер ли был таким расслабляющим после жаркого трудового теледня, или действительно научные откровения так живо затронули неравнодушное сердце Маргариты, только творилось по-настоящему что-то невообразимое. На глазах у всей телевизионной группы кренилась и оседала под мягким натиском светилы науки

царственная и неприступная крепость Марго, героини стольких телевизионных шоу Америки, а может, России или Аргентины — неважно...

-Что ж, подождите меня внизу, профессор. У Вас какая машина? Пежо? Тогда я оставлю сегодня свою здесь... Я скоро. Только перезвоню мужу, а то он заждался. — И азартно подмигнув персоналу в студии, она шустро выскочила в коридор из съемочной, стуча своими высоченными каблуками призывной чечеткой-насмешницей.

Машина плавно вырулила со двора телевизионного центра, полисмен в кабинке дежурного козырнул ей вслед и отвернулся. Марго и Роговски ехали по освещенной автостраде в общем потоке машин, особенно оживленном в такое время, и вели с виду непринужденную беседу. Такой уж характер был у Маргариты, если уж она чем-то по-настоящему заинтересовывалась, то отдавала этому и душу, и сердце, и всю себя — целеустремленную, по-мужски не пасующую перед любыми препятствиями, сложную и многогранную натуру. - А Вы не могли бы поподробнее объяснить, почему именно наука так тяготеет к Богу, когда техника захлестнула все вокруг? Вся наша жизнь пропитана технократизмом, жесткостью, математичностью мышления. Нормальному человеку и в голову не придет думать о сложной духовной основе сущего.

Все это она говорила, застывшим взглядом рассматривая хорошо видимую заднюю часть впереди идущей машины, вернее, ее фары.

Профессор мгновение вглядывался в ее чуть надменное, очень своеобразное лицо. Потом перевел взгляд на слегка приоткрытые колени под костюмной строгой юбкой, потом взглянул на изящную руку в лайковой перчатке, держащую длинную дамскую сигарету. Глаза Марго были неподвижны, а лицо бесстрастно. Но, несмотря на все это, от всей фигуры ее исходил почти маниакальный, как казалось профессору, аромат сексапильной феи.

-Странно... Вас действительно интересует вся эта космогония? Извините, но я больше склонен думать об этом как об обыгчной гипотезе, о чем-то несуществующем, но возможном в существовании.

Он еще раз мельком взглянул на нее и продолжил:

-Если говорить искренне, то мне сейчас, сегодня, совсем не хочется обсуждать с Вами всю эту научную мешанину. Я хочу поговорить о другом. О более важном... О любви, которой многие лишены... Да что многие... Все мои друзья, почти все — светила науки, большие умы, - не имеют этой, такой простой и такой необходимой вещи... Я сам, женатый человек, трагически лишен этого. Бесповоротно, трагически... А Вы?..

-Что я?

-А Вы... Мне показалось, что Вы, возможно, та самая женщина, которая способна чувствовать любовь всеми фибрами своего существа, тела... Я...

-Профессор, мы взрослые люди, я очень люблю игру и ценю это в людях, ценю по-настоящему. Но в этом случае наш... Ваш поезд ушел... Я действительно преданная жена, и хотя мне нравится ваш страстный, пылкий ум, почти юношеский огонь в глазах... Но больше всего в жизни я ценю... домашний уют. Смешивать это с чем бы то ни было, я не могу, не хочу и не имею никакого повода. Вы меня понимаете?

Профессор молчал. Он был похож на юного провинившегося ученика класса, молодая и эффектная руководительница которого только что отчитала его за то, что при всех он погладил ее по заднице. Как будто бы, если бы не многочисленные свидетели, его соученики, она бы, несомненно, позволила ему сделать это без всяких претензий со своей стороны, подумал бы, наверное, этот незадачливый юный ловелас.

Между тем, профессор никак не подходил под эту категорию сорванцов, хотя и чувствовал жгучий мужской азарт промахнувшегося на охоте самца.

-Вы меня понимаете? —повторила она. — Тогда не отвлекайтесь, пожалуйста, от дороги и довезите меня до дому. Меня ждут. Очень Вас прошу.

Мы могли бы, конечно, долго и упорно описывать всю сложную, неоднозначную игру жестов, взглядов и прочего в этом странном диалоге двух умных и тонко чувствующих людей: мужчины и женщины. Могли бы даже упомянуть попытку профессора, оторвавшегося от узкой полоски руки Маргариты между перчаткой и обшлагом ее темно-коричневого замшевого плаща, поцеловать Маргариту в губы, неудачную попытку, смеем оговориться. Но не лучше ли обратиться все же к главным героям нашего повествования.

Итак, ему 40 и... он счастлив в семейной жизни.

Дверь мгновенно открылась.

-Ну, ты поздно, малыш. Что-то случилось?

-Ничего, милый. Случилось то, что ты знаешь... Сегодня первый день в эфире моей новой программы. Я летела к тебе со всех ног, боялась опоздать на нашу вечеринку.

-А я волновался...

-А я знаю, я летела на крыльях, боялась опоздать. Знаю, что ты переживаешь, когда меня нет долго. Но меня проводили. Вернее...

-Кто? Ты мне по телефону ничего не сказала.

-Ничего значащего. Профессор, выступавший сегодня в премьер-программе любезно предложил подбросить меня до дома...

-У тебя что, сломалась машина? Что случилось?

-Милый, ну, не превращай это в пустую семейную дрязгу. Меня просто довез до дому случайный провожатый. Я согласилась на его любезное предложение, тем более он — прекрасный собеседник, и мне не было скучно. Ты же не хочешь, милый, чтобы мне было скучно. Я ведь люблю поболтать.

-Ну, ты ведь знаешь, к чему иногда приводит подобная трепотня. Тем более я ревнив, как мавр... Кто-то смотрит на мою жену, болтает с ней, говорит разные словечки, ухаживает...

-Ты хочешь испортить нам вечер? Не будь скучным.

-Скучным? Ты сделала все возможное, чтобы я тут, как лев в клетке, метался в ожидании тебя. Наверное, все соседи всполошились от моей беготни по комнатам. А ты... ты называешь это "быть скучным"?!

Она подходит к нему, обнимает за плечи. Он шутливо сопротивляется.

-Нет, нет, изменщица... Я не прощаю измен. Я подам в суд... на развод, раздел имущества. Я подниму персонал на своей работе, людей с твоего телецентра... Я вручу им плакаты с призывом искоренить ложь в наших отношениях... Я устрою бунт... революцию... гражданскую войну, наконец... Я разбужу город. Я... я... И я тебя люблю. Не покидай меня, пожалуйста, ни на секунду... Никогда. Не давай мне повода к ревности. Я ревную, когда тебя долго нет. Я волнуюсь, и ты знаешь это. Я люблю тебя.

-И я люблю тебя, милый.— Они целуются.

-Ну, а теперь будь умницей. Ты купил вина?

-Я даже нарезал хлеб, в мучительном ожидании тебя. Ты опоздала на целых полчаса.

-Ну, не шуми, не шуми. Я твоя... Я здесь...

-Ну, тогда пировать. Я согласен на перемирие. Она подошла вплотную.

-Миротворец ты мой любимый. Подожди, я только сменю свой дневной костюм на вечернее платье. И мы устроим, наконец, долгожданный сабантуй.

Она прошла в спальню. Открыла дверцы, белые, с золочеными инкрустированными краями, где весь ее пышный великолепный гардероб, плотно, одно к одному, располагался здесь царственными рядами изысканнейшей женской одежды. Он, неотступный как тень, проследовал за ней и расположился на широкой, в стиле рококо, кровати позади нее. Она кокетливо через голову сняла пиджак, расстегнула боковую

молнию на узкой, в талию, юбке, и, игриво поболтав бедрами, сбросила ее с себя на пол, вернее, на пушистый, в виде леопардовой шкуры, ковер. Он любовно разглядывал ее слегка полноватую, но стройную, подтянутую фигуру, чмокал губами и, изображая гурмана, дурашливо вздыхал и делал почти неприличные жесты в предвкушении чего-то чрезвычайно занимательного.

Она повесила костюм на специальную вешалку для него и, обернувшись к мужу, медленно, томительно медленно стала стягивать с себя легкую прозрачную комбинацию.

-Ну, а как у тебя дела в офисе? Все в порядке? Проблем с платежами нет?

-Все ОК, если бы не одно пикантное обстоятельство. У меня на работе появился один субъект, который чрезвычайно напоминает тебя в молодости. И этот субъект — прехорошенькая молодая девушка. Ее зовут Гения.

-Странно, но я признал ее еще тогда, в первый раз. Когда она заскакивала к своей подруге в наш офис, и, уходя, лишь мельком одарив меня легким, быстрым взглядом, выпорхнула... и растаяла, как будто не было. Лишь изредка приходили кое-какие мысли, бессвязные обрывки неких картинок, образов, оттенков мысли... Я и не придавал этому особого значения, но все же старался иногда возвращать эти ощущения, следить, как прозрачно, почти не касаясь моего душевного склада, скользит это призрачное, но колкое видение по всем лабиринтам ума. Дым, легкий дым остается от этого присутствия, и медленно испаряясь, исчезает в небытие... Но что-то глубокое, темное, слегка шевельнувшись, обдает внутренности жаром и холодом неизмеримого пространства... Томительным желанием узнать что-то еще об этом, вглядеться и определить в закоулках сердца крохотный, но безраздельно живой огонек... Потом она заходила еще и еще, и еще. Она как бы не замечала меня, - никаких поползновений с ее стороны, никаких с моей. Да и что могло быть для нее особенного в бизнесмене средней руки, банальном обывателе некоей канцелярии. Но однажды, столкнувшись с ней в длинном, полутемном коридоре на втором этаже, когда она выходила от секретарши Лизет, я вдруг наткнулся на сочную влагу ее проницательного взгляда и ощутил — о, господи - что-то резко поднявшееся из глубины ее существа призывом к моему существу, глубоко спрятанной жажде обладать и быть любимым... Нет, никогда, во мне не возникал опасный импульс раскрутить на стороне, втайне от Марго, интимную историю. Знаешь, всегда хочется окунуться в другой мир, ощутить соль чужой кожи, ласку мимолетного другого женского сердца, но... в том случае, конечно, если нет настоящего домашнего очага... Но тут... Тут дело в другом, хотя, может быть, все это похоже на обычные отговорки...

Он переложил ногу на ногу, стряхнул с сигареты столбик замысловато оплавленного пепла, и невидящими глазами застыл на молчащем собеседнике.

-Марго, конечно, сразу выставила ультиматум: не только думать, но и полсловечка ни при ней, ни без нее о Гении... не упоминать. Скандал был, небольшой, но со смыслом... Знаешь, такой типичный для уважающей себя, умной женщины с ужаленным обстоятельствами близким мужчиной... скандальозо этакий... Знаешь, с подтекстом.

Он помолчал немного, стряхнул заново пепел, затянулся... Мужчина напротив сидел почти неподвижно, изредка пошевеливая лишь пальцами правой руки, в задумчивости положенной на правое же колено, и подпирающей подбородок массивного породистого лица. Молчали оба. Высокие, пухлые кожаные кресла располагали уютно полуприлечь на свои респектабельные бока. Прохладный ветерок кондиционера освежал и умиротворял, казалось, и мужчин, находящихся здесь, и все, чего касалось его легкое дуновение. На самом же деле, напряжение собеседников - говорящего и слушающего - было настолько всеохватывающим, что любое противонаправленное действие лишь усиливало бы свой контраст с ним.

Он снова заговорил...

-Гения... Я могу Вам задать вопрос... интимный?..

Она приостановилась и с любопытством заглянула в его глаза, такие близкие для нее и такие, одновременно, чужие и далекие... - Можете...

Она невольно улыбнулась, и зрачки ее, на ярко-зеленом фоне радужной оболочки глаза, расширились, как у слепого котенка, доверчиво потянувшегося за солнечным дневным лучом. Он вздрогнул, внутренне, глубоко в существе своем, и теплая, нежная волна, вырастающая из самого низа живота, окатила его снизу вверх, почти по всему сильному, мужскому телу...

-Гения... Вы уже неделю у нас, а я до сих пор не знаю, по праву должности, конечно, когда у Вас день рождения... Понимаете, мы приняли с генеральным управляющим фирмы такую инструкцию... по которой каждый сотрудник в день своего рождения, известный нам заранее... Ну, в общем, имеет возможность, следующую после праздника неделю провести на курорте, так сказать, в творческой командировке... Мы...

-Правда? Я абсолютно ничего об этом не знала... Лизет молчит, как разведчик на допросе... а у вас вот оказывается что... Интересно...

-Да, мы просто даем человеку, сотруднику недельное задание и отправляем в клуб отдыха, который арендуем... и в случае успешного выполнения задачи... премия в N-кратном размере примерно месячного заработка, да... месячного.

-Фантастик! Просто здорово...

-Так когда у Вас день рождения?

-Завтра...

-Завтра?

-Завтра.

-ОК.

-Угу...

Они расхохотались... Веселье было настолько бурным, что из некоторых дверей повысовывались...

-Ребята, мешаете работать...

-Извините...

Он отвел ее дальше по коридору. И чуть дольше, чем, возможно, требовалось в таких случаях, задержал свою руку на ее плече... "Зря, наверное"...— подумал он. Но ничего поделать с собою не мог. Она едва заметным движением убрала плечо и пристально посмотрела ему в глаза.

-Это хорошо...— сказал он тут же, как бы пересиливая неловкость. - Это хорошо, что так все складывается... Вы, кстати, когда сегодня уходите?..

-А что?

-Хотелось бы обсудить некоторые детали предстоящей поездки... И...

-А Вы уверены, что я согласна ехать? Или это обязаловка?..- О, эти женщины, о, Гения...

-Вы меня превратно истолковываете...

-А мне, например, не нравятся слишком целеустремленные и настойчивые мужчины...

-Гения! Вы отчитываете вышестоящее должностное лицо?..

-Для меня мужчина — прежде всего джентльмен, а если нет...

-Гения! Я не хотел, чтобы Вы двусмысленно меня истолковывали, я приношу свои извинения... Я, в конце концов, готов загладить свою случайную... вину... Разрешите, в знак примирения, предложить Вам... поужинать сегодня вечером.

Гения прыснула, он тоже не мог сдержать широкой, как ему всегда казалось, испепеляющей женщин, улыбки... Улыбки коварного обольстителя. Но в данном случае не на того нарвешься — пиши: пропало (все к чертям...)

-Ну, Вы и фрукт...— Она бесшумно сотрясалась в хохоте...

-Так Вы и про отдых... тоже... — Она не могла остановиться.

-Почему: тоже? По поводу этого как раз сегодня я хочу предоставить шефу докладную записку...

-Тогда до встречи... Поговорим, когда Вы все утрясете с шефом...

-А как же день рождения? Он действительно завтра?..

-Может быть... В общем, счастливо оставаться... Меня ждут дела, бизнес... — Она быстренько упорхнула в свой офис — этажом выше, он остался еще несколько времени в огорошенном состоянии — упоенный, восхищенный, взбудораженный, несчастный и... обнадеживающий самою себя несбыточными мечтами.

Он осторожно отстегнул от чулочного пояса телесного цвета чулок, и медленно приспустил его почти до колена. Потом, не торопясь, плавно, с легким нажимом, провел языком по оголенному пространству ее округлого бедра, и только затем уже, как долго ожидаемую точку в конце длинного предложения, завершая священнодействие поцелуем, поставил едва заметную отметину легким засосом на внутренней поверхности ближе к колену. Потом принялся за вторую ножку, легонько поглаживая при этом ее маленькие ягодицы.

Она словно нетерпеливая арабская кобылка переминалась с ноги на ногу, чувствуя непреодолимую тягу к соитию. Но он был искусен и не давал суете и торопливости ни шанса. Встал с колена, поцеловал впадинку между двух небольших, но чрезвычайно аппетитных грудок, скрытых ажурным лифчиком, и начал чуть заметными движениями ловких, умелых пальцев освобождать ее от этой ненужной теперь детали женского туалета. Отстегнул один крючок, провел рукой до сосков и нежно потеребил их один за другим, ощупывая трепетными, чувствительными пальцами... Расстегнул другой крючок... Опять поцеловал во влажную впадинку, и уже потом только провел рукой до впадинки ниже спины...

Губы скользнули к губам, но она лишь едва отвечала его настойчивым лизаниям ее губ, тонким прикосновениям языка к деснам, небу, ее языку... Рука, лежащая на попке, чувственно исследовала все подробности ее малейших изгибов, робко трогая маленькую, девственную дырочку между упругих ягодиц, уходила дальше, в пах, и там поглаживала густую, щетинистую шерстку лобка... Она, лишь слегка постанывая, позволяла ему его затейливую игру-ласку со своим возбуждающимся больше и больше телом...

Теперь он, предварительно сняв с нее пояс и трусики, лифчик и оба чулка, целовал и покусывал с искусством настоящего профи, заботящегося, в первую очередь, о женщине, — всю ее незащищенную наготу...

Казалось, от одного петтинга можно сойти с ума... Но, искусный капитан всегда знает, когда нужно бросить якорь, а когда, что называется, поддать пару... И Гения изнемогала, раскрываясь, как утренний юный цветок каждой порой своего животного "я", подспудного, темного, полнокровного источника инстинктов, берущих свое начало от самого корня жизни, — ее величества Страсти!..

И тут на них нашло обоюдное безумие, тела сплелись, буйный восторг животного пламени пронизал насквозь эту сексуальную, свободно парящую пару. Он раздвинул ее ноги и его горячий член уже готов был окунуться в желанную и ненасытную женскую щель...

-Все... Я не хочу... Оставь.

Большего шока он не испытывал за всю свою 40-летнюю жизнь.

-Что?!- Он задохнулся. - Что??

-Оставь. Я не хочу... Я не люблю тебя.

Марго сидела у него в офисе, слегка утомленная ожиданием своего мужа, откинувшись в кресле-вертушке, рассматривала картины на стенах, аккуратно развешанные ее мужем со вкусом и умением подобрать к любой атмосфере присущий ей орнамент. Это были по случаю купленные на аукционе произведения Бродвейской братии художников. Всегда, когда он посещал Нью-Йорк, как правило, он не пропускал и ни одной выставки, на которой мог приобрести какую-нибудь понравившуюся ему картину. Марго была в изящном дорогом летнем сарафане чуть выше колен, открывавшем ее загорелые ноги. В руках она держала сумочку из крокодиловой кожи. Легкие летние перчатки до локтя лежали тут же на ее коленях. Сложная прическа возвышалась над ее хорошеньким личиком, делая всю ее похожей на какую-то внеземную герцогиню какой-нибудь инопланетной цивилизации. Маленькие, с крохотными бриллиантами сережки, подаренные мужем на день ее рождения. Кокетливо искрились в лучах заходящего солнца, заглядывавшего в офис.

-Извините, я не помешала?

На пороге стояла тоненькая, худенькая как манекенщица, девушка в туфлях на высоком каблуке с длинными идеальными ногами, короткой стрижкой и огромными зелеными глазами. Волосы на голове были рыжими, с ярко-огненным оттенком. На ней было изящное легкое платьице, полностью открывавшее плечи, ослеплявшие своей удивительной белизной. В руках она держала какую-то зеленую папку, на фоне которой ее длинные ярко-красные ногти смотрелись даже как-то вызывающе.

-Я не помешала? — Повторила девушка.

Она была поистине обворожительна. И Марго не сдержала восхищенной улыбки. Ей как теле-леди девушка показалась совершенным воплощением идеи Модели-Вамп для соответствующего телевизионного шоу.

-Нет, что Вы, я, наоборот, сижу, скучаю, жду... Муж куда-то запропастился... Вы не знаете?..

-... Так Вы его жена?..

-Имею честь ею быть.

Девушка так же со все возрастающим восхищением оглядывала Марго.

-А я Вас знаю. Вы ведете шоу по 32-му каналу,— мне нравится, как Вы это делаете. Это неординарно, здорово. Мне очень-очень нравится. Вы — чудо.

-Знаете, мне приятны Ваши комплименты, на удивление приятны, хотя я слышу их постоянно. А когда это превращается в рутину... Вы понимаете? И когда встречаешь так искренне восхищающегося человека, — завидуешь самой себе. Спасибо Вам. Меня зовут Марго. Маргарита. Знаете, у русского писателя Булгакова есть такой роман? Но мне не нравится судьба героини этого романа... Быть прислужницей даже великого человека — утомительное занятие.

-А я никогда не встречала такого писателя. Вы знаете, я вообще мало читаю. Люблю больше валяться у телевизора, щелкать каналы и ... обнаженной... Такой кайф думать, что весь телевизионный мир врывается в твое жилище — и ты, какая есть, вся на ладони, предстаешь перед ним в первозданном виде. Такой кайф, мне так нравится... А еще люблю бродить по вечерним улицам, и когда мужчины, молодые и старые, буквально сорят комплиментами, норовят заглянуть под юбку, пристают с неделовыми предложениями, люблю внимание...

Марго слегка порозовела. Ей было немножко стеснительно, как ни странно, слушать излияния этой молодой особы, имя которой она даже не знала. Но странное, удивительно странное ощущение какой-то духовной близости с этой девушкой, она, без сомнения, испытывала. Ей хотелось с нею больше говорить, больше узнавать о ней нового и удивляться тому, насколько хорошо, оказывается, знакома ей эта девушка. Глаза их встретились — и мгновенное взаимопонимание установилось, казалось, навеки.

-Ах, вот вы где, красавицы. Он влетел сосредоточенный, быстрой походкой, плюхнулся на кресло за своим столом, по мобильному телефону набрал номер, подождал несколько секунд, пока абонент не отзовется, успевая охватить всю обстановку быстрым цепким взглядом, мгновенно оценивая малейшую деталь.

-Да-да. Это Вальтер? Прекрасно. Заявки поданы. Можете не беспокоиться. Все чин чинарем, как положено. Угу-угу... Безусловно, так. Ну, конечно же. В свою очередь, я думаю, Вы не забыли о нашем деле? Прекрасно. Я рад. Рад. Созвонимся. Успехов...

Он захлопнул крышку телефона и улыбнулся им обеим широкой улыбкой.

-Простите, дела, как всегда. А вы, я вижу, уже познакомились.

И он, по-шутовски выскочив из-за стола, как бы представляя каждой ее новую подругу, познакомил их заново.

-Марго, это Гения. Гения — это Марго... Женщины рассмеялись.

-А мне муж рассказывал про Вас. Так Вы, Гения?

-Да, я - Гения. И что же он рассказывал... про меня? Марго опять покраснела.

-Рассказывал он не много, и я, по-моему, даже слегка приревновала Вас. Но встреча с Вами превзошла все ожидания. Вы - чудо.

Они еще раз с Гением посмотрели в глаза друг другу, и невидимая искра какого-то внутреннего подспудного пламени обожгла обеих. Они были словно в заговоре. Словно некая договоренность установилась между ними, установилась без их согласия, без их ведома, но моментальная эта связь была для них реальней и ощутимей самой реальности.

-Ты знаешь,- сказала Маргарита,- а не пригласить ли нам нашу новую подругу на ужин.— Теперь пришла очередь смущаться ему.

-Неплохая идея. А Вы как думаете, Гения?

Маргарита испытующе посмотрела на девушку. Девушка улыбнулась.

-Я «за»... Давайте планировать. Мы поедем в ресторан или вы приглашаете меня к себе?

-Неплохая идея. Что скажешь, Марго? Не пригласить ли ее на ужин к нам?

-Я как раз собиралась испечь что-нибудь к ужину.

-Да, ты же у нас прекрасная стряпуха.

-Вы знаете, Гения, я очень люблю, когда она сама что-нибудь готовит в доме. Это настоящий праздник. Вот попробуйте, например, эта икра ее рук дело.

Они уже сидят все втроем в столовой их обширного дома, улыбаются, шутят, пробуют яства.

-Вам кофе? Вы пьете кофе, Гения?

-Спасибо.

Гения принимает чашечку с кофе, прикасается к краю полными сочными губами, отхлебывает, обжигается, улыбаясь, ставит чашку перед собой.

-Крепкий и горячий. Я люблю все крепкое и горячее. Маргарита, а что любите Вы?

-Я? Мне нравится угождать гостям, тем более, что в гостях у нас сейчас такое милое обворожительное существо.

-Спасибо за комплимент. Мне тоже хорошо у вас.

Гения мельком взглянула на него, тогда как он уже давно пристально смотрел в ее сторону.

-Вы такая милая замечательная семья. У вас тут так уютно. Даже не хочется уходить.

-А Вы оставайтесь, Гения. У нас прекрасная и удобная комната для гостей. Я как раз попросила вчера нашу управляющую по дому сделать там генеральную уборку... Оставайтесь!

-К сожалению, мне нужно быть у себя. Но вы меня проводите, я надеюсь.

Гения впервые за весь долгий вечер взглянула на него более продолжительным взглядом.

-Да, милый, проводи, пожалуйста, нашу гостью. Можешь взять мою машину, если хочешь.

-Спасибо за прекрасный ужин. Вы отличная хозяйка, Марго. Я надеюсь с Вами увидеться вскоре. Было очень здорово. Спасибо еще раз.

-Я надеюсь.

Марго улыбнулась ей своей обворожительной улыбкой. Они попрощались.

Они ехали в полном молчании. Она молчала и, видимо, не собиралась прерывать молчания. Он же не знал, с чего начать.

-Тебе понравилась моя жена?

-Да, она потрясающе выглядит. Я завидую тебе, возможностью постоянно общаться чуть ли не с первой леди телешоу.

-Я хочу поговорить о нас.

-А что можно говорить о нас? По-моему, все сказано.

-А по-моему, — нет.

-Ну, это по-твоему. Я не хотела бы продолжать эту тему.

-Значит, все, что было, это иллюзия, обман, игра?

-Понимай, как хочешь. По крайней мере, мне понравилось, я ни о чем не жалею.

-Гения, но я хочу тебя. Дай мне еще один шанс, пожалуйста.

-Может быть, мы встретимся в следующей жизни, может в будущем... Не знаю.

-Гения, ты нужна мне. Машина завернула в улицу, где стоял дом Гении. Он нажал на тормоза, выключил зажигание. Веско и многозначительно положил одну руку на руку Гении. Она медленно, но настойчиво, вытащила руку, выпорхнула из машины, захлопнула дверцу, прошла несколько шагов и тут же вернулась обратно. Он открыл ей дверцу, она заглянула, весело улыбаясь.

-Не скучай, милый. Пока. Как-нибудь встретимся.

Он ходил по комнате и курил сигарету за сигаретой. Собеседник его, грузно навалившись спиной на спинку кресла, скрестив руки на груди, смотрел в одну точку. Он слушал.

-Мужчина всегда ошибается, думая, что если женщина улыбается ему, строит, что называется, глазки, кокетничает, то уже все предрешено заранее. Это не верно, это не так. Любая женщина создана из полунамеков, соткана из жестов, которые расточают вокруг нее особенный аромат, аромат сексуальности. Но эта сексуальность — вообще, она никому не принадлежит. И ошибается тот, кто пытается увидеть в этом нечто личное, что адресовано какому-то определенному мужчине. Да, конечно, женщина всегда ждет своего избранника, и, конечно же, он приходит, он обязательно появляется в тот момент, который женщина заранее, с самого рождения своего женского существа запрограммировала. Понимаешь, мне кажется, что когда приходит опыт, он всего лишь подтверждает ту простую истину, что научиться ничему нельзя. Если ты искренен, можно

жить полно, всецело, всеми фибрами своего животного существа, своего внутреннего "я"... а опыт — это всего лишь налет всех мыслей, эмоций, реакций, настроений, сопутствующих самой жизни...

Он взглянул на собеседника, пытаясь понять его отношение к своему рассказу. Но тот был неподвижен и упрям в своей неподвижности. Казалось, что бы ни происходило вокруг, в меньшей мере относилось или касалось именно его. Безмолвный свидетель человеческой драмы, бескомпромиссный зритель и слушатель, он был воплощением беспристрастной кармы, которая не может не быть справедливой. Факты, факты человеческой биографии учитываются прежде всего. Какова бы ни была игра, она заканчивается непредсказуемым результатом для игроков, страстно желающих то или это, настаивающих, ссорящихся и, в конце концов, побеждающих или проигрывающих. Но свидетель безмолвен. Карма безошибочна. И ничего не остается упущенным или обойденным ее неусыпным Оком.

-Гения мучила меня. Играла моими чувствами, то привлекая, то отталкивая меня. Верить было не во что. Я повис в безвоздушном пространстве, мне не за что было ухватиться. Между тем, как Гения - мое страстное, почти маниакальное стремление к победе над женским телом, звериная тяга самца к девичьей плоти - так и оставалась недостижимой. Прошел месяц с нашей первой встречи, и томительное, щемящее ожидание чуда соития с ней не покидало меня ни на минуту. Внешне оставаясь респектабельным бизнесменом, внутренне я обезумел и сходил с ума. Но Гения, казалось, все отдалялась и отдалялась, а я ничего не мог с этим поделать. Не в моих руках находился ключ к решению этой проблемы. Я был всего лишь баловнем во всемогущих пальцах судьбы, и не оставалось ничего другого, как ждать и надеяться на лучшее, верить, что Гения опять снизойдет до меня... Я снова буду касаться ее тонкой белой кожи, рыжих щетинистых волос на голове и внизу, гладить ее пленительные изгибы, целовать ее плавно вздыхающее тело...

Он зажег следующую сигарету и долго стоял, глядя в окно на сумерки угасающего октября. Листва пожухла, на деревьях ее осталось совсем немного, и ветер беспощадно срывал ее с ветвей, гнал по земле, как последнюю мелочь. Дома, в свете вечерних уличных фонарей, казались призраками какой-то давней, страшной истории, напоминающей о делах давно минувших, но неизменно ложащихся тенью своих событий на плечи равнодушных потомков.

Он постоял еще немного, докурил свою сигарету, отнес ее к пепельнице и затушил сильным нажатием большого пальца. Собеседник его, не меняя положения своего тела в кресле, взглянул на него долгим испытующим взглядом.

Мрачная была осень. Тяжелая и мрачная была осень. В такую осень хочется застрелиться. Иногда это происходит. Со всеми. Или с кем-то. Неважно.

Первый раз, когда он это увидел, для него это явилось непередаваемым шоком. До сих пор, через расстояние, он так и не смог понять, как он пережил это.

В длинном до пола, темном элегантном пальто, расстегнутом на все пуговицы, в шелковом шарфе, болтающемся на шее, как огрызок некоей веревки, вышел он, почти обезумевший, из собственной квартиры, бесшумно прикрыв за собой дверь, в шоке от увиденного в зеркале дальней комнаты, бегло брошенным в него взглядом.

Как потерянный пробродил он до позднего вечера, не останавливаясь, не заходя ни куда, с бесцельно зафиксированным внутренним взглядом на пережитом, не разбирая дороги. Каждый шаг болью отдавался в его существе. Мучительная волна ревности, ненависти, отвращения хлестала и стегала его хлыстом разбившихся надежд... Страшная, безобразная для него сцена мучительным пламенем обжигала мозг, вставала

пылающей картиной перед его взором. Никак не смог бы он понять, что соединило эти два существа, и не понял до сих пор, как ни пытался.

Витрины магазинов, лица людей, попадающихся навстречу, — все сливалось в сумасшедший бурлеск, безумие непонятого случившегося с ним события.

Воистину неисповедимо судьба бросает людей в объятия друг друга, разъединяя с кем-то, даря новые встречи. Он, взрослый человек, столько видевший, перечитавший столько книг, столкнулся, наконец, и сам с непредвиденными обстоятельствами фонтанирующей жизни, с моментом происходящего, в котором он был и свидетелем, и участником, и жертвой непредсказуемости судьбы.

Да, они были вместе — Гения и его жена, любовники и любовницы в одном лице. Их сплетенные в объятиях тела шаровой молнией обрушились на его сознание, опалили сердце, растоптали душу и вытолкнули его из полной защищенности в кромешное бессилие. Но ко всему этому примешивалось странное, до дикости упоительное ощущение безраздельной близости к двум этим женщинам, к двум богоподобным самкам, которые в его жизни значили почти все, как он думал. Тоненькая, живая, как ниточка Бикфордова шнура, Гения и пьянящая своей плотной сочной сексуальностью Маргарита объединялись в его уме в тот сокровенный образ Вечной Женственности, ради которого существует на Земле настоящее рыцарство. Он любил их обеих. Любил страстно, жгуче, непередаваемо неразделенной любовью мужчины к двум женщинам сразу. И, как ни странно, ради этой любви он нашел мужество жить дальше. Ради нее он готов был разделять эту тайну в неразглашенном одиночестве обладания ею, готов был оберегать любовь Гении и Маргариты друг к другу от чего бы то ни было.

Он вернулся поздно, когда Марго уже спала, поцеловал ее в сонные губы, в лоб, как он делал это прежде, разделся и лег рядом в мучительной, душераздирающей тоске от воспоминания о том, что совершалось в этой постели недавно в его отсутствие. Марго во сне перевернулась к нему, обняла и прижалась голым животом, плечами и грудью. Несмотря на то, что она принимала душ перед сном, его тонкий мужской нюх обдало едва уловимым смешанным запахом двух женских тел - Гении и самой Маргариты. Как могли две эти женщины так быстро найти общий язык — он не понимал. Как могли они в едином порыве животного начала отбросить со счетов его, мужчину, ради которого одна когда-то бросила своего близкого друга, а другая навязала ему жесткую обольстительную игру в Чувство. Он повернулся спиной к Маргарите, она в полудреме обняла его за шею, и ему на мгновение показалось, что рука ее как тонкая плеть, коварно и многообещающе сдавила горло. Он резким движением освободился от этого давящего объятия, на что Маргарита, лишь сонно вздохнув, ответила полумычанием-полувздохом и отвернулась в другую сторону. Он долго не мог уснуть, еще раз переживая детали своей личной трагедии, которая настигла его в момент самого бурного поиска счастья.

На следующий день, на работе, он затаенно и внимательно присматривался к переменам в Гении, которая изредка проходила мимо его кабинета, или энергично беседуя с кем-либо, или проносясь с кипой деловых бумаг по каким-то офисным делам. Но его испытующий жадный взгляд никак не мог определить те признаки, которые бы живо указывали на перемены, произошедшие с ней за последние сутки. Да, сутки, поскольку тот день, когда он случайно завернул с работы домой, был первым пока и единственным днем, когда Гении не оказалось в офисе в обеденное время. Значит, свидание по было первым и единственным в будущей череде подобных.

-Алекс, Вы не могли бы зайти к шефу? Он Вас вызывает не один раз в течение этого часа, а Вы до сих пор не приходите, - секретарша его начальника, Макса, полноватая молоденькая блондинка небольшого роста и с удивительно синими глазами, смотрела на него в упор.

-Да? А почему я об этом ничего не знаю?

Виола, так звали блондинку, заулыбалась белозубой улыбкой.

-Извините, Алекс. Видимо, связь не срабатывала. Поэтому я и решила заглянуть к Вам. Так что, будьте добры, подойдите к шефу. Макс ждет Вас.

Он прошел по длинному коридору второго этажа офиса, спустился на первый, бросил мимолетный взгляд через стеклянную стенку на рабочий стол Гении, молниеносно отметил порядок и прибранность на нем, говорящие об отсутствии хозяйки, и пустое кресло рядом.

Постучал в дверь к шефу. Вошел и прикрыл ее за собой.

Он мчался на своем "Опеле" как автогонщик, едва соблюдая правила уличного движения и чудом избегая сигналов постовых. За квартал остановил машину, вышел, захлопнул дверцу и не торопясь пошел по направлению к своему дому. Все это он проделал спокойно и методично, хотя сердце разрывалось от гулких ударов, и кровь, казалось, вот-вот раздавит его виски тугой взрывной волной. С большой осторожностью, тщательно проворачивая ключ в замке, он, затаив дыхание, открыл дверь и вошел в свой дом. Снял туфли, не раздеваясь, крадучись направился в спальню, спиной почти прижимаясь к самой стене. Его подозрения опять оправдались. Судорожные охи и тихие постанывания, доносившиеся из спальни его и его жены, Маргариты, служили очевидным доказательством его подозрений, тайных предчувствий. Он судорожно сглотнул слюну и осторожно заглянул в комнату, благо, что дверь была приоткрыта. Но женщины все равно не заметили бы его. Они упоенно и медленно гладили, целовали и вылизывали друг друга, словно два маленьких котенка.

-Не скрою, это было восхитительное зрелище. Две божественные самки на белых простынях. Два тела в упоительно плавном танце разврата. Хотя... Кто назвал это таким словом? Кто вообще придумал слова и наименования? Наверное, это мог сделать только тот, или те, для кого свобода была оковами, а счастье — недостижимой звездой и иллюзией. Кто придумал границы и меры весов, тот разделил живое единство на ничего не значащие механические части. Называющий вещи именами желает загнать в угол живой поток желания, наделить виной свободное волеизъявление, творческую магию созидания. Вины нет ни в чем, вина придумана. Есть лишь ни с чем не сравнимое движение к единству всего со всем, всего во всем.

Алекс затушил сигарету в пепельнице, сел напротив своего молчаливого собеседника, откинулся в кресле.

-Вы, наверное, думаете, что мне просто нужно выговориться? Но я не думаю, что кому-то после этого станет легче, особенно мне. *Я* всего лишь щепка в океане жизни, задавленная и раздавленная обстоятельствами. Я не боюсь смерти, не боюсь наказания. Я волен сам выбирать и избирать себе место под солнцем. Я волен делать то, что хочу, я волен думать так, как хочу. Нет судьи и нет осужденного. Есть поток, и в этом потоке и Вы, и я - едины. (Он помолчал). Я могу выйти ненадолго?

Собеседник его молча кивнул, посмотрел на свои ботинки, потом приподнял глаза и еще раз утвердительно кивнул Алексу. Алекс медленно подошел к двери, повернул ключ, оглянулся на своего оппонента и только тогда вышел. Когда он вышел, тот вытащил незаметный маленький черный пистолет из боковой кобуры, щелкнул затвором, любовно прошелся пальцами по черному верху и положил руку с пистолетом на колено. Он ждал, когда зайдет Алекс, и когда тот зашел и равнодушно взглянул на черное дуло пистолета, достал глушитель из кармана и привинтил его к дулу. Потом взял и, перевернув рукояткой к Алексу пистолет, протянул его ему. Алекс подошел, взял пистолет на ладонь и, взвесив его тяжесть на своей ладони, потом снова отдал пистолет хозяину.

-Еще не время. Еще есть несколько минут закончить мою историю. Несколько минут, в которые можно уместить целую жизнь. Повесть о любви без любви, в которой все мы

живем. Ибо любви мы не знаем. В эгоизме бушующих страстей мы потеряли ориентиры. Бог оставил нас. Но он не умер. Он просто ждет, когда мы устанем от навязанной самим себе игры и вернемся к самим себе, обновленные и жаждущие настоящей любви. Может быть, я не прав... Может быть, это говорит во мне ущемленное достоинство потерявшего все мужчины? Но несмотря ни на что, я уверен в одном абсолютно точно: искупление и вина идут рука об руку друг с другом. И они неразделимы. И за виной идет искупление, и искуплением не оканчивается вина, потому что вины нет. Я уверен. А есть лишь человек, заблуждающийся и страдающий, преходящий и приходящий в мир, в котором игры навязываются самим себе, а искупление и вина следуют друг за другом.

Стоял теплый июльский день. Хорошо было, хорошо... Так бывает всегда в разгар настоящего жаркого лета, когда в зените праздник жизни, когда одно-единственное ощущение вечного тепла и сбывающейся надежды кажется непреходящим и закономерным.

Они ехали втроем, на опеле "Франтера", за город... Так договорились, так решили все трое... Так должно было быть. И, несомненно, так оно, в принципе, и было. Ехали в загородный их дом с Маргаритой, на уик-энд пригласив свою лучшую и единственную подругу — Гению.

Небольшой двухэтажный домик-коттедж располагался прямо рядом и напротив шикарного соснового бора с вечно поющими и ухающими лесными птицами, старожилами этих древних и вечномолодых густохвойных деревьев. Неподалеку пробегала речушка, вся искрящаяся под веселыми лучами высокостоящего над горизонтом солнца, искрящаяся полнотой своих освежающих вод. Пять лет назад, когда они выбирали этот зеленый участок, Маргарите очень понравился дом и именно эта речушка, ее бодрящая близость и неумолчный шум небольшого водопадика на излучине примерно в двух-трех милях рядом с невысокими холмами в получасе ходьбы к югу. Дом, наверное, хранящий традиции девятнадцатого века, привлекал своей стариной, мягкой и незамысловатой, в век давящей своей безудержностью техники. В нем было два этажа, около восьми светлых просторных комнат, не считая кладовых, двух обширнейших, выходящих окнами в лес, не затронутых евроремонтом ванн и просторной же туалетной комнаты.

И это не все. Аккуратный незапущенный садик, заботы о котором остались в ведении тамошнего садовника, старика, живущего со своей супругой во флигеле рядом с домом, помнящего, похоже, своих самых первых хозяев. Все это хозяйство недорого обходилось предыдущим владельцам, которые великодушно запросили небольшие деньги по случаю срочного переезда в другую страну, то ли где-то в Азии, то ли на островах Тихого океана.

Ему нравилось, что Маргарита всегда аккуратно и точно выплачивала налоги за дом и зарплату садовнику, двум горничным, приезжавшим из города прибраться здесь и сделать кое-какие работы по хозяйству. Другими словами, ее ответственность и забота как нельзя кстати отвечали его чаяниям в отношении присмотра за ведением их домашнего хозяйства. Его постоянная занятость помешала бы ему одному справляться с делами по дому, и Маргарита удачно компенсировала своей энергией и ответственностью, несмотря на свою собственную занятость, нежелание заниматься всем этим ему самому. Они подъехали к гаражу, вышли. Он помог дамам с вещами, проводив их к крыльцу дома, сам же вернулся поставить машину в гараж. И потом только, убедившись в том, что ворота заперты, и порядок более-менее восстановлен, пошел за ними, за женщинами, в дом. Маргарита уже успела многое показать Гении. Той нравилось все: убранство комнат, чистота и порядок и, конечно же, простор и ненавязчивый комфорт всех этих сохраняющих аромат девятнадцатого века помещений. В особенный восторг ее привела столовая, в которой в строгом классическом стиле расставленные горничными

стояли почти готические стулья с высокими спинками. Здесь же располагался небольшой камин, который мог запросто скрасить любой ужин, любое застолье, затянувшееся до позднего вечера. Вскоре они дружно перекусили на скорую руку разогретым обедом, который был привезен из города. После непродолжительного обеда они, прихватив корзинки на случай грибных мест, отправились осматривать окрестности.

Сначала шли молча. Похрустывающие под ногами ветви покорно прогибались под тяжестью путников, расслабленных сытным обедом, благоприятным днем и всеми теми прелестями, которые дарит непредубежденным посетителям летний густохвойный лес. Он, шедший то впереди, то позади женщин, делал джентльменские попытки поддерживать их под руки при перешагивании всевозможных неудобных кочек, валяющихся стволов и прочих "ловушек", незамысловато встречающихся то там, то тут на их дороге. Грибов почти не было, настроение не позволяло всерьез заняться чем бы то ни было, кроме неторопливого шагания по лесу и легкой болтовни о ничего не значащих вещах.

Он любил их обеих. Он хотел... их обеих. Он знал общую тайну обеих. И он страдал от ощущения пропасти, отделяющей их обеих... от него.

Они подошли к озеру. Солнце, высоко стоявшее в зените, располагало к купанию. Первой приняла вызов манящей прохлады воды Гения. Совершенно бесшабашно, с очарованием и бесстыдством юной нимфы, она быстро сбросила с себя всю одежду. Оставшись абсолютно нагой под лучами бодрящего солнца, побежала скорее к воде. Он невольно отвернулся. Маргарита, совершенно не реагируя внешне на выходку Гении, прошла немного в сторону, подальше от песка к зеленой траве, островком торчащей среди естественного песчаного пляжа. Присела, положив рядом с собой корзинку, успев подогнуть при этом легкое летнее платье. Расслабленно положила руки на колени и пригнула голову, наблюдая, как резвится Гения. Он почти бесшумно подошел сзади, присел рядом. Она не пошевелилась.

-Какая бесшабашная девчонка. Правда? Такая смелая и такая... Маргарита лишь слегка повернула к нему голову.

-Красивая?

-Непосредственная.

-Хочешь сказать, что тебе это не нравится?

-Я просто констатирую факт. Факт, он как дверь, присутствует и ни в зуб ногой, присутствуя...

-С каких это пор тебе нравятся каламбуры? Не совсем удачные к тому же.

-Ты злая, Марго.

-Я не злая, я просто злюсь. (Молчание).

-И почему?

-А ты не понимаешь? Ты как тень, как надсмотрщик шляешься повсюду за двумя женщинами, лезешь в их разговоры, в их женские дела... Создается впечатление, что ты просто назло мешаешься под ногами. (Молчание).

-С каких это пор я мешаюсь под ногами у собственной жены? Я люблю тебя, мне нравится, что у тебя появилась молодая прелестная подруга. Наконец, я завидую вам белой завистью, что между вами полное взаимопонимание. (Молчание). Чего не скажешь... о нас.

-Ты решил на берегу этого прелестного озерка устроить мне сцену?

Он вышел из-за нее, встал впереди, руки в карманы, запрокинул голову, прислушиваясь к пению птиц, потом взглянул на отмахивающую короткими гребками то в одну сторону, то в другую Гению, и только после этого тихо сказал:

-Я просто хочу вернуть наши прежние отношения, Маргарита.

Гения, до сих пор весело бултыхавшаяся в воде, наконец, замерла и крикнула:

-Э-эй, кто составит мне компанию? Не хотите ли искупаться, э-эй?

Маргарита молча встала, стянула с себя платье, оказавшись в серебристом бикини, и грациозно выбрасывая вперед длинные ноги, в несколько прыжков добежала до воды. А потом единым взмахом рук бросила себя в освежающую глубину, вынырнула в нескольких метрах от Гении, встряхнула головой, сбрасывая струящиеся капли, и поплыла к своей подруге, весело крича:

-Догоню!

-Дура!- почему-то зло подумал он, отвернулся и посмотрел на лес. Постоял, подумал и только потом начал медленно раздеваться.

На берег все вышли разморенные долгой игрой и тут же плюхнулись на песок. Вода, действительно, была великолепной и по запаху, и по температуре. Просто какая-то лесная сауна - нагретая солнцем и удобно устроенная посреди желтого окаема песка. Он поднял голову, посмотрел на два женских тела, грациозно распластанных рядом с ним на лесном пляже, и сердце его сладостно защемило от необузданного и неисполнимого желания. Особенно тело Гении, которая лежала на спине, запрокинув одну руку на голову, чтобы прикрыть глаза от слепящих солнечных лучей, возбуждало и дразнило его обманчивой близостью и своей развращающей сексуальностью. Как лакомый кусок лежала она рядом с ним, не принадлежа ему, - и это противоречие болью отдавалось в каждом уголке его просящего пощады мужского тела. Он перевел взгляд на Маргариту и встретился с ее пронзительным взглядом львицы, готовящейся к прыжку. Расширенные разъяренные зрачки, казалось, готовы были проглотить всего его целиком - и он понял, что значил этот взгляд. Ему даже стало как-то не по себе. Его женщина, его половина, принадлежавшая ему вот уже более десяти лет, почти маниакально ревновала его к Гении, молоденькой самке, ради которой он сам готов был на все. Но он любил и Маргариту, и чувствовал, что запросто может потерять ее в этих "американских горках" любви-ненависти. Он опустил голову на песок и посмотрел в широко распахнутое над ним голубое бездонное небо с небольшими клочковатыми белыми облачками. Не было нигде и ни в чем ответа, как поступать дальше, что делать ему посреди этой невыразимой муки необладания. Бизнес, дом, интересы, перспективы - все это накрылось неожиданно и вдруг одной беспощадной зловещей тенью неистребимого страдания. Все перевернулось вверх дном. Все стало с ног на голову. Он не понимал, за что вынужден тянуть эту лямку, не понимал, какой высшей логикой был наказан он и с какой целью. Но несмотря ни на что - ни на свой возраст, ни на будоражащие нервы события последнего времени, ни на более мелкие проблемы текущей жизни - он верил в то, что в один прекрасный момент времени все само собой организуется непостижимым образом в благоприятный исход из теперешнего состояния. Они еще немного позагорали на солнце, потом еще раз окунулись и пошли на свою маленькую виллу готовиться к ужину.

Ужин прошел при свечах, вяло и спокойно. Они поговорили о том, о сем: о последних политических интригах правительства, о киношных новостях, о культурной жизни их города, в которой все принимали активное участие присутствием на всевозможных конференциях, выставках, раутах и тому подобной чертовщине. Потом разошлись все по своим комнатам готовиться ко сну.

Хотя Маргарита изъявила желание спать отдельно, что за последнее время, как мы все понимаем, происходило чаще и чаще, он, снедаемый неутолимым желанием, раскалывавшим его существо ровно на две части, пришел к ней.

-Я хочу спать, я устала.

Он гладил ее плечи, целовал, домогался, как мог, не получая отклика. Через двадцать минут упорной борьбы за власть над другим партнером, игра приняла крутой

оборот, и он вынужден был сдаться на милость Маргариты, которая буквально послала его подальше.

-Я устала. Ты что, не понимаешь?

-Раньше, по-моему, это никогда не было препятствием.

-Это было раньше.

-А что изменилось сейчас?

-А сейчас я устала.

-И все?

-И все.

-Хорошо. Я совсем не призываю тебя к активности, расслабься и получай удовольствие...

-Мне не до шуток, я хочу спать.

-Милая Марго, ну как ты не можешь понять, я не шучу — совсем не шучу. Я хочу тебя, как жену, как друга, как союзника, не отделяющего себя от меня... Купидон нас ждет.

-Ты что, не понимаешь, я устала? Устала, устала, устала, устала! Не понимаешь?

-Что ты устала, устала, устала - я понимаю. Но что я хочу, хочу, хочу - не понимаешь ты.

-Хоти, а я сплю.

-Шикарно. Значит, мы договорились? Ты начинай спать, а я начинаю...

Она резко вскочила и уставилась на него немигающим взглядом. Так смотреть была способна, наверное, только действительно разъяренная львица... и Маргарита. Она буквально прошипела.

-Если ты не уйдешь сию минуту, то уйду я и надолго. Понял? Я думаю, что у тебя хватит ума оставить наши взаимоотношения хотя бы в более менее приемлемом порядке. Если ты действительно такой, каким я тебя до сих пор считала - умный и сообразительный — ты сию же минуту пойдешь в свою комнату и оставишь меня в покое. Я хочу спать. Спокойной ночи. Он вышел из ее спальной комнаты, даже не пожелав от отчаяния "спокойной ночи" своей супруге, своей Марго, своей избраннице, своей львице, вышибившей его из когда-то крепких супружеских объятий. Первая попытка, таким образом, явилась полным крахом. Он рассчитывал урегулировать отношения с женой самым обычным, самым излюбленным и закономерным способом урегулирования всех внутренних конфликтов, а получилось, что пришел к еще большему конфликту в себе и в семье. Он постоял еще немного и тихонечко пошел на второй этаж, где располагалась сейчас комната Гении. Подошел к двери и еле слышно поскреб ногтем ее полированную поверхность. Ответа не последовало. Он подождал еще немного и тогда только повернул ручку двери. Дверь оказалась открытой. Он тихонечко просунулся в проем между дверью и косяком, едва шоркнув пижамой по их гладким поверхностям, и плотно прикрыл дверь с внутренней стороны. А потом только защелкнул на рукоятке замок. Остановился, прислушался. В комнате было тихо. Казалось, даже, что комната была пуста, если бы ни едва различимый шелковый халат на стуле, складками свисавший с него на пол. Он подошел ближе: так и есть - Гения спала. Тогда он тихонечко снял верхнюю пижаму, затем брюки, небрежно бросил одно за другим на стул и скользнул под одеяло. И тут же Гения молниеносно открыла глаза. Она навалилась на него всем телом, и они слились в долгом жарком поцелуе, как ему показалось. Но прошли лишь доли секунды. Гения тут же оторвала свои губы от его губ и ошарашенно взглянула сквозь темноту и дрему.

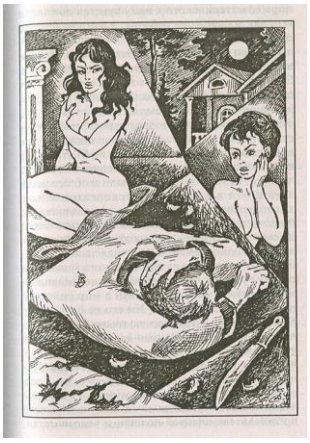
-Это ты?!! — выдохнула она.

Но он не стал отвечать ей. Это, естественно, не входило в его планы, а лишь закрыл ладонью ее рот и сосредоточенно принялся было насиловать, хотя и безуспешно. Гения змейкой выскользнула из-под него и отбежала к двери.

-Если ты не хочешь неприятностей,— прошипела она, - будь паинькой и уматывай из моей комнаты. И если еще ты предпримешь что-нибудь подобное, то я с тобой никогда и слова не пророню. Ты понял меня? Или совсем с ума сошел, маньяк? Я никогда не любила тебя, не люблю и не полюблю. Ты понял, понял меня? А если понял, то... - она показала пальцем на дверь.

Он безропотно, как сомнамбула, вылез из-под одеяла. Оделся в свою пижаму, споткнулся, зацепив стул, брякнулся на пол, встал, потирая ушибленную ногу, и только потом, прихрамывая, проплелся мимо Гении в любезно приотворенную для него дверь к своей комнате. Там он долго сидел в темноте, уставившись в одну точку, с бессильной улыбкой, словно побитый пес. Вновь и вновь прокручивал в уме картины своих последних неудач с двумя так необходимыми ему, желанными ему до боли, двумя созданиями, ради которых он готов был на все, но из-за которых, казалось, все потерял. Долго бы еще он таким образом мучил себя всевозможными раздумьями и переживаниями, если бы вдруг не услышал легких быстрых шагов за дверью, которые прошелестели к комнате его жены. Щелкнул замок, в коридоре снова воцарилась полная тишина. Ни ушибленное колено, ни уязвленное самолюбие, ни посрамленное мужское достоинство не смогли удержать его на его постели, когда он абсолютно точно понял, кому принадлежали эти шаги. Они принадлежали, конечно же, Гении. Он, стараясь не шуметь, лишь слегка прикрыв за собой дверь, затаив дыхание, подкрадывался к Маргаритиной спальне, в которой быстрый шепот двух едва различимых голосов ясно давал почувствовать содержание диалога. Две женщины, наверняка, делились последними новостями этой ночи, и веселью их не было предела. Они хихикали, шептались, о чем-то жарко спорили, и в их разговоре абсолютно четко несколько раз звучало его имя. У него не было сил, хотя ярость его испепеляла. У него не было надежды, хотя надежда всегда жива, пока жив человек. У него уже не было желания что-либо предпринимать, он просто слушал и слушал, почти не понимая и не различая их слов. Бесшумные едкие капли выкатывались из его глаз и падали на ковер, а некоторые - на его голые ступни без тапочек, и ему казалось, что целая жизнь проплывает мимо него, как какой-нибудь "Титаник", в никому неведомую, а особенно ему самому, туманную ускользающую даль. Он совершенно четко почувствовал, понял и осознал, что этот огромный корабль неминуемо потонет, и он чувствовал, как эта великолепная громадина кренится одним бортом в его душе, зачерпывая и зачерпывая тяжесть нахлынувших потоков чувств и страстей. Все кончилось. В этот самый миг все кончилось окончательно и навсегда. Он распахнул дверь в спальню Маргариты (благо, что она была не на запоре), встал в открывшемся проеме, как приведение, и безумными глазами смотрел на лица двух улыбающихся женщин, которые абсолютно не стеснялись выказывать сейчас ему своего презрения. Он не помнил, когда, в какой момент оказался в его руках длинный острый нож-тесак, когда вообще пришла ему в голову такая идея таким образом расправиться со всеми своими проблемами. И он кромсал от бессильной ярости на глазах у двух женщин, сменивших презрение на удивление, изумление и страх, их с Маргаритой символическое супружеское ложе, служившее таковым для них уже более десяти лет. Перья летели по комнате, пружины стонали, и в какое-то мгновение всем вдруг стало ясно, кого сейчас заменила эта широкая красивая и уютная в стиле девятнадцатого века кровать.

Тело его обессилело, он упал, нож вывалился из его рук и закатился под кровать, а руки беспомощно упали за голову. Он сотрясался в конвульсиях от рыданий. Все тело его жгла и разрывала на тысячи мелких кусочков обида и боль. Он плакал, как ребенок, которого лишили детства.



Нет более жалкого зрелища, чем вид зрелого преуспевающего мужчины, потерявшего все свои ориентиры в жизни. Он раздавлен, беспощадно растоптан жизнью. У него не осталось прежних с нею связей, линий взаимоотношений. Игра закончена, король остался без окружения, сам он выдохся и сдался. А козыри остались на руках у других игроков.

Внезапно он ощутил, как его ласково и заботливо гладят, успокаивают и целуют чьи-то губы и руки. Он не успел ни оценить, ни осознать ситуацию, в которую попал вновь. Это были Гения и Маргарита, которые в подсознательном порыве материнского к нему чувства пожалели его, как маленького ребенка, в едином порыве отдали ему внимание и заботу старших сестер, любовниц и подруг жизни. Это не была групповуха, как ее понимает современная цивилизация. Это так же не было и животным соитием трех существ, оказавшихся вместе в данной ситуации и в данное время. Это был акт единства людей, оказавшихся в одной лодке посреди необъятности и неизмеримости существования. Их как магнитом притянуло и бросило в объятия друг друга на сцену страсти. Они словно обезумели: ласкали, целовали, щипали, мяли и облизывали друг друга в каком-то экстраоргазмическом танце, не знающем ни границ, ни пределов. Да, он получил то, чего ждал и желал больше всего на свете, близость с двумя этими женщинами, да еще и одновременно. Ощущая запахи, изгибы тела, дыхание этих женщин, этих милых его сердцу существ, он неожиданно и непредвиденно для себя самого был восхищен в мир райского наслаждения духа и тела. Ум его не был способен воспринять всю сложную гамму этих неожиданных переживаний, тело его автоматически участвовало в этом сексуальном акте...

Он растворился, исчез, пропал в этом нахлынувшем на него потоке оргазма, страсти, чувственности, - всего того, о чем обыкновенный мужчина в глубине своей души мечтает всю жизнь, и что получает редкий представитель сильной половины человечества. Они не замечали ни жесткости пола, прикрытого тонким ковром из синтетики и шерсти, ни перьев, в которых они утопали, словно в море, ни боли, от все усиливающихся в своей интенсивности укусов, поцелуев, засосов, — нет, ни одна из этих деталей не смогла бы испортить впечатления этого восторга, этой благодати, снизошедшей на всех них с неизмеримой высоты природных начал. И только, когда Маргарита, раскинув свои шикарные волосы по его паху, долизывала его пенис, не оставив ни капельки спермы ни на одном месте их сплетенных живых тел, а Гения содрогалась в последних конвульсиях оргазма от его жаркого иссохшего языка, которым он мастурбировал ее гениталии, все трое завалились, кто как мог, в этой божественной куче, и перевели дух.

Он вел машину сосредоточенно, на предельной скорости, пытаясь сохранить все правила движения по автостраде, в общем потоке машин. Его воспаленный мозг прокручивал и прокручивал сцены этой бурной ночи. Он ехал на работу с единственной мыслью дожить до вечера, мечтая хоть в миллионной части возможностей реализовать то, участником чего невольно он стал. Вся жизнь его, резко изменившаяся с той самой секунды, как Гения и Маргарита вдруг оказались его любовницами, имела смысл для него только в таком и таком качестве. Он готов был стать марионеткой в руках жизни, безумно и бездумно следуя малейшим ее капризам, лишь бы только не потерять то, что стало теперь смыслом всей его жизни. Он наконец вырулил на боковую улицу, ведущую к офису и, мягко притормозив, остановил машину, припарковав ее там, где обычно оставлял по пути на работу.

Он пришел в офис раньше обычного на полчаса. Возбуждение и яркие картины пережитого не оставляли его ни на секунду, владели им, крутили его воображением, как хотели. Он открыл дверь своего личного кабинета ключом, чудом найденным в карманах его пиджака, так как он никак не мог сосредоточиться ни на одной мысли, не касавшейся происшедшего. В который раз судьба кидала его из огня да в полымя, и в который раз он убеждался все больше и больше - жизнь человека управляется неисповедимыми силами и ничто не находится полностью в его руках, даже его собственное решение... В который раз судьба его вытаскивала из пропасти, чтобы вновь и наверняка швырнуть его обратно, в пучину приключений, и единственное, что по-настоящему его удивляло, это то, насколько быстро он восстанавливал свой потенциал, растраченный в перипетиях событий.

Через некоторое время заглянула секретарша:

-Вы здесь?- ее брови сложились домиком, от чего ее лицо приобрело умилительно-забавное выражение плутоватой лисички, потерявшей след своей добычи.

-Побудьте со мной, Лизет. Мне очень сейчас нужно присутствие человека. Любого... Женщины даже лучше... Я воскрешен, я хочу рассказать Вам, как возвращаются люди из объятий смерти. Я хочу рассказать Вам о любви к жизни, о том, как важно жить, дышать, целоваться.

Он ласково и трепетно гладил ее руку, которую он взял в свои ладони, и невольно его непрекращающееся возбуждение стало передаваться и ей.

-О, Алекс, я лучше пойду. Мне пора. С минуты на минуту явится шеф.

-Не бойтесь меня, Лизет,— сказал он, прикрывая дверь.- Я влюблен... Не в Вас. Вернее, и в Вас тоже. Во всех людей, птиц, насекомых, деревья, во все живое и неживое. Я потрясен, ошарашен, я вновь возвращен к жизни... Поверьте, как это здорово!.. Я хочу сказать Вам, как прекрасен мир, как прекрасны Вы, как все мы нужны друг другу.

Его расширенные зрачки, прерывистое дыхание вконец напугали Лизет.

-Нет, я все-таки пойду, Алекс. Мне пора.

Она быстренько выпорхнула за дверь, плотно прикрыв ее за собой.

Он бессильно запрокинул руки за голову, плюхнулся в кресло и сладостно закатил глаза. За что Бог награждает человека жизнью? За что дает полет? И какие глубины и тайники способны открыть человеку его предназначение?

День прошел обычным путем. Если не считать того обстоятельства, что на минутку забегала Гения в середине рабочего дня, чмокнула его в губы и передала привет от Марго. Он лишь успел ущипнуть ее, убегающую, за ягодицу, на что она смешливо-сердито ответила ему томным взглядом и выпорхнула по своим делам.

Бумаги заваливали его стол неразобранной грудой. Телефон звонил непрестанно. Но все это мало интересовало его.

В другое время он бы нимало подивился своей беспечности, корил бы себя за несерьезное отношение к своим делам, к бизнесу и попытался бы тут же навести соответствующий порядок. Но сейчас ему казалось, а может, это и было так, что он в буквальном смысле парил над своим рабочим столом в качестве незримого духа, наблюдая за деятельностью тела. Дух его парил настолько высоко, насколько позволяло земное притяжение парить духу отдельного человека над землей. Один раз в течение дня звонила Марго.

-Милый, это ты?

-Я люблю тебя.

-Милый, не забудь, пожалуйста, заехать в супермаркет. Нужна ветчина, сыр, зелень, красная икра и сухофрукты и немножко меда.

-А это еще зачем?

-Что, сухофрукты?

-Нет, мед, конечно.

-А это наш маленький с Гением секрет. Узнаешь, когда приедешь.

-И что вы там надумали?- заурчал он как кот.

-В общем, не забудь, целую.

После работы он заехал в супермаркет, набрал всего, что хотелось Маргарите и Гении в том числе. Из сухофруктов нашел только засушенные в ликере бананы и ломтики ананаса, настоянные на цветочном сиропе. Он сложил это все аккуратно на заднее сидение и сел за руль. Парил он, парил над всей бессмысленностью жизни, как орел над покорными ему долинами, предчувствуя такое.,. О, что только не предчувствует мужское воображение, предпочитающее видеть себя завоевателем противоположного пола по полной программе, и забывающею, что женщины, в принципе, хотят того же.

Дверь открыла Марго. Не ответив на его чмоканье в щеку, а лишь озабоченно перехватив у него сумку из рук, которую распирало продуктами.

-Мне помочь?

-Попозже. Не забудь только переодеться в халат, и не одевай старые тапочки, если не трудно... Ты должен выглядеть. У нас сегодня праздник.

-И чему же он посвящен?

-Тебе, конечно, милый.

-Я польщен. Белой рубашки не нужно? Смокинг?

-Нет, достаточно халата. Понятно, милый?

Он подошел к Маргарите и еще раз чмокнул ее в щеку.

-Ты у меня самая красивая. Самая-самая ты у меня.

-Настолько самая-самая, что вполне можно разбавить девушкой помоложе...

-О чем это ты, Марго? Тебе не понравилось вчера?

-Вопрос не в том, что мне могло или не могло понравиться. Вопрос в нашей дальнейшей судьбе.

-Не понял, честное слово, не понял, Марго.

-Милый, в твоих устах "Марго" звучит как ругательство. Ты мог бы меня называть сегодня Маргаритой, хотя бы?

-Совершенно не понимаю смены твоего настроения. Что-то случилось?

-Я пошла. Готовиться к ужину. На кухню.

-Марго,— он остановил ее за плечи.- Мы можем поговорить?

-Уже поздно говорить, милый. Все уже сказано...

-Я не понимаю. Это вечер загадок, Марго? О, извини, Маргарита.

-Это вечер простых и прямых ответов, Алекс. То что было вчера - никогда не повторится и не может повториться. Это нонсенс, понимаешь, нонсенс. Этого не могло быть и не было. Понимаешь, не могло быть и не было?

-А вы, вы с Гением, Марго... Рита?

-Я подаю на развод; Алекс. Это последний наш вечер. Я люблю другого человека.

-Гению?

-Я люблю... себя. Поэтому мы должны расстаться. То, что было вчера, - положило всему предел. Это конец, Алекс. Милый, это конец. Я пошла на кухню.

Свечи, свечи, свечи, свечи, свечи были расставлены везде. По всему периметру комнаты, по всей ее площади. На длинном столе, поставленном в центр комнаты, был водружен с высокой спинкой стул, к которому привязали его за запястья и лодыжки так, что он не мог шевельнуться. Вкуснейшие блюда были также расставлены на столе: салаты, соусы, вторые и третьи комбинированные блюда в основном состояли из лакомств и утонченных деликатесов...

Сами женщины, обнаженные и великолепные, были одеты лишь в маски на их лицах, скрывавшие лишь глаза, благодаря чему было легко распознать, кто есть кто.

Окна были занавешены. Кроме водруженного на стол стула мебели в комнате практически не было. Где-то спрятанный магнитофон торжественно и монотонно издавал звуки тантрической музыки, видимо, записанной специально на ленту. В комнате стоял густой аромат фимиама и каких-то других утонченных запахов, придававших всей картине мистически-завораживающий вкус. Ему было немножко не по себе сидеть обнаженному посреди всего этого пиршества и ожидать развязки, в которой сам он не мог принять даже самого пассивного участия. Он мог лишь наблюдать за происходящим и принимать все как есть. Женщины под равномерные удары тамтама начали какой-то пол у эротически и танец, шаг за шагом потихоньку приближаясь к нему, и, наконец, забрались на стол, грациозно перебираясь среди бутылок и тарелок, они брали с блюд отдельные кусочки, лакомились ими, потом, налакомившись, стали вдруг потихоньку облизывать его тело. Все это делалось медленно, почти сладострастно и возбуждало его неимоверно. Особенно привело его в дикий восторг ощущение их скользящих по его телу языков, когда они, разрисовав его тело засушенными ломтиками бананов, обмакнутыми в мед, ласкали его, слизывая эти замысловатые узоры с его вздрагивающего навстречу их прикосновениям тела. Женщины довольно искусно объедали с него кусочки намазываемой пищи, чтобы затем, опрокинув на него пару бутылок вина, довершить свое действо всепоглощающим облизыванием всего его тела. Он извивался, трепетал, дрожал, подергивался всеми своими мускулами и всеми порами под этим настойчивым движением их языков и вдруг испытал один мощный, выжимающий его до корки кожи, словно лимон, оргазм. Женщины, казалось, не замечали этого. И опустившись на стол среди остатков пищи, принялись, наконец, ласкать друг друга. Он просил пощады, но никто его не слышал или не хотел слышать. Женщины стонали, доводили друг друга до финального взрыва эмоций, и начинали все снова и снова. Они дразнили его: он понимал это, но ничего не мог поделать и предпринять. Наконец, обе женщины вышли, и только примерно через полчаса он смог снова увидеть одну из них. Это была Гения. Она пришла, села к нему на колени и бесстыдно и лихо довела его еще до одного оргазма. Потом ушла. Еще через полчаса пришла Марго. Она сделала ему минет. Так повторялось еще, по крайней мере, пять раз в различных вариантах и в разном чередовании женщин. Если они и хотели добиться какого бы то ни было эффекта, то добились всех целей сразу: он был истерзан, выпотрошен, доведен до отчаяния...

При всем при этом женщины не проронили ни слова,— ни одни, ни разу... Лишь только Марго обронила как-то между делом:

-Все для тебя, милый,- а потом развод... Ты понимаешь меня?

И она разразилась диким хохотом, хохотом, леденящим кровь, от чего грудь ее, высокая и тугая, подпрыгивала словно кобылица, перескакивающая с уступа на уступ каких-нибудь гор при дикой скачке. Он не смог выдержать этого и кончил еще раз.

Под утро его, доведенного почти до безумия, отвязали и перенесли в ванную. Там его тщательно мыли, купали и нежили, и только потом, обернув в махровое бескрайнее полотенце, отвели в постель. Он забылся долгим, без сновидений, тяжелым сном. Все, что происходило с ним за последнее время, давно уже казалось ему сплошным сном. Он уже не верил ни себе, никому. Ведь то, что происходило с ним, не могло быть помещено ни в какие рамки, не могло быть названо никаким именем, потому что название этому придумать было нельзя. Это была какая-то сумасшедшая нелепица, похожая на то, как будто его поместили в некий фильм, с бесконечной чередой серий, с абсолютно неоправданным сюжетом и с настолько запутанной интригой, что, казалось, ни сценарист, ни сам режиссер не смогли бы совладать со всем этим ни при каких обстоятельствах.

Когда он очнулся, было тихо в доме, вечерело, и отблески заката ложились на предметы и мебель в комнате определенно зловещим оттенком. Он встал, надел халат и поплелся искать по комнатам жену, или Гению, или еще кого-нибудь, кто помог бы ему

хотя бы частично прийти в себя и понять, где он находится, и что он сейчас здесь делает. Несомненно, жена или Гения, а может, и обе вместе, сыграли с ним давно спланированную шутку, смысл которой заключался в мести всему мужскому роду в целом. Хотя почему именно он был выбран мишенью в этой безумно злой игре, он не понимал, да и не старался уже понять. Единственное, что ему сейчас хотелось больше всего и по-настоящему, это возвратить себя хоть в какую-то реальность, в которой есть люди и предметы, определенные и стоящие на определенных же местах, выполняющие определенные же функции. Он обошел все комнаты, но никого не нашел. Спускался в подвал, открывал кладовые, заходил на чердак. Нигде и ничто не указывало хоть чье-либо присутствие, хотя бы намек на то, что здесь кто-то живет, кто-то был или находится. Он зашел даже в ту комнату, где вечером происходила вся свистопляска, с "празднованием", как выразилась Марго, его "праздника", но ничего и там не обнаружил ровным счетом. Он окончательно потерял голову, в принципе не понимая, что же происходит на самом деле.

Но одно он знал определенно и твердо. Он знал, что Марго стала главной его проблемой, проблемой, доставшейся ему взамен былого благополучия жизни. И устранение этой проблемы теперь, видимо и надолго, стало основной и главной целью всех его стремлений. Даже Гения, со всей ее ломаной и колючей природой, не так сильно терзала теперь его воображение и не доставляла столько хлопот его рассудку, как образ вездесущей и когда-то обожаемой им Марго, которую он был рад стереть в порошок.

Сознание поминутно оставляло его. Он еле добрался обратно до постели. Жгучая волна ненависти окончательно захлестнула его душу, прежде чем пришло забытье.

Когда он открыл глаза вновь, рядом сидел незнакомый молодой мужчина с бородкой-клинышком, в очках с тонкой золотой оправой и, внимательно и строго вглядываясь в его измученное лицо, говорил:

-Поздравляю Вас, дорогой пациент. Пять дней кряду лежали Вы в полном беспамятстве и, наконец, возвратились к новой жизни и к новым свершениям. Наш персонал сделает все возможное, чтобы поставить Вас на ноги окончательно. Желаю Вам всего доброго. Выздоравливайте. Он сутуло поднялся и направился к входной двери.

-Погодите, Вы, Вы... доктор?

Сознание, хотя и смутное, снова вернулось к нему. Он даже слегка оживился. Улыбка забрезжила на его бледных губах.

-Да, дорогой пациент, я доктор. А Вам нужен покой, так как пять дней назад Ваша жена привезла Вас к нам в коме после тяжелой депрессии. Она попросила самым тщательнейшим образом присмотреть за Вами, и мы сделаем все, от нас зависящее, чего бы нам это ни стоило, дорогой пациент.

Доктор сухо улыбнулся и вышел. Обитая звукоизоляционным материалом дверь наглухо захлопнулась за его спиной. Алекс ощутил, как руки его и ноги сдавливают смирительные ремни, понял: Марго сделала все, чтобы окончательно отдалить и отделить его от себя, - и ей это удалось с лихвой. Она упрятала его туда, откуда не возвращаются. Но он знал, что вернется и поставит все точки над "и". Твердая уверенность укрепляла его силы. Он слабо улыбнулся.

Собеседник встал, подошел к окну, закурил сигарету. Вечерело. На улицах не было ни души. Вот в такой бездушной пустоте и прозвучал выстрел. Крупный, молчащий, массивный мужчина еще раз затянулся, постоял, сбил пепел в пепельницу и только потом прошел в соседнюю комнату. Алекс лежал в луже крови, стекавшей из раздробленного виска. Это был закономерный конец всей истории. Но история продолжалась, и когда легкая тень отделилась отлежавшего на полу человека и с дымом сигареты вошла в курившего, этот второй вернулся обратно, сел в кресло и вновь затянулся сигаретой. Он

задумался. Ему предстояла не совсем легкая встреча с теми, кого он знал, и кто теперь ни за что не узнал бы его. За любовь, в которой нет самого главного, нет любви, нужно платить самую высокую цену, цену собственной жизни. И эту цену заплатит любой, кем бы он ни был,— будь то император, садовник, гладиатор или простой смертный. Ведь жизнь во всех формах равна самой себе и платит, и покупает, и отдает, и забирает одновременно.

Алекс открыл глаза и уставился в одну точку. Сон пропал, как будто его и не было. Алекс снова сосредоточился и быстренько проанализировал последние факты. Он здесь уже вторую неделю, а Марго и Гения так ни разу его и не посетили. Он знал,— увидеть этих двух женщин он должен во что бы то ни стало.

Прошел еще один месяц, месяц мучительный, сосредоточенно-злой, в течение которого он все искал выход и не находил. Наконец всякая дрянь, которой его кололи здесь, возымела свое действие над ним, и он, как ему самому теперь казалось, даже поглупел. Учтиво-ответственный, безапелляционный персонал следил за каждым его движением; практически ни что не ускользало от их недреманного ока, ничто их не могло ни смутить, ни поколебать. Единственное обстоятельство, которое теперь занимало, хотя и непродолжительное время его внимание, было появление здесь, в психиатрической лечебнице, Гении, которую всемогущая Марго каким-то образом упрятала тоже. Он понимал, что это была месть женщины, поколебленной в самых глубинах своей души попыткой измены со стороны мужа. Человека, ради которого когда-то она бросила, как ей теперь, наверное, казалось, свою первую любовь. Он не осуждал ее теперь и не винил. Ему было почти все равно. Его сильнейшая страсть к двум женщинам, полыхая нестерпимо долго и зряшно, наконец изжила саму себя, и он знал теперь, что это была по-настоящему тщетная затея. Природа не соединила двух совершенно разных людей в одно романтическое явление любви. Его озарение было достаточно глубоким для того, чтобы твердо удостовериться — все, дающееся легко и неожиданно, все, сваливающееся, как говорится, с неба прямо в руки, в лучшем случае заканчивается назойливым сожалением, в худшем - бередит душу до конца жизни.

Жаль было немного Гению, с которой изредка он мог видеться через проволочный забор, отделяющий женское отделение от мужского... Но и тут, в конечном итоге, по его мнению, закономерность для нее конца этой истории была безупречна. Всемогущая Марго, почувствовавшая себя полной хозяйкой над судьбами двух людей, сделала все возможное, чтобы излить свою ущемленную гордость и уязвленное достоинство в самой для них предельной форме.

Наверняка, у нее появится новый любовник, муж, молодой и внимательный, возможно, умный и заботливый и который будет ее бесконечно боготворить и всячески опекать и душой и телом.

Но для этой женщины (он понимал), к сожалению, глубины любви, к которым она когда-то стремилась, сокроют свои тайны навечно. Пути Господни неисповедимы. Кто в этом виноват или прав, не имеет совершенно ни какого значения.

Гения, прилипавшая к решетке, отгораживающей одно отделение от другого, и бросавшая поначалу на него самые яростные взгляды, со временем успокоилась. И все ее проявления сводились к обычным в подобном месте туповато-замедленным и безразлично-угрюмым. Она, конечно, была истеричной натурой, и ей многого в жизни не дано было понять изначально, но где-то в глубине души, Алекс, конечно же, жалел ее, как человека, подарившего ему когда-то сильную, но безответную страсть, и он был безмерно благодарен ей за это, что и такое было в его жизни. Было и еще одно обстоятельство, которое самым решительным образом перевернуло все его затухающее

сознание, нашпигованное всевозможными психотропными препаратами. И удивительно, и удивительнее всего, что подобное обстоятельство явилось ему почти в самом конце всей этой завораживающей, жуткой, фарсовой и одновременно возвышающей истории. Это была, конечно же, женщина. Женщина, с которой, возможно, никогда бы не было ничего общего там, среди нормальных людей, среди линейной жизни обычных серых персонажей. Женщина, с которой здесь, естественно, у него не могло быть ничего, даже мимолетного знакомства. Он просто видел ее изредка, на прогулках, следил за ней исподволь, не стараясь привлечь ее внимание, не возбуждая себя никакими обычными в таких вещах прогнозами и мечтами. Он просто наблюдал за ней, следил за каждым ее движением и жестом, как мог, провожал и встречал глазами, когда случалось. Он просто видел Ее, и это было теперь для него самым главным и самым необходимым ему занятием, действом его израненной души. Он не знал ее имени, да и не нужно было. Он не пленялся ее чертами, не сочинял в глубине души мадригалов се прелестям, он просто любил. Да, это было главным для него открытием всей его жизни.

Он сидел и смотрел на себя в зеркало, пуская изо рта слабый дымок, опять и опять припоминая эту женщину и все, что в его памяти было связано с ней каким-то образом. За окнами бушевала осень, в самом своем последнем истеричном порыве, срывая с себя последние одежды, до последнего листика. А он сидел в тепле и думал, думал, думал. Он вспоминал. Лицо его было уже не его лицо, а какой-то одутловатый контур чужого солидного массивного мужчины. Его выпустили через три месяца после того, как Марго расправилась с ним таким образом. Но он не пошел никуда. Он снял этот дешевенький номер на последние "бумажки" в своем кармане, и сидел здесь вот уже второй день. Ни к чему не стремясь, ни о чем не мечтая, а только вспоминая, вспоминая, вспоминая Ее. Во всем ее облике не было ничего необычного, ничего особо привлекательного. Это была простая, возможно, сельская, миниатюрная женщина, совсем как мальчик, и подстрижена она была под мальчика, в своем сереньком больничном халате. Как она попала сюда, он никогда не узнает, но он любит ее теперь и навсегда, и он знает, что любви без любви нет.

Прошло полных десять лет. Раннее летнее утро любого загородного местечка славится открытыми солнцу пространствами, свежим воздухом и заливистыми трелями птичьих хоров. Пока солнце еще не в зените, жара не душит округу в своих «плотских» объятиях и люди, пользуясь утренней прохладой, потихонечку начинают стряхивать с себя последние остатки ночной дремы. Тем же, кому предстоит дорога в город, на работу, необходимо пораньше встать, выпить чашечку утреннего кофе за завтраком, где еще не все члены семьи собрались за общим столом и отправиться по своим служебным обязанностям, не опаздывая и не мешкая. Солидному, интеллигентному мужчине тоже предстояло проделать довольно длинный сорокаминутный путь на машине до места работы, но он не торопился, степенно допивая чашечку "Maxwell House". Он смотрел и смотрел, не отрываясь, на небольшую, почти миниатюрную женщину, женщину-подростка, хлопотавшую у плиты. Это была его жена. Ей предстояло после ухода мужа еще собрать детей в школу - мальчика и девочку, таких же крохотных и миловидных, как она сама. А мужчина все смотрел и смотрел на ее изящную фигурку, хлопотавшую перед ним. Да, он любил эту женщину, этого человека, с которым они сошлись после лечебницы, в том незапамятном году, когда всемогущая Марго засадила его туда.

-Я заеду за тобой и за детьми как всегда, Эмма. Ты ведь не возражаешь?

-Да, Алекс, - она с улыбкой посмотрела на него, повернувшись. — Я буду очень ждать этого момента. Мы все его будем очень ждать.

Она практически нисколько не изменилась после выхода из психлечебницы: такая же маленькая и миловидная, почти как девочка. Только иногда возникали какие-то странные картины с далеких пор детства, когда неврастеник-отчим допекал ее своими приставаниями-избиениями, а алкоголичка-мать только хохотала и хохотала над собой, над нею, над отчимом, допиваясь почти до белой горячки. Но теперь это были уже только лишь короткие вспышки недолгого осознания, все реже и реже навещавшие ее восстанавливающийся год от года мозг, ее девственную незапятнанную душу.

-...Только не забудь, пожалуйста, заехать перед работой за абрикосовой водой в магазинчик "У Питера", ведь дети так любят ее.

-Хорошо, заеду обязательно.

Он встал, подошел к ней и вежливо, нежно поцеловал в лоб и губы, потом прошел в детскую и заботливо расцеловал еще спящих детей, а потом, проходя обратно через кухню, подмигнул Эмме и вышел.

Он проехал около десяти километров и свернул на обочину к магазинчику "У Питера", чтобы купить абрикосовой воды, как обещал жене, для детей.

У магазина было необычно оживленно, не по-утреннему многолюдно от обилия телевизионных машин. Он вошел внутрь магазинчика и прошел к прилавку с абрикосовой водой. Снимался, видимо, какой-то сюжет или, может, фрагмент какого-то фильма, где-то дальше за стойками, в следующем, более большом помещении, нежели отдел с соками и напитками. Алекс взял с полки бутылку и пошел к кассовому аппарату. И только здесь уже, расплатившись с кассиром и выходя, он заметил ее.

Величественная, уже седеющая женщина отдавала какие-то приказания снующим вокруг нее телевизионным людишкам и почти царственно руководила процессом телевизионной съемки вокруг нее. Это была Марго. Алекс почувствовал сильную дрожь, какое-то мгновение овладевшую им и оставившую его так же незамедлительно, как и появилась. Он понял, что она просто не заметит его, а если и заметит, то, конечно же, обойдет своим царственным вниманием, так как душившая ее когда-то звериная месть потеряла уже сейчас всю свою силу и не имела для нее никакого значения больше. Его просто уже не существовало для нее. Он умер где-то там, на пороге между ее прошлой бурной жизнью и теперешним всеизвестным существованием. Но отголоски прошлого все-таки пробуравили Алекса странными нестерпимыми нотками ностальгии, жалости и сострадания к ней, не знавшей, и, по-видимому, уже не узнавшей настоящей любви. Для этого тихого глубокого чувства она была слишком холодна и величественна, беспощадна и сосредоточена на более "действенных" целях.

Мир бизнеса атакует человека и за все победы в этой безжалостной игре требует самую высокую плату - этот всесильный тиран в долларовом облачении берет душу и не отдает ничего взамен. Человек превращается в машину, а красота - лишь в средство получения еще большей прибыли.

Одним лишь мельком брошенным взглядом Алекс увидел все это во всемогущей Марго, оценил и отбросил как невозвратимое прошлое. И вышел в дверь магазинчика, в свою теперешнюю настоящую жизнь и любовь, тихонечко прикрыв за собой дверь. Хотя...

Она, конечно же, издала негромкий, но слышный звук колокольчика над входной дверью. Марго подняла глаза в сторону, откуда до ее слуха донесся слабый звук, и, ничего там не увидев, продолжила свои обычные дела.

А Алекс шел к своей машине и думал о том, как хорошо, что все закончилось именно так. Как хорошо, что судьба его выбросила, наконец, на берег, в эту семейную тихую солнечную гавань. Как хорошо, что любви без любви не существует, ведь там, где она есть, нет места больше ни для какого чувства, заблуждения. И не может быть больше ничего... другого.

СЕКТАНТ

(эротическая притча)

Каждый представляет себе любовь по-своему.
И каждый играет в нее как в игру.
И каждый играет в нее на своей стороне.
Хотя изначально кажется, что любовь—это дуэт.

«…-Грёбаная жизнь! - команда прозвучала как набат. Резкий свет через мгновение затопил всё помещение. Все быстро поднялись и замерли в сидячем положении на кроватях.

-Мы приветствуем тебя!- прозвучало ответное приветствие.

Койки располагались в два яруса. Нужно было спрыгнуть на пол около своих табуреток, буквально за секунды одеться и выстроиться внизу у первого яруса кроватей в две шеренги.

Мы, новобранцы «сообщества первых лиц», подписавшиеся верой и правдой служить нашему новому Богу, проходим сейчас первый этап посвящения в рыцари Ордена. Я и мои товарищи (нас двадцать) неделю назад подписали 100% контракт на пожизненное вступление в СПЛ (Сообщество Первых Лиц). Через час всех повели в баню. Потом выдали единую униформу, - что-то похожее на сутану, длинные суконные балахоны до колен, лёгкие вязаные тапочки в два слоя из бересты и лёгкие же брюки из тонкого войлока. Всё это поверх нательного нижнего белья из хлопчатобумажной белой ткани. Потом нас повели на обед. Принятие пищи, как оказалось, было последним чувственным удовольствием этого мира, оставленным нам в наследство. От наших по терминологии «СПЛ» заблудившихся в полях невежества предков. Между прочим, чтобы не путать вас изысканной терминологией «СПЛ», я буду давать краткие пояснения по мере продвижения повествования.

Как я попал в «СПЛ» - это отдельная история, а пока посвящу вас в суть доктрины этой замысловатой религии, замысловатой и надёжной как чугунная дверь. Да, кстати, я - это среднего роста долговязое жилистое существо с длинным скуластым лицом, орлиным носом и большими серыми глазами. Я скандинав по роду и племени, как говорил мой Дед. Маг племени Чоков, которые селились когда-то по берегам Северных морей, полосы рек, приближённых к Ледовитому океану. Сейчас это затерянная деревня Средней полосы России 20 века. Никто никогда о ней не слышал, а тем более не видел. Но это истинная правда, ведь она существовала! Даже после её затопления силами Магии Чоков.Вот почему я здесь. Родителей у меня нет. Родных и близких тоже. Я последний наследник Чоков, хранитель их тайных знаний, их магии и образа жизни. Я - принц крови их внутреннего рода. Когда Деду пришло время возвращаться к святыням вечного очага, он запретил мне сопровождать его, наставляя на долгую дорогу среди людей.

Мой Дед был для меня старшим мастером, и ослушаться его равнозначило для меня проклясть себя из рода в род. Он наставил меня на путь истинный,

вооружил картой и талисманом (малахитовым кольцом кусающей себя за хвост змеи размером с перстень), который я не преминул повесить на шею, прикрутив предварительно к тонкой бечёвке. Дед объяснил мне, как добраться до «СПЛ», и дал в руки сопроводительную грамоту - небольшой обрывок древесной коры с парой магических знаков. Потом я помог ему открыть плотину, перегораживавшую выход подземным водам и деревню затопило. Дед остался там. Больше жертв не было, потому что в деревне кроме нас с ним вот уже 20 лет никто не жил. Так закончилась последняя фаза моего посвящения в магию Чоков. Поэтому вместе со мной, если б я не передал это удивительное искусство древних дальше поколениям, оно сгинуло бы окончательно.

-Грёбаная жизнь!- опять закричал высоким фальцетом с виду довольно кряжистый, как ствол векового дуба, наш кормчий - надсмотрщик вступающих на путь защитников и продолжателей традиций «СПЛ». Кое- кто не успевал вовремя заправиться, подпоясаться тонким кожаным ремешком, и поэтому получал по плечам расслоённой в несколько концов плёточкой в руках кормчего. Кстати сказать, я не всегда понимал, зачем кормчий использует такие широкие движения для замаха, когда мне потребовалось бы всего лишь молниеносный взмах кистью, чтобы выполнить ту же самую несложную «работу», хотя Дед научил меня избегать ударов как таковых простым исчезновением из-под контроля противника. Поэтому пару раз, когда я, по мнению кормчего, допускал ошибку, и его плёточка свистела в мою сторону, она никогда не достигала цели, и только лёгкий хлопок о мою ладонь оставлял окружающих в полном убеждении, что это не так. Итак, суть доктрины религии «СПЛ»: МИР, то есть то, что нас окружает и во что мы верим как в действительность, на самом деле, лишь кусочки нашего воображения. И у каждого свой кусочек. В целом все кусочки - это и есть мир. Просто? Да не совсем. Ведь если кто-то решит свой кусочек поставить под иным углом к другим кусочкам, он может запросто обрезать и свои края и края окружающих его миров. А это грозит всемирной катастрофой. Но так как кусочков много и они в постоянном движении, то все края давным-давно уже пообсыпались, истёрлись. И поэтому кусочки крутятся как бы в безвоздушном пространстве, не задевая друг друга. Так вот, нарастить края и закрепить каждого в отведённой ему изначально нише – суть психологии религии «СПЛ». Закон превыше всего. А закон – это строго отведённое для каждого место и чёткая функция в общей картине мира. Любое нарушение дисциплины Тем или иным образом карается. Хотя в основе основ этой религии, как и любой другой, лежит, по утверждению администрации «СПЛ», любовь ко всему живому.

А почему «Первые Лица»? Опять всё просто и не просто в то же время. Все люди на Земле – Первые Лица по отношению ко всему живому. Но людей надо организовать, чтобы они вспомнили о своей ответственности. И для этого нужна крутая дисциплина и определённый Закон, в который посвящены лишь принадлежащие к сообществу. Другие же все считаются ворами, то есть обворовывающими самих себя на путях обычной серой жизни. Воров ловят и приговаривают к несению наказания. Несение наказания – это как раз программа подготовки к вступлению в «СПЛ», где человек вновь осознаёт свою функцию и учится быть полезным в собственной нише – дупле сообщества.

Оговорюсь, что по убеждениям Чоков, Мастеров моего племени, выверенным на опыте, все люди уже совершенны в своём корне и единственно, что требуется – не мешать этому совершенству проявлять себя в цветении и росте. Я, как молодой Мастер – Чок, подтверждаю это всем сердцем и каждой ладонью

(знак приятия и поклонения божественному источнику жизни). Кстати, Чок – это звук лопающегося плода, в изобилии дарящего с благодарностью свои соки природе – матери, и настоящий Чок тот, кто научился изливать (дарить) свои внутренние соки (индивидуальную энергию) людям, дабы слиться с ними в единстве общего акта созидания.

-Грёбаная жизнь!

-Мы приветствуем тебя!

Мы, новобранцы, стояли с наголо выбритыми головами в две шеренги и орали, что было мочи как заведённые. Я вообще не люблю шум. Дед всегда говорил: «Где шум – там неправда». Поскольку я не помню родителей, Дед для меня единственный символ человека, достигшего запредельного мастерства во всём, что касается жизни и её проявлений. Если я говорю «Дед», то не заблуждайтесь на этот счёт. Это не родич – развалина, который лишь доживает свой век и которому поклоняются только в меру лживого уважения к дряхлости и старости. Я поклоняюсь Мастерству в любом его проявлении. А мастерство жизни – самое большое искусство. Этому пониманию опять же меня научил Дед. Вот откуда берутся корни моего уважения. Старость и лицемерное уважение здесь ни при чём. Дряхлость и узость мышления я ненавижу больше всего в жизни. Дед никогда не был ни старым, ни дряхлым. В свои 102 года он ушёл в «Храм Тайны» как рыцарь, а не как калека…

Мои размышления оборвало лёгкое движение энергии внизу около моей пятки. И хотя размышления никогда полностью не выключают моего внимания, но здесь я ностальгировал, а поэтому уловил это движение чуть позже долей секунды, чем обычно. Кто-то из новобранцев решил подбить мою пятку во время движения. Видимо, звук щелчка плёточки, всегда стучавший сильнее о мою ладонь, чем о плечи других новобранцев, приводил к ложному заключению о моей полной несостоятельности . А я и не собирался никого разубеждать в этом. Мне было абсолютно здорово, как Чоку, наслаждаться внутренним совершенством в образе этакого долговязого неповоротливого шмеля, который постоянно путается в листьях травы. Среди Чоков это означало: быть внешне уязвимым, наслаждаясь мёдом внутри себя.

Сзади кто-то вскрикнул. Это недалёкий жук-носорог, вообразивший себя быстрой белкой, вместо моей пятки, заблаговременно убранной из-под его подсечки, угодил в голень рядом идущего, заодно подхлестнув и свою собственную. Началась всеобщая свалка. Плёточка кормчего мухой летала над головами новобранцев, копошащихся в общей куче. Мне пришлось присесть в стороне в позу срубленного пенька (ноги, согнутые перед собой в коленях) и созерцать эту кучу-малу.

Когда всех построили заново, я уже занял обычное своё место в строю, совсем как ни в чём не бывало. Завтрака, на который направлялась наша группа, мы были лишены все. Для меня не составляло особого труда «избегать пищи» неделю-две, месяц, два месяца. Но мне искренне было жаль других. Их лица прямо-таки зверски выражали состояние душераздирающего голода, а взгляды напоминали состояние скрюченных жучков-короедов, которых бросили в ямку с водой. Короеды обычно корчатся в воде и тонут, от чего желудки их всё равно остаются пустыми.

Кормчий отправил всех рыть ямы под новый забор, а сам вернулся в жилой «загон», якобы по делам администрации. Но я подозревал, а тренированные чувства никогда не обманывают: он просто пошёл набить мешочек своего

желудка чем-нибудь удобоваримым. Я привык также лакомиться корой с деревьев или соком трав в поле, но решил не привлекать ничьего внимания подобной экзотикой. Вместе со всеми пришлось копать мать-Землю. Хотя меня немножко покоробило без просьбы у Земли прощения беспокоить её грудь обрубком с железкой на конце, который все называли почему-то «лопатой». Я бы лучше назвал это «корябалкой по живому». Обидно, когда на твоих глазах другие, да и ты сам причиняют боль ни в чём не повинному живому существу, а тем более собственной маме-земле. По опыту Чоков с Землёй можно общаться-разговаривать, целовать, гладить ладонями её шероховатую поверхность-кожу, переносить на необходимые ей места дождевых червей-санитаров, которые буравят для неё дыхательные ходы.

Обед прошёл достаточно быстро. Состоял из качественной калорийной пищи, которая, честно говоря, мне не нравилась. Дед приучил меня больше подпитываться от самой среды обитания, а не от продуктов взаимодействия с нею. Другими словами, вместо того, чтобы жевать 20 минут клетчатку какого-нибудь овоща или, ещё хуже, зажаренную часть какого-нибудь собрата-животного, я лучше бы просидел эти 20 минут в «подкачке» от энергий отца-Солнца и мамы-Земли. Ты просто сидишь в позе срубленного пенька и позволяешь вибрациям нужных твоему телу излучений подпитывать твою сущность. В конце процесса ты благодаришь природу за предоставленный тебе ею сок вселенной. Поднимаешься из позы и блаженно-счастливый идёшь тренировать другие функции вверенного тебе Небесной Сущностью организма. Тело постоянно должно быть в форме!!!

А тут вместе с другими я сидел и как жвачное животное вынужден был перемалывать крахмалистый картофель на воде и бедную зажаренную курицу. Но Дед строго-настрого наказал мне подчиняться тому уставу, под действие которого я попаду в новом месте своего обитания. А все свои «хочу» и «не хочу» запрятать глубоко под Землю. Между прочим, ночью, на второй день своего пребывания здесь, я быстренько вырыл метровую ямку недалеко от нашего жилища-загона и по ритуалу Чоков запрятал свои «хочу» и «не хочу» на самое её дно. Потом быстренько же закопал ямку, произнёс молитвы-заклинания и пошёл спать.

Дело в том, что если бы я не сделал всего этого, мне было бы тяжело сопротивляться желанию перестроить тут всё по-Чоковски на свой лад. Но мир не переделаешь, если он сам того не хочет, как говаривал Дед. А я и не собирался никому здесь навязывать своё глубоко внутреннее блаженство.

После обеда произошли небольшие «сборы». Сборы, по терминологии Ордена, это всего лишь общее построение как по линейке, человек рядом с человеком. Только я, опять же, не понимал – зачем для того, чтобы объяснить человеку, например, то, что он должен быть дисциплинированным, ходить перед строем и орать на всех как резаная свинка. Достаточно, по-моему, сказать один раз свое мнение и уйти в сторонку, особенно, если тебя никто не слушает, или делает вид, что слушает. А это, по-моему, гораздо хуже.

На сборах представитель администрации объявил нам, что наступает время податей. Чтобы осуществить «подати», надо идти в ближайшие места поселения людей (в которых лично я еще никогда не был) и зачем-то просить какие-то монеты, о которых я тоже ничего пока не слышал. Правда, дед мне рассказывал, что существует среди непосвященных людей представление о том, какими средствами регулируются всеобщие взаимоотношения. По представлениям

непосвященных, они регулируются не энергиями любви и взаимопонимания, а наборами бумажных и металлических штуковин, которые называются деньгами.

Когда первый раз этот мусор попал мне в руки, я испытал болезненное ощущение какой-то липкой вязкости, не дающей рукам свободно дышать всеми своими порами. Вязкости было много, потому что и денег было много. Ведь все мои желания имели способность притягивать объекты этих желаний, даже если интенсивность этих желаний была невысокой.

Представитель администрации, по терминологии Ордена – СЛ (состоятельное лицо) потребовал, чтобы мы на податях во имя правды и справедливости просили у жителей деревни средств на восстановление какого-то храма, чего я до сих пор никак не могу понять по-настоящему. Если сосуд жизни или Бога живого (как кому больше нравится), каким является сам человек, уже наполнен существованием до краев, то для чего создавать какие-то храмы, где, якобы, нужно молиться этому наполнению. Если человек понимает жизнь, то и молитва его постоянна. А если он слеп, глух и закрыт для восприятий окружающего его мира, то тут не поможет не только храм, но и колокол около его уха, который оглушает его еще больше.

Итак, нам сказали «подати» - значит, «подати». Хотя внутренне я слегка начинал спорить с Дедом, выражать свое недовольство. С какой стати я должен выполнять предписания, которые мне кто-то механически пытается навязать?

Но дед сказал, что если с чем-то я буду не согласен, то я должен на время затаиться и дождаться Главу Первых Лиц – Белого Мага. А уж с ним-то, передав бересту, выяснить все свои проблемы. Дело в том, что когда-то они часто встречались с Дедом и были большими друзьями, и даже единомышленниками. И хотя прошло столько времени, Дед надеялся на то, что я, при поддержке Белого Мага, получу необходимый навык для служения идеалам будущей цивилизации. Другими словами, Дед надеялся, что я верой и правдой, основываясь на глубинном знании Чоков, смогу послужить на путях этой религии, так как официальные государственные учреждения не внушали Деду ни малейшего доверия своим полным и повсеместным отступничеством от всех и всяких человеческих норм.

-Молодец! – Кормчий вызвал меня из строя и похлопал по плечу.

-Вот этот новобранец, - обратился кормчий к другим, - сегодня принес в наш Орден самую большую подать за всю историю… Это говорит о том, что он старался. Старался помочь Ордену, помочь себе стать побыстрее Первым Лицом в Сообществе Первых Лиц. Ведь лепта одного – богатство всех. Встать в строй, - обратился он ко мне, затем продолжил: Равняйтесь на него, новобранцы. Сегодня он это заслужил. Администрация надеется, что усердие всех возрастет при равнении на таких, как он. Ведь мы хотим всех вас видеть в Сообществе Первыми Лицами. Хватит воровства у самих себя! Вперед, в авангард человечества!

Когда я становился обратно в строй, мне нужно было протиснуться сквозь первую шеренгу. Правым глазом я уловил злобную ухмылку того парня, который пытался сделать мне подножку сегодня днем. Он шепнул верзиле, стоявшему рядом с ним, что-то нечленораздельное. Тот криво усмехнулся. Видимо, они уже подружились.

Дни текли своим чередом, густо насыщенные работой, «податями» и специальными штудиями. Штудии – это обучение новобранцев премудростям религии Ордена. Все сидят за столами по периметру вокруг Обучающего Лица

(ОЛа) и повторяют за ним хором афоризмы и постулаты. Это называется массовой терапией. Еще есть терапия муштры, терапия таинств, терапия чтения и другие, предназначенные для продвижения новобранцев по Лестнице Самосовершенствования. Нужно ходить строем, кричать хором, читать совместно, заучивать сообща для того, чтобы полностью, по убеждениям Ордена, отрешиться от своей индивидуальности, от внешнего ее слоя, и придти к ядру своего истинного предназначения. Все это довольно прилично шоркает по мозгам. Так я, когда-то в детстве, под присмотром Деда, отшлифовывал кору с деревьев, строя всевозможные флотилии маленьких и больших лодочек и ныряя за ними на любые расстояния. Для того, чтобы не терять мужества в процессе достижения цели, нужно ясно видеть цель, видеть объект, к которому стремишься, и очень сильно хотеть его достичь. Поэтому, когда я нырял в воду за лодочками, я мог сколь угодно долго задерживать дыхание и плыть за ними без устали. А тут «шлифовка мозгов» кроме утомления и отупения, по-моему, не приводила ни к чему. Правда, по моему интуитивному осмыслению, кое-кто из администрации, владея магией Ордена, сумел все-таки взять для себя много полезного. И сложными, по-видимому, упражнениями (сокровенной терапией) достигал определенных прозрений о жизни. Но все это было скрыто от новобранцев за семью печатями. Да и, по-моему, не составляло цели, к которой их старались привести.

Основная рабочая сила, идеальная по применению и использованию для целей Ордена машина – вот чем была для администрации, в основном, толпа новобранцев. Я это все видел, понимал, и мне было невмоготу.

-Вам дурят головы, - говорил я.— Вас заставляют батрачить ни за ради чего. Кроме еды и постели вы не получаете ровным счетом ничего больше. Где обещанный рост и самосовершенствование? Что такое ниша (наше жилище), как не казарма для рабов, которые беспрекословно подчиняются вышестоящей ступеньке администрации? Оглядитесь! Наши срубы, наш загон, обнесенный частоколом… Что это, как не ловушка для всех, кто сюда попал? Администрация живет в свое удовольствие, где-то за пределами загона. Ни вы, ни я, кроме Состоятельного Лица никого из ее членов не видели. А почему? Да потому что все они живут в нормальных условиях. У каждого есть свой дом, свое хозяйство. А что есть у вас? У меня? И сколько еще таких загонов, сколько таких одураченных новобранцев, готовых по первому зову на все, что угодно, во имя идей Ордена? Сообщество Первых Лиц – миф. А мы – сектанты…

Меня самого вдруг оглушила догадка, вырвавшаяся из моих уст как оформившаяся мысль.

-Да, мы армия на все готовых фанатиков, которых муштруют для совершенно непонятного им предназначения.

-Други! – вдруг заверещал все тот же злобный «подсекальщик». – Да что вы слушаете этого долговязого предателя? Он специально построил свою речь, чтобы настучать на каждого, кто пойдет за ним. Он сам – сектант. Он – предатель наших интересов и святого имени Ордена. Бей его!

-Остановитесь, вы сами не понимаете, что вы делаете, - попытался я облагоразумить вдруг сорвавшуюся на меня со всех сторон свору. Но все было тщетно. Я не стал сопротивляться. Хотя мог ускользнуть и навсегда исчезнуть из этой «свихнувшейся богадельни». Мне нужно было обязательно дождаться Белого Мага, о чьем приезде уже не раз упоминал кормчий. Я должен был, как завещал

Дед, дождаться его и поговорить с ним. Мне нужно было узнать его высочайшее мнение об Ордене.

А пока я сел в позу срубленного пенька и надел на себя маску камня, то есть сконцентрировал все свои ощущения и восприятия на глубочайшем уровне, до которого не могло бы дотянуться ни одно физическое явление. А уж тем более чьи-то жалкие и невразумительные удары и пинки. Через час я очнулся в бане, вернее, в ее нижнем отделении, использовавшемся иногда и как камера для «бунтовщиков». Мои биологические часы безупречно подсказали границы моей медитации во времени. Я висел, привязанный за руки и за ноги к потолку. Подо мной располагалась примерно в метр высотой огромная бочка с водой, в которую меня погружали время от времени.

-Ну что, дохляк,- сказал кормчий (а это был его голос),- почитай-ка, только не торопись, и мне свои извращенческие проповеди. А я послушаю их, оценю, может, и награжу тебя какой-нибудь пыткой поизощреннее, чем моя плеточка. До сего времени ты был лидером среди новобранцев. Так что можешь выбрать сам: или захлебнуться в этой вонючей жиже из отхожего места, или мы тебя просто закопаем живьем под землю, где тебя съедят большие жирные черви. Выбирай, крысенок, участь, которой ты сам себя удостоишь.

-Мне нужно поговорить с Белым Магом.

В подземелье расхохотались. Здесь было трое, включая кормчего. Другие двое были в капюшонах, я не мог разобрать ни их лиц, ни их голосов. По-моему, я никогда и не встречал этих людей, настолько они были незнакомы мне. Да и в нормальных условиях, среди обыкновенных людей, знакомство со мной не предвещало бы им ничего хорошего. Я бы просто-напросто остановил им сердце или выпустил лимфу из отверстий, которые предназначаются для другого. Но сейчас мне нужен был Белый Маг. Он и только он. И поэтому я повторил свою просьбу еще раз.

-Дни Белого Мага сочтены, идиот. Администрация отказывается от его услуг. Нам нужны расширенные действия по захвату новых территорий людей в новобранцы. А он – против. Его концепции высокой духовности обветшали. Он не справляется с управлением организацией. Для активных наступательных действий он не подходит. Ну, ты с ним увидишься, это не проблема. А пока ответь-ка вот на какой вопрос…

Я почувствовал, как тело мое опять погружают в затхлую стоячую воду в бочке… Ровно через сутки я валялся в углу этого же помещения, связанный по рукам и ногам. Члены моего тела затекли, но я усилием воли разогнал кровь по телу, учащая и учащая глубокое дыхание. Напротив меня сидел глубокий старец с белой длинной бородой, в черной сутане и в маленькой шапочке на лысой голове. Подпоясана сутана была тонкой бечевкой. Ноги старца были босы. Но, казалось, каменные плиты подземелья нисколько не вредят ему, его тихому безмятежному настроению. Какого-нибудь отверстия в подземелье не было, но от старца, казалось, исходил и лучился какой-то особый голубовато-лунный таинственный блеск.

«Какое странное, интересное биополе»,- подумал я про себя. Наверное, только постоянное медитативное сосредоточение на пульсе вселенной способно создавать такое жизнетворное свечение. Я тихо сказал: «Приветствую тебя, Белый Маг. Я приветствую тебя от своего имени, а более, от имени того, кого когда-то ты

называл самым близким и задушевным другом и единомышленником. Я приветствую тебя от имени Красного Мага – моего Деда».

Воцарилось молчание. Через полчаса голос возник как из небытия. Сам собой. Он лился ровно и приятно. Без колебаний. Без каких-либо мыслительных задержек. Ровно и приятно, как лунный холодный свет.

-Традиции потеряны. Религия умерла. Захватнические инстинкты овладели человечеством. Это зараза. Это чума. Это эпидемия… Человек перекрыл себе доступ к премудростям вселенной и Всего Сущего. Я пытался отговорить администрацию от стратегических планов захвата территорий и привлечения новых людей в Орден. Но меня никто не слушает. Им нужна власть. С технологиями подавления и управления психикой Орден опасен. Даже юродство фашизма, с которым некогда столкнулось человечество, представляется по сравнению с замыслами Ордена детским лепетом. Они создали подразделение особых фанатичных и универсальных бойцов. Для запугивания правительств и крупных финансистов, влиятельных в политике. Двадцатый век не знал подобной чумы. Двадцать первый век может стать печальным концом человечества, если не остановить Орден. Справиться с ним никому не по силам… Даже тебе. Дед передал в послании (Дед для тебя, а для меня Магистр и Брат), что ты универсален и неуязвим. Это хорошо. Но этого мало. Твой внутренний источник безмерен, но он закрыт для непосвященных. Открыть его может только любовь. Любовь к женщине. А ты в своей универсальности и самодостаточности не способен на это чувство. Это очень слабый уровень человеческой энергии. Эгоистичный, но способный, как искра, воспламенять могучий потенциал в каждом из нас, людей. Иди в мир и ищи. Попробуй стать человеком среди простых людей. Хотя это и невозможно, забудь на время, кто ты есть. И тогда сердце приведёт тебя к Истине. Не трогай пока никого. Пусть кормчий и все остальные думают, что ты просто свихнувшийся на идеях духовности новобранец. Я отключу на время твоё тело и твоё сознание от внешних коммуникаций. Ты заснешь в летаргии ровно на три дня. Когда очнешься, приготовься долго плыть или долго выкарабкиваться из-под земли, если они решат закопать тебя на съедение червям или утопить. Но ты все равно выживешь. Ты достиг верховной ступени Чоков. А эта божественная сила добра бессмертна. Ты управляешь любым телом, в которое входит твой голографический микроуниверсум. У людей это называется лептонная душа. Запомни, главное звено расположено у Ордена за границей. Где-то в Америке. В катакомбах одного из городов, где один из кланов наркобизнеса хранит свои чудовищные запасы белой смерти. Но если ты уничтожишь их главный финансовый источник, ты уничтожишь главную гидру корпоративной зависимости мафии и Ордена друг от друга. Да, это так, мой сын. Не удивляйся. Орден решил покорить весь мир, а если он не приберет к рукам изначально весь нарко- и игровой бизнес, всю клановую мафию, ему будет крайне сложно контролировать внешнюю цивилизацию. И старайся как можно меньше убивать. Помни, забирая жизнь, ты провоцируешь рассеивание пчел из общего улья жизни. Магия – это корень жизни. Будь Магом, который созидает новую жизнь, потому что Маг, который разрушает жизнь, разрушает и себя, и цивилизацию. А теперь, прощай.

Я не успел ничего подумать, как молниеносным движением, абсолютно опережающим мою реакцию, старец выключил мое сознание.

Летняя Москва потрясающе хороша. Идешь ли утренними улицами, останавливаешься ли у многочисленных церквей, с золотом солнц, отражающимся в них, или просто гуляешь в разбросанных там и сям парках и зеленых дворах,- чувствуешь – бесконечно хороша Москва летом! Много, правда, милиции, на каждом шагу. Шныряют, подозрительные такие, как воробьи, зарабатывающие себе на подкормку. То здесь, то там мельтешат своей однотипной униформой. Что ГАИ, что патрульные – одного цвета.

Но ничто не портит Москву. Ничто ее, красавицу, не унизит, даже милиция. Слава ее, как сердца России, не затмится во веки веков.

Людей, которые вышли ранним утром на работу, в обыкновенную среду обыкновенной июньской недели, видимо, слегка обескураживал мой внешний вид. Да и кого не удивит длинный черный балахон, монашеские берестяные сандалии и бечева вокруг пояса. В придачу к длинным спутанным волосам, венчающим долговязую, не от мира сего, чудаковатую фигуру.

Мне нужно было найти один из приютных домов Ордена, о которых я слышал еще там, в «загоне для новобранцев». Через них я хотел выйти на главное звено управленческой структуры, узнать адрес подземных хранилищ, о которых мне говорил Белый Маг.

-Молодой человек. Старший сержант милиции Дурында.— Козырнул низенький плотный человечек в странной мешковатой форме синего цвета.

-Па-апрашу документы,- протянул он в мою сторону руку.

Сонная неуклюжая фигура такого же цвета и покроя не без иронии разглядывала меня с ног до головы.

-Извините, что это такое?— сказал я, не моргнув глазом.

Поскольку береста предназначалась только одному человеку, и он ее получил, то ни о каких других верительных грамотах не могло быть и речи. Я в них не нуждался.

-Ты что, придурок, издеваешься?— злобно протянул длинный и приблизил к моему уху свой слюнявый рот. Причем изо рта его пахло такой гадостью, что мне стоило больших усилий не чихать и не кашлять. Я отступил на шаг назад. И повторил:

-Не понимаю, о чем вы говорите.

Один из них, то бишь маленький толстяк, грозно забурчал в висевшую у него на поясе «дощечку», напоминающую четырехугольную хлопушку для игры в русскую лапту:

-У нас подозрительный тип. Срочно прошу машину. Тринадцатый, как слышите меня? Тринадцатый…

Другой же угрожающе потянулся к палке из материала, напоминавшего тугую ветку клена, и заговорил язвительным полушепотом:

-Дернешься, я тебя урою. Слышишь, ты? Шут гороховый.

Я решил не «обижаться» и согласно кивнул. Потом сел в позу срубленного пенька и прикрыл глаза для медитации. Но тут же получил подобие пинка в правое плечо. Потому что слегка отстранил его назад, даже не открывая глаз, почувствовав лишь слабое движение воздуха возле своего плеча. Тем более, что удар был слабый, не отработанный, больше напоминавший движение сонной кобылы, вздрагивающей ночью в конюшне. Хотя, естественно, удар лошади в несколько сот раз превышает толчок любого неотесанного увальня, тем более такого рыхлого, как этот. В общем, пришлось встать…

Подъехала машина. Машина – это такая телега на четырех резиновых кругах, самодвижущаяся каким-то странным образом и закрытая со всех сторон железом. Правда, из нее можно выглядывать в отверстия, которые сделаны из прозрачного материала. Я до сих пор не понимаю, почему люди отдают всю свою силу подобным устройствам. Не уделяющие своей физике практически никакого внимания, люди превратили себя в набор костей и сухожилий, в так называемый мешок человеческого тела. Они пьют странные напитки, укорачивающие и без того короткую бессмысленную жизнь. Вдыхают дым от таких устройств, добавляя к этому удивительно вонючий запах из маленьких белых палочек. В общем, весь набор для деградации они изобретательно применяют к себе ежедневно. И после этого ходят вразвалку, как эти две пародии на человеческие существа, и подобные им, в логово которых меня и повезли.

Дед говаривал мне, что в больших сообществах людей существуют поверхностные, извлеченные механической памятью из законов природы, так называемые правила человеческие. Чем больше таких правил, тем меньше люди им подчиняются… Но Дед предостерегал меня от формального неповиновения таковым. Поскольку это делает человека уязвимым для глупости тех, в окружении которых он оказывается время от времени.

Меня привели в какое-то помещеньице, слегка напоминавшее подземелье в загоне Ордена. И тут произошли вдруг неожиданные вещи, объяснение которым я не могу найти до сих пор. Вкрадчивым голосом человек одетый несколько иначе, чем остальные (в серые брюки и в серую накидку с рукавами, в прорези на груди которой выглядывал белый лоскут ткани, зачем-то завешанный, к тому же перекрученной на горле полоской другой ткани. Впоследствии и мне пришлось одеваться в эту смехотворную робу…) предложил мне сесть. И мне любезно предложили стул. Но как только я начал сгибать колени, чтобы сесть, стул, как бы случайно, выскочил из-под моих ног, хотя, конечно, я не собирался падать и, естественно, не упал. Я просто остался в позе «скачущего по горам», к тому же я очень любил эту позицию в тренировках с Дедом. Но люди вокруг так и не успокоились.

-Ах, ты еще и выёбываешься, падла?! А документов все равно нет?!— люди в одежде синего цвета, похожие на разъяренных гусениц-сороконожек (так бойко замахали они всеми своими конечностями), набросились на одного, не разделяющего их злорадства, меня. Но мне это давно уже не нравилось, и я решил побыстрее закончить партию в навязанной мне игре. Хотя я ничего ровным счетом не испытывал к этим людям, а уж тем более ярости, с которой они принялись мутузить друг друга. Конечно же, как я понял, все удары предназначались мне. И понял я, видимо, правильно. Потому что они были очень удивлены, что мишень исчезла. И, корчась от боли и неожиданности, они замерли через несколько секунд в позах, оправданных для них в этот момент. Но, увидев меня в метре от «поля сражения», они с какими-то истеричными масками на лицах кинулись опять на меня, как воробьи на кормушку, или, скорее, вороны. Но предоставить удовольствие каким-то образом повредить моему телу, я не мог. А они, видимо, этого очень хотели. А так как, действительно, движение равно противодвижению, я всем им это показал в доли секунды, отключив каждого поочередно. Установив их биологические часы к включению примерно через шестую долю часа.

Потом я переоделся в одеяние странного человечка с вкрадчивым голосом, который был настигнут мною при попытке к бегству с места брани его «верных»

содругов. И поскольку он проявил себя так опрометчиво, я бы с удовольствием не включал его часов вообще. Настолько коварным и никчемным казалось мне его существование. Но поскольку жизнь сама разбирается с подобным хламом, я просто довел норму до часа. А потом спокойно вышел. Тем же путем, которым меня провели сюда. Перед моими глазами все еще стоял этот, с вкрадчивым голосом, который вдруг, пойманный у двери, заверещал трескучим фальцетом:

-Не убивай меня, не убивай!.. Я по службе обязан… не своею волей… заставили обстоятельства… Отслужу верой и правдой… Только не убивай… Сам выведу на кого нужно…

Я, естественно, ничего не понял из его ушераздирающего писка, но гримаса на его лице мне все равно не понравилась. И час летаргии для него, по-моему, сущий подарок. Я быстренько стер в своей памяти этот верещащий бестолковый образ и скорым шагом пошел на выход. Подходя к двери, я услышал удивленный вскрик:

-А где разрешение, молодой человек? Вы подписали у следователя разрешение на выход?— еще один «синенький» поспешил навстречу ко мне, вернее, к своей кратковременной коме.

Короче, мне надо было спешить. Балахон сидел на мне на удивление удобно. Свое же одеяние я нес под правой подмышкой. Больше, похоже, препятствий на пути не предвиделось. А я так и не узнал адрес ближайшего пристанища Ордена, вынужден был ориентироваться на собственную интуицию.

Павел Семенович Стрибог, довольно солидный адвокат, уважаемый в своей среде человек, с почитаемым всеми талантом выигрывать самые запутанные дела, встал сегодня рано. Сел на кровати, потянулся.

Странно. Сон как рукой сняло. Такого с ним не было давненько. С того самого злополучного дела, когда навороченный «новый русский» Егоров добился-таки с его и божьей помощью закрытия возбужденного против него уголовного дела.

Кстати сказать, подобная категория людей уважала Павла Семеновича, подбрасывая то или иное пикантное дельце. Денег в таком случае не жалели. Двухэтажная, хорошо обставленная во всех пяти комнатах квартира, постоянно обновлялась за счет щедрых вливаний клиентов. Адвокат любил мебель. Любил всевозможные «прибабахи» современного модерна, ампира и рококо, хотя и разбирался во всех этих направлениях слабовато. И поэтому квартирка, честно сказать, была излишне захламлена этой доброкачественной утварью.

Он просунул плотные, с выступающими то там, то сям синими жилками, ноги в уютные домашние туфли. Туфли имели форму бульдожьей морды с торчащими бархатистыми ушками на них. Было шесть часов утра. Ему не спалось. Хотя устал он изрядно вчера и лег поздно. Ему не давала покоя мысль, вот уже второй месяц беспрестанно возникавшая перед его внутренним взором. С тех пор как он вплотную связался с этой братией, называвшей себя мудрено и высокопарно «Сообщество Первых Лиц», сон для него перестал быть любимым и заслуженным занятием. Эти люди, по всей видимости, шутить не любили. Их поставки во все страны мира исчислялись миллиардами долларов. Но ни одна таможенная служба, ни один серьезный чиновник из налоговой полиции не смогли бы точно и членораздельно обозначить способы транспортировки всех грузов этого клана. Нет, конечно, зафрахтовывались судна воздушных, морских путей сообщения, заполнялись международные декларации на перевозку и

переброску некоторого числа материалов, книг, инструментов и электронной техники…

Но по факту чудесным образом выходило: во-первых, с определенного склада, в определенном месте исчезали целые партии того или иного груза, и по документам абсолютно корректно переправлялись туда, где, к сожалению, его не оказывалось; во-вторых, Интерпол, сбившийся с ног в поисках организации, вот уже в течение длительного времени переправлявшей в Америку крупные партии наркотиков, выяснил, наконец, для себя, что данный криминальный продукт исчезал в тот самый момент из-под носа полиции, когда его брали на месте преступления. Эти данные довольно туманно связывались с действиями крупного наркодельческого клана, который под разными названиями вот уже с десяток лет орудовал по всему миру. Между тем Павел Семенович, вынужденный заниматься по предложению все того же «Сообщества Первых Лиц» их бесконечными дрязгами с налоговой полицией и ведомственными учреждениями, пришел к выводу, что все: данные, факты, материалы,- по двум глобальным пунктам, которые он для себя обозначил как пункты Х, - сходились для него в системе действий этой самой организации. И это ему не давало покоя.

Он поднялся во весь рост. Запахнул халат, любимый свой с желтыми розами махровый халат, и зашаркал на кухню. Отрезал кусок черного хлеба, ноздреватого, с кислинкой, его любимого кирпичиком хлеба. Достал из холодильника банку с красной икрой и густо намазал крупные зерна в тягучей кашице на отрезанный им кусок. Уставился невидящими глазами в расцветающее утро за окном и медленно стал жевать, думая, думая, думая. Честно говоря, он просто трусил. Он представлял, примерно, куда его могли завести подобные отношения с этой серьезной организацией. Но гонорары были не хилые. Деньги платились исправно. И он уверил себя в конце концов в непреложности своих профессиональных отношений с группой «Сообщество Первых Лиц».

Мысленно поставив тяжелую точку в своих размышлениях, Павел Семенович грузно протопал обратно в спальню. Недолго думая, скинув халат и потянувшись, он расслабленно плюхнулся в широкую холостяцкую кровать и, наконец-то, задремал.

Крошки на кухонном столе, за которым он ел, торопливо и по-хозяйски обнюхивал в этот момент большой рыжий таракан. Деловито пошевелив усиками и перебежав к красной капельке икры неподалеку, он ненадолго задержался над ней и потом уже только зашустрил вниз по ножке крепкого дубового столика.

Здание одиноко возвышалось среди крохотных деревенских избушек с покосившимися и облупившимися ставнями, воротами и заборами. Казалось, лишь слегка шагни за них, и очутишься у его кирпичных выщербленных стен. Но не тут-то было. Выйдя за околицу, требовалось еще долго шагать по размытой, в глубоких колеях, поселковой дороге, прежде чем вы дотащились бы за пару-тройку километров до него. Этажей было двенадцать. Здание совершенно причудливо смотрелось странным вытянутым остовом среди окаймлявших его лесных массивов и мелких речушек. В прудах квакали беззаботные лягушки. В запущенном саду близ него гомонили неустанные птахи. А внутри, казалось, жизнь замерла. Без малейшего движения. Но это, конечно, было не так.

Молодые и не очень, кряжистые, плотные и сухие, подтянутые, лысые и с шевелюрами,- разнокалиберные люди мужского пола сновали туда и сюда по первым двум и подвальному этажам. Быстро и без задержек составляли какие-то

ящики в ровные вереницы рядов. Ящиками были заполнены уже и подвал, и больше половины первого этажа, а их все прибывало и прибывало немерено. Способствовали этому небольшие новенькие компактные грузовички, подвозившие эти ящики почти вплотную ко входу внутри здания. Разгорячённые лица людей говорили о том, что работа шла уже не первый час. Хотя утро вот-вот лишь только занималось (было не более 6-7 часов), как я уже мог это видеть, но пробраться пока внутрь не имелось возможности. Конечно, используя всесильную Магию Чоков, пробраться незамеченным не составило бы особого труда, но сам процесс привлечения Магических Сил к столь незначительному мероприятию, был бы просто кощунственным несоблюдением доверенных мне Дедом тайн.

Я прождал еще, по меньшей мере, полтора часа, прежде чем направиться на разведку. Простое разнюхивание «по-собачьи» меня бы, конечно, не удовлетворило. Я страстно желал сходу проникнуть в природу всех совершаемых в этой организации мероприятий. Я понял, что так просто решить эту задачу будет непосильным бременем, если я сразу не определю для себя, чего мне больше всего на первом этапе нужно. Конечно же, пробраться к верхушке организации окольными путями практически не светило, как выразился бы, наверное, Дед. А действовать напрямую, как таран, было неразумно и сразу же бы открыло все мои карты. Но очевидно – схватки не избежать. Схватки, которая напрямую бы решила судьбу цивилизации, во всяком случае, на теперешнем витке.

Разгрузка закончилась примерно через два часа моих томительных ожиданий. Люди, участвовавшие в ней, ушли на верхние этажи. У них, видимо, совершалось какое-то построение или общий сбор. Потому что отдаленно я услышал гулкое эхо голосов:

-Жизнь!.. Жизнь!.. Жизнь!..

«Я приветствую тебя»,- вспомнил я вдруг недавнее прошлое с этими шустрыми ребятами и невольно усмехнулся. Да, поприветствовать кого бы то ни было в этот ранний час здесь мне бы совсем не хотелось. И между тем… Между тем я тихо, по-кошачьи, передвигаясь приставными шагами проследовал мимо штабелями наставленных ящиков, которые стояли по всему периметру стен, словно грозное предупреждение о неминуемом забвении для каждого, кто решится сюда придти.

-Эй, землячок! – Я наверняка ожидал присутствия здесь людей, которые должны были бы охранять ящики. Но все же голос слегка застал меня врасплох. Хотя донельзя обостренные чувства, конечно же, информировали меня обо всем происходящем. Я понимал, что попасться здесь кому-нибудь на глаза значило откровенно заявить о неправомерном вторжении, то есть «засветиться».

Между тем две коренастые темные в неярком свете подвальных фонарей фигуры направились мне навстречу. Я очень быстро осознал, что так просто меня отсюда никто не выпустит. Быстро осознал и приготовился к любому разрешению этой щекотливой ситуации. Вплоть до того, чтобы разрешить ее силой. Я был абсолютно готов принять во всеоружии любую тактику, предложенную мне охраной. И поэтому, когда завязалась явная потасовка, я, не медля ни секунды, отвечал адекватно в нужном стиле. Мне и позже, конечно, приходилось потом попадать в такие обстоятельства. Но то, что пришлось испытать здесь, было для меня совершенно неприятной неожиданностью.

Люди слабо тренированы по двум причинам: тела косны и ленивы, а также цивилизация больше чем наполовину выхолостила в человечестве здоровый инстинкт. И поэтому мне, по выражению Деда, выросшему на цветочном меду

Чоков, было привычным постоянно свое тело занимать тем или иным упражнением, зарядкой. Людей, попадавшихся на моем пути, если их намерения полностью противоречили моим и пытались их ликвидировать, я просто без зазрения совести устранял самым предельным образом. Даже когда моей жизни в будущем угрожала опасность от сотен и сотен рук и ног разъяренных боевиков «Сообщества Первых Лиц», я все равно вышел из этого месива с достоинством неприкасаемого одиночки. Но это в будущем.

А сейчас на моем пути возникла угроза со стороны действительно хорошо натренированных бойцов.

-Здесь нельзя ходить, землячок. Здесь чужая территория. – Протяжно заговорил один из двух людей, одетых в черную униформу и с резиновыми дубинками в руках.

Я хотел было ответить, что действительно случайно забрел на эту «чужую» территорию, но молниеносный удар просвистел совсем рядом от виска. Так как не менее молниеносный инстинкт, выработанный в рукопашных с Дедом, убрал мою голову от смертельного, уверяю, удара. Двое действовали слаженно, как автомат. Норовили достать почки и горло, ударить по глазам или переломать суставы.

Сначала я почти не сопротивлялся и только убирал части тела от угрожающей близости дубинок. Но потом понял, что «люди в черном» не только агрессивны, но и профессионально обучены до артистизма, и мне не оставалось выбора, как только их ликвидировать. Поскольку они бы не остановились, пока сами не добились того же по отношению ко мне.

Через пару минут уверток и прыжков я буквально высадил орудия смерти из их рук и заставил их поменять тактику на чисто рукопашную. К моему, до уважения доходящему удивлению, примешалось и чувство досады. Ведь эти бугаи по-настоящему владели искусством обороны, а мне придется отнять его у их владельцев навсегда. Хотя, признаюсь, это и было нелегкой задачей.

Один из них уже пару раз хватал мои руки в железный зажим. Я не мог не отметить, что это были первоклассные захваты. Даже Дед, умевший за секунду производить семь-восемь таковых, удовлетворился бы их цепкостью и молниеносностью, хотя за секунду их производилось примерно по два. Я, конечно, выкручивал руки и ноги в суставах, расширял меридианы энергетических потоков и стабилизировал мембраны клеток, но все равно выпады этих парней были довольно болезненны.

Хук слева – я крутанулся под рукой, ответил с поворота ударом пяткой в челюсть. Парень свалился на землю, и тут же подъем разгибом поставил его на ноги. Но тоненькая струйка крови все-таки обозначила шрам на его подбородке. Правый боковой удар ногой, и я вынужден делать кувырок по диагонали за спину противника. Наконец наступил решающий момент в нашей битве. Правая рука одного летит мне прямо в переносицу, и я налету успеваю сломать ее в локтевом суставе. Правая нога другого делает мне «зверскую» подсечку, я подпрыгиваю и двумя ногами ломаю ему ступню. И… атака лишь ужесточается. Бойцы настолько неприхотливы, что даже оставляют без внимания свои ранения и продолжают бой. Тогда я вцепляюсь в горловые вены одного из противников и рву их в разные стороны, отчего тот с клокочущей в горле кровью замертво падает на цементный пол. Другой же, висящий у меня на шее, пытается, что есть мочи, задушить болевым приемом. Но я соскальзываю, как мешок, вниз из его «мертвых» объятий, и моя рука-копье пробивает его мошонку. Второй труп укладывается рядом с первым трупом.

Я нахожу обрывок какой-то материи, быстренько затираю кровь на полу и оттаскиваю убитых в самый дальний темный угол. Потом начинаю энергично, но тщательно обследовать горы ящиков, возвышающиеся по обе стороны от меня и хранящие (я чувствую, что хранящие) какую-то ключевую тайну своего пребывания здесь. Приходится принюхиваться как собаке, с шумом втягивая воздух влажными от пота ноздрями и пытаясь сконцентрироваться на мысли, что может быть во всем этом самого необычного.

Ящики молчаливы. Запахи довольно смутные и размытые, поскольку сырость в подвале большая. Но мне нужно абсолютно точно знать, что же находится в каждом ящике. Я в течение вот уже целого часа принюхиваюсь к каждому из них, желая распознать чужеродный оттенок в запахах. И, кажется, наконец, мне это удается. Снимаю один ящик, за ним другой… А вот и тот, что вызвал у меня наибольшие подозрения. Протискиваю два пальца, вымазанные в густой крови нападавших, под доски и отрываю одну за другой грубо приколоченные деревяшки. Снимаю плотный слой бумаги, которая обертывает содержимое. С бумагой покончено. Теперь слой ваты. Так и есть! Аккуратные целлофановые мешочки плотно притиснуты один к другому. Беру и вскрываю один из них. Рассыпчатая вязкая масса на вкус – сильно действующий наркотический порошок. Это я безошибочно определяю, сравнивая его вкус со вкусом порошков, которые меня научил производить Дед.

Значит, старый Маг говорил правду – «Сообщество Первых Лиц» вплотную занимается незаконными манипуляциями с наркотиками. Значит, существует и «теневая» бухгалтерия: счета, приходы, расходы, цифры крупных валютных операций… Разобрать все это по косточкам, на мелкие составляющие, чтобы рассыпать всю систему в труху, непосильная задача для миллионов валютных «хакеров». И один злополучный Чок, забравшийся в болото этих антиэтичных деловых операций, не может повернуть вспять всю их сложную мешанину-механику. Да и не к чему. Достаточно все-таки найти и «обезглавить» узловые моменты этой хитрой машинерии, то есть людей, стоящих во главе транспортировки и распределения этого губительного вещества.

Наверху послышалось какое-то движение. Пора сматываться. Людей обязательно начнут искать. И тогда обнаружат меня. А подставлять себя у самого порога одного большого запутанного, еще по-настоящему не начатого дела,- провалить все изначально. И тогда магия Чоков и стоящая за ней цивилизация добра третьего измерения останется бесполезным придатком неудавшихся перспектив. Надо было уходить.

Дик Кларк производил впечатление полностью добропорядочного гражданина США. От простого агента по недвижимости он поднялся до положения управляющего крупной фирмы. Семьи у него не было. Поэтому все свое свободное время он также посвящал деловой активности. Но это была лишь лицевая сторона его жизни. На самом деле, вот уже более десяти лет, он находился в авангарде «Сообщества Первых Лиц», организации, контролировавшей около одной трети финансового капитала многих солидных штатов страны, также как и других стран. Контроль производился путем накапливания сил как внутри самой организации, так и в резервных филиалах в других странах мира. А также путем взаимодействия с различными нелегальными структурами торговой сферы, в большинстве своем, криминальными. Он сел за компьютер, не снимая пиджак и галстук, как привык это делать дома. Потянулся к «мышке», нашел нужную

программу. База данных этой программы содержала в себе имена и адреса крупных членов «Сообщества Первых Лиц». Он еще раз перепроверил, как это бывало обычно по долгу своего положения в «Сообществе Первых Лиц», суммы личных счетов и суммы расходных ордеров этих счетов. Потом в задумчивости опустил подбородок на скрещенные пальцы, и в голове замелькали знакомые даты: 1989 год. Крупные волнения северо-американских индейцев в резервации недалеко от границы с Канадой. 1991-й. Небольшая военная заварушка на юге Афганистана. 1993-й. Стычки северо-корейских коммунистов с китайскими перебежчиками. 1993-й же – незаконные вливания капитала в крупный банковский бизнес Латино-Американских стран.

Шел 2000-й год, и мало кто знал и ведал, что на пороге третьего тысячелетия решающей вехой в истории человечества являются клановые игры «Сообщества Первых Лиц», структурные изменения в административных линиях коммуникации. Уж кто-кто, а Дик Кларк не только знал, но и участвовал в этих изменениях самым непосредственным образом. С его нелегкой руки многие будущие и прошлые лидеры «Сообщества Первых Лиц» потерпели фиаско на карьерной лестнице организации. Слишком много новичков полезло на руководящие посты. Слишком много амбиций проявилось в последнее время у тех, кто даже и не подозревал о самых истоках этого великого движения за освобождение человечества от уз невежества и несвободы. Он, Дик Кларк, одно из Первых Лиц лидирующей когорты, был непосредственным «соучредителем» этой замечательной идеи становления новой расы. Он всегда знал и четко различал направления основных инстинктов власти. Идея «Сообщества Первых Лиц» была не просто идеей организации как таковой. Но мощным вливанием в сферу психологической эволюции человечества. Управление и контроль над психикой индивидуума, неограниченный рост коммуникативных возможностей (связь с НЛО, подчинение полтергейста строго продуманным и обозначенным целям человеческой деятельности, управление широкими массами на расстоянии и т.д. и т.п.), а также, возможно, в дальнейшем и опыты с подчинением Земле внеземных цивилизаций – все это и многое другое было для Дика Кларка реальностью над всеми другими интересами. И теперь какие-то молокососы пытаются тянуть одеяло на себя? Этого он, Дик Кларк, позволить не мог ни за что.

Россия, претендовавшая на первые роли в управлении всеми филиалами по всему миру, видимо, отходила в небытие, так как алчные претензии тамошних лидеров захлебнулись в собственных разборках. Да и вербовка новых членов организации довольно-таки резко приостановилась. Что не могло не повлиять на общий ход всех прогрессивных мероприятий.

Дик Кларк встал, заложил руки за спину одну на другую, и словно ворон в своем длинном черном костюме, почти фраке, зашагал по комнате. Значит, центр всех крупномасштабных действий в организации неминуемо перемещался сюда, на север штата, в 150 милях от Нью-Йорка, второй столицы Соединенных Штатов Америки.

Зазвонил телефон. Дик Кларк взглянул на часы. Было всего лишь пять утра. Странно, кому это взбрело в голову беспокоить его в такую рань? Партнеры по бизнесу видели десятые сны. Соратники по «Сообществу Первых Лиц» не связывались друг с другом по телефону. Все остальные терминалы, по видимости, не собирались проявлять себя в ближайшие сто лет. И поэтому ранний трезвон телефона кроме раздражения ничего в Дике Кларке не вызвал. Тем не менее

быстрой спортивной походкой он подбежал к аппарату, наклонившись к нему всей своей долговязой фигурой, и взял трубку.

-Да, алло. Я на проводе. Чего Вам нужно в такую рань? Какого черта?..

По мере того, как на другом конце провода навязчиво тараторящий голос передавал ему какие-то сведения, он все более и более суживал и без того не очень большие глаза. Слегка поморщился. Перевел взгляд на окно. Слушал. На фоне небоскребов странная черная птица прошелестела огромными крыльями к западу. Меж тем как на юге уже давно багровевшая полоска солнечного цвета все более и более приобретала черты громадного раскаленного диска.

-Да, слушаю,- уже не так раздраженно повторил он.— Я все слышу, Роберт. Я слушаю. Успокойся. Переведи дыхание. И не трещи так. Ничего особенно страшного не произошло. Я тебя уверяю. Всего лишь маленькое самоубийство какого-то недоучки-бизнесмена, который решил, что без него все остановится… Ну и что, что полиция?.. Это ты решил, что не выглядит как самоубийство. На самом деле, все это – закономерный конец недисциплинированной амбициозной игры «в темную». Партнеры были для него всего лишь прикрытием мелкособственнических инстинктов. Я понимаю… Не тараторь. Иди выпей виски и проспись. Передай привет своим домочадцам. Я обязательно на днях зайду к вам. Да… Ближе к четвергу. Это точно. Подтверждения не требуется, поверь мне.

Он вздохнул и повесил трубку на рычаг. Рычаг овального телефонного аппарата, подаренного ему когда-то партнерами по бизнесу. Все в его квартире говорило о многих, долгих этапах сотрудничества с различными людьми и поколениями. Настолько долгих, что сам он не мог бы сказать, сколько ему на самом деле лет. Но это не беспокоило его. Какая, к черту, разница, сколько тебе: 70, 90, 130? Путь к истокам Жизни найден. Безошибочное возвращение к центру всех проблем, к развязке всех противоречий. Поступок идиота Фиддермана, не пожелавшего ждать какого-нибудь десятка-другого или сотни-другой лет до окончательного пробуждения единственной реальности, особо не расстроил Дика Кларка. Самоубийство абсолютно не оправдывало его средняцкое человеческое нетерпение в достижении конечной цели. Жить в любой форме тоже надо уметь. И этот толстяк Роберт чего-то совсем расклеился. Стоит, наверное, провести с ним сессию по антидепрессионализации. Вернуть цельный коммуникативный настрой. Восстановить целостное общение.

Дик задумчиво подошел к огромному окну на 83-ем этаже супернебоскреба и с легкой иронией взглянул на распластанный у его ног мир. Начиналась новая рабочая неделя. Может быть, последняя в истории человечества.

Ермак был добрый дядька, но то, что он получил от своего зама, «завело» его не на шутку. Сводка последнего дежурства гласила, что какой-то голодранец, у которого при проверке не оказалось даже паспорта, поставил на уши чуть ли не половину отделения милиции, вверенного ему, Ермаку, округа. То, что творилось за окнами его просторного кабинета, конечно же, иногда напоминало какой-то дурной сон или третьесортный кинобоевик с погонями, перестрелками и многочисленными жертвами, но этот, из ряда вон выходящий эпизод, доконал его окончательно. В дежурную часть ребята привели странного, по маскарадному одетого молодого человека, не имевшего регистрации, и поплатились за это своим здоровьем, а также слегка подмочили репутацию доблестной милиции Российской Федерации города Москвы. Этот недочеловек, или как его там, устроил зверскую расправу прямо в здании милицейского участка, владея непонятным и чудовищно

опасным умением отключать у людей органы чувств. Он устроил бесчинную расправу в кабинете следователя Дурдылова. Можно сказать, надругался над государственным законом. Сделал непонятное отключение «ответственных лиц» при исполнении ими так нужных людям обязанностей их нелегкого ратного труда. Обо всем этом указывалось в милицейской сводке. Она лежала перед полковником Ермаковым. И уставившись в нее остолбенелым упругим взглядом, он думал о том, можно ли эту информацию давать на телевидение. А также о том, какие меры необходимо предпринять для поимки этого особо опасного психопата. Ребята, доблестно сражавшиеся с ним во время инцидента, дали недвусмысленное заключение о его неблагонадежной психике. Очнувшись от перенесенного шока, они в голос уверяли, что взять его можно только спецподразделением с применением боевых машин. А то-де он владеет неизвестным пока миру навыком делать из людей беспомощных зомби.

Выслушав их сбивчивые объяснения, полковник дал каждому сутки, чтобы восстановить силы и явиться отдохнувшими и готовыми к дальнейшей службе. Хотя и специалиста не нужно было сюда привлекать, чтобы увидеть и определить у них крайне депрессивное состояние после стычки с «монстром». Иные говорили даже о том, что-де из пальцев у него исходили лучи, парализующие сознание. А иные доходили и до того в своих разглагольствованиях, что он-де способен бегать на одних только руках. При этом повторяли, что у него нет ни капли сострадания к живым существам и дрожали, дрожали бесконечной дрожью, прости их Бог.

Николай Николаевич Ермаков еще раз пробежал глазами лежащий перед ним небольшой клочок бумаги правильной прямоугольной формы и, наконец, вызвал к себе своего зама Шпендю Семена Саввовича. Тот не замедлили явиться.

-Чего звал?— Сказал в упор хмурый Шпендя.— Сам знаешь, загружен как этот какой-нибудь, самый этот какой-нибудь…

-Ты не горячись, Семен. Лучше присядь, покумекаем, как нам тут поступить подобру-поздорову, чтобы всем хорошо стало.

-Я вот, думаю, это…- начал опять Шпендя. – Это какой-нибудь из Люберецких, залетный какой-нибудь, а может, гастролер, ить его. Я думаю…

-Ты погоди думать, я за тебя думать буду… Ты лучше подскажи мне – может ОМОН привлечь или своими силами разберемся?

-Да, а чё это, разберемся, наверное. Выделю ребят Рубкова, они, это… ребята все с огоньком. Пускай, это… поймают засранца, говнюка, ить его… Навязался на нашу шею.

-Значит думаешь, своими силами? – Широкий и громоздкий, как шкаф, Ермаков заходил взад и вперед длинными, как школьный циркуль, ногами. – Отвлекать-то не хочется. Рубковских-то тем более. Они на наркоте сейчас, все… А оттянем силы, нечем будет прикрыть дыру. Но мерзавца этого надо, конечно, зацепить. Он же ж на свободе, мерзавец этот… Наделает, может, всяких гадостей. Вот же мерзавец хренов… - в сердцах бросил последнюю фразу Ермак и резко повернулся лицом к Шпенде. – Значит, думаешь, Рубкова ребят?

-Так точно. Значится, Рубковых. Так точно, значится.

-Ну, действуй, давай. Надежда на тебя. Ты уж их там подхлестни. Пускай основного своего дела не забывают. Хотя мерзавца этого надо изловить в крайний срок, аккурат, во что бы то ни стало. Ты уж, будь добр, побыстрей как-нибудь. Самолично бы ему в морду сунул, гаду. В наручники бы запихнул – и в морду. – Полковник широким жестом рубанул воздух и с развороту уселся всей жопой в свое широкое кожаное кресло. – Иди, удачи тебе, Семен.

Дверь за Шпендей захлопнулась с молниеносной скоростью.

-Есть! – как бы само собой зависло в воздухе помимо его коротконогой кряжистой фигурки.

Начинался новый рабочий день. Милиция, как всегда, стояла на страже порядка.

«Все будет обязательно хорошо». – Думал опять невозмутимый Ермак.

Вечера в Москве восхитительны. Мне нравятся перспективы улиц, уходящие вглубь и вширь, уходящие в небо так, что горизонт сливается в одну несмыкаемую даль. Я не обратил внимания на номер этакого металлического насекомого с двумя усиками посередине гладкой спинки. Я уже испытал на себе и действие грохочущего метро, словно шквал прибоя собирающего все звуки в один сплошной гул. Попробовал «на вкус и цвет» дребезжащий на поворотах трамвай, и пыльный, встряхивающий людей на резких остановках, автобус. Все эти виды средств цивилизации для перевозки не внушали мне особого доверия. Лучше и легче, и уверенней я себя чувствовал на своих двоих, передвигаясь с той скоростью, которая подходила мне на данный момент. Но мой легкий, скользящий бег, развивающий скорость на пределе восприятия для обыкновенного человека, делал меня сейчас открытой мишенью. И в обстоятельствах, в которые я уже попал, «самостоятельное» передвижение становилось весьма и весьма опасным.

Мягкий ход металлического насекомого удовлетворял и успокаивал меня плавностью толчков и сбалансированностью движения в дороге.

Я сел на подвернувшийся мне номер троллейбуса и уютно притулился в углу, смежив веки и решив отдаться медитации полусна. Мне хотелось побыстрей добраться до окраины Москвы и отдохнуть где-нибудь в мягкой траве до следующей зари.

Быстро темнело. Черная птица ночи почти опустила крыло на утомленный город, прикрывая его до следующего пробуждения. Я почти отстранился от внешних раздражителей и в такт покачиваниям машины медитировал в полном покое. Вот троллейбус резко качнуло, и я приоткрыл веки. В почти пустой троллейбус закатилась какая-то разгульно веселая команда, состоявшая из гогочущих, с покрасневшими лицами, крепких, коротко остриженных особей. Створки отверстий захлопнулись, и все мы покатили дальше. Команда вела себя активно, напористо, как молодые горные козлята, задирая окружающих «своими рожками» и рассылая вовне твердые волны агрессии. Я прикрыл глаза. До окраины, по моим расчетам, оставалось совсем немного. И мне совсем не хотелось ничем разбавлять полудрему медитации, расслабление. Но особи вели себя раздражающе активно, и я почувствовал, что так просто они не успокоятся.

Один из крепышей вдруг толкнул меня в плечо.

-А ну, долговязый, освободи место, ёб твою мать. – Сказал он мне весело и напористо. – Дай мне с подружкой поболтать.

За руку, повыше локтя, он держал особь противоположного пола, которая отбивалась от этого и, как мне казалось, страшно была напугана. От Деда я слышал, что мы созданы таким интересным образом, когда для воссоединения целостности энергетики требуются две половины, две динамики сущего. Особь противоположного пола – это такое существо, которое отличается от тебя, или ты от нее, иным построением органов воспроизведения. В Москве я видел в большом количестве такие особи. Когда пару раз я случайно задевал в толпе их какой-нибудь частью тела, то мощный энергетический заряд пробегал по всему моему

организму. И даже просто глядя на них, на эти особи, я всегда чувствовал странное возбуждение корочек головного мозга, находящихся внутри черепа. Мое дерево (спинной столб) мгновенно воспринимало импульсы какого-то внутреннего дуновения корневых дисков (энергетических чакр).

Между тем, особь противоположного пола еле-еле молотила кулачком по вцепившейся в ее руку почти гигантской клешне грубого молодчика.

-Ну, ты, хрен с бугра, плохо понял? Счас объясню.

Он схватил меня за ворот моего обмундирования и вытащил в проход.

-Смотри, вырядился в ментовскую спецовку, а она сидит на нем, как мешок на журавле. Верно, пацаны?

Послышались голоса:

-Дай ему по шее, да пускай валит на маскарад…

-Нечего с ним нянчиться, братуха. Врежь разочек, с него хватит!

-Никогда не видел, чтобы форму носили такие лопухи…

-Давайте выкинем его из троллейбуса, чтобы воздух не портил, мент поганый.

Кодла особей грубо ржала, как табун необъезженных коней. Девчонка попискивала. Остальные люди в троллейбусе притихли, и по внутреннему импульсу их организмов я предчувствовал быстрый старт их ног на выход при первом удобном случае. Кодла веселилась, мне действительно пнули под зад. И повинуясь инерции, я отлетел в дальний задний угол троллейбуса.

-Чё вылупился, придурок долбанный? Катись из троллейбуса, пока шею не сломали.

-Или зайди в химчистку, поменяй сбрую. Сейчас будет остановка – пиздуй, пока здоровье еще на месте.

Между тем амбал, державший девчонку за руку, кинул ее на сидушку, с которой встал я, и начал медленно расстегивать широкий кожаный пояс на своей нижней одежде. Я смутно почувствовал, что здесь что-то не так. Честно говоря, до этого самого момента мне совсем не хотелось тратиться на группу взбесившихся придурков, но, видимо, приходилось вмешиваться, как предписывалось кодексом Чоков, гласившем: «Уравновешивай слабое с сильным, твердое с мягким, черное с белым…» И поскольку черного, твердого, тупого было предостаточно, оно с избытком переполняло чашу общего равновесия. Надо было просто вернуть первоначальное состояние всекосмического баланса.

-Ты чё скулишь, сука? Щас по разику в ротик – и ничего страшного! А если будешь умницей, возьмем к себе на хату, - крепыш с невозмутимостью ледника продолжал распахивать на себе свою внешнюю перевязь, состоявшую из надетых друг на друга тряпок. То ли это называлось брюками, то ли джинсами - не помню.

Меня, как Чока, интересовал совершенно другой момент человеческой деятельности. Я не знал, чего хочет молодчик, но ясно догадывался, что паническое состояние девчонки (особи противоположного пола) может очень скоро перейти в шок. Ее расширенные зрачки не могли оторваться от рук молодчика, копошившегося в своих видовых органах. В это время троллейбус качнуло, кто-то заорал металлическим голосом:

-Вы что охуели, пидары? Конечная. Выебывайтесь отсюда на хер.

Оставшиеся в троллейбусе люди кто как спасались бегством или были выпихнуты с помощью других молодчиков. В троллейбус ворвался человек с каким-то железным предметом в руках и ринулся на бугая, который уже схватил

за волосы бедную девчонку и зачем-то пристраивал ее голову к своим органам. Та еле-еле сопротивлялась.

-А ну бери, сука. И не дай Бог укусишь – все зубы выломаю.

Между тем ворвавшегося человека остановили, вырвали железную палку из руки, завалили на еще одну сидушку и, заломив его голову за спину, начали было душить, стискивая горло сгибом локтя. В этой заварухе никто практически не обратил внимания на то, как легкой тенью кто-то или что-то метнулось в эту общую свалку. Правда, все стояли спиной к внешнему миру ночного города, поэтому ни взвизгивающего звука далекой сирены, ни уж тем более меня никто не видел и не замечал. Я не знал, что это доблестная милиция, вызванная кем-то из умчавшихся пассажиров, несется по следу насилия. Мне было не до того. Да и стае взбесившихся волков, гогочущих от хорошей дозы наркоты, тоже было на все наплевать, а зря…

Взяв «лапой тигра» первую стоявшую ко мне спиной фигуру сбоку за шею, я легким движением отбросил заслонявшего мне общую картину глубоко назад. Тяжелая туша пробила заднее стекло и вылетела наружу. Сонную артерию этой туши, а вернее, ее жизнь, уже ничем нельзя было спасти. К сожалению, волны зла и агрессии, во все стороны источавшиеся от нее, все равно не принесли бы миру ничего путного. В этом я убедился по несостоявшимся намерениям остальных членов кодлы. У одного из них в руке оказался предмет, похожий на длинный наконечник стрел, которые мы изготавливали с Дедом для занятий по лучной стрельбе. Запястье хрустнуло, предмет сломался пополам, ступней я вышиб из черепа все признаки жизни. Туша влетела сначала в кабину водителя, а потом уже и наружу, дополнив список уходящих из этого благословенного мира. При этом я уже держал зацепом за глаза бугая, ухватившего девчонку, и который тут же ее отпустил, как только схватил его я. Сбив его черепом вылетевший навстречу моему лицу кулак, я с хрустом вывернул его шею к спине. Надо отдать должное, что остальные члены команды попытались предпринять что-нибудь в защиту своей стаи и задергали руками и ногами, видимо, имитируя удары, но с Чоком, затронутым в глубине души своей бесчеловечностью существ в обличии человеческом, во внешнем мире справиться не в состоянии сам Бог. Движения любого лесного хищника, молниеносно хватающего добычу, не сравнимы с реакцией мастера-Чока. Но понять это в момент смерти практически невозможно. Последний из стаи, мертвой хваткой вцепившийся в человека, бежавшего на выручку девчонке, был с легкостью отсоединен от него и гуманно отправлен в иное измерение в шоковом состоянии без возвращения в осознание. Я улыбнулся в ужасе застывшему мужчине, как я догадался, хозяину металлического «жука», а другими словами, водителю троллейбуса, и бережно взял на руки существо противоположного пола, временно находившееся в бессознательном состоянии после всего пережитого. Вынося особь из троллейбуса, я увидел огни приближающейся с быстротой горной собаки машины, похожей на ту, в которой забирали меня утром, и быстренько скрылся в темноте, снисходительно преподнесенной мне существованием для спасения одной из своих сущностей. Отбежав несколько в глубину, я благополучно и без преследования достиг чернеющего вдалеке массива лесных насаждений. Негостеприимная ко мне Москва утонула в справедливости все скрывающей до поры до времени ночи.

Я забрался вглубь кустарников, нащупал руками шелковистое дно травы и расположил небольшое беззащитное тельце спасенной мною девчонки поудобней для будущего пробуждения. Сам тихонечко прилег рядом, дожидаясь утренних

лучей огненного Бога, чтобы восстановить молодой организм от шокового воздействия психического удара.

Утро явилось незамедлительно, через пару-другую земных человеческих часов. Птицы, изредка попискивающие над головой, все оживленнее и оживленнее давали знать о себе как о провозвестниках грядущего дня. Через некоторое время я вдруг обнаружил, что скромный лесной массив, казавшийся мне абсолютно безлюдным местом, был-таки переполнен торопящимися и снующими гражданами этого города. По всей видимости, место, которое я избрал для безопасности подальше от вчерашних трагических событий, было прогулочной зоной или большой озелененной площадкой для движения многих человеческих масс. Я потихонечку начал массировать тело спасенной мною девчонки по меридианам энергетических токов для восстановления всех жизненных функций организма. И вскоре маленькая женщина (как я узнал, имя всех особей противоположного пола) очнулась от шокового удара.

-Ты не должен, не должен был спасать меня таким способом! – Кричала она на меня, сидящего у нее в норке на большой высоте огромной каменной коробки, где живут такие же как все мы люди.

-Понимаешь ты меня или нет? – Ее расширенные зрачки, теперь уже от благородного негодования перед моей невозмутимостью, изливали на меня волны сострадания и желания наставить меня на «путь истинный».

После того как я долго и упорно восстанавливал ее, помогая прийти в себя, поднимал ее жизненный тонус, потом долго вел ее в полупьяном состоянии от пережитого в направлении к ее месту обитания, уютной норке квартиры, - это было самым странным. Она, оказавшаяся в руках насильников, переживала за их никудышные, никчемные жизни больше, чем за реальную угрозу, нависшую тогда над нею. Рок, фатум, карма, распределяющие повороты человеческого существования, руководят поступками всех и, как в шахматной партии, логически распределяют их результаты по клеткам жизненных перипетий. Если логика жизни ставит мат, то переспорить и переоправдать финал в каждой конкретной позиции не может никто. Это закон. Ему подчиняются духи, люди, животные, птицы, рыбы, камни, планеты и системы. А это маленькое существо, размахивающее перед моим носом своими изящными, словно отточенными, передними лапками, даже вообразить это не в состоянии. Чай, налитый ею в мою кружку, уже давно остыл. И это было неотвратимым, как вчерашнее происшествие. Но она, которая еле-еле оправилась от всего случившегося вчера, ничего не хотела или не могла замечать.

-Мария, - сказал я. – Если ты сядешь и нальешь себе тоже чаю, то я смогу сосредоточиться и объяснить тебе, что прошедшее прошло. Но если ты будешь прыгать как муха с места на место, я и сам запутаюсь и тебя запутаю своими объяснениями. Я первый раз так близко встречаю существо противоположного пола. И мне трудно разобраться со всеми чувствами и ощущениями. Помоги мне. Ведь моя религия Чоков не дает мне способностей стоять выше над жизнью. И поэтому меня так легко запутать сейчас. Сядь, прошу тебя. И помоги мне вниманием своим. Прошу тебя, помоги мне.

Я встал, как предписывает ритуал Чоков, на колени из уважения к тому, перед чем вся магия Чоков теряет смысл. Ибо нельзя силой взять то, что существует как невесомая Тайна. Я опустился на колени и склонил свою голову.

-Кто ты, неизвестный мой друг, - она мягко взяла мою голову в свои маленькие нежные пальчики. – Кто ты? – Повторила она.

-Зачем ты пришел в мой мир, в мою жизнь? – На глазах ее блестели искорки слез.

Дик Кларк бегал пальцами по клавиатуре своего личного компьютера, на мониторе которого колонками, колонками и колонками громоздились бесконечные цифры… Он должен был во что бы то ни стало до девяти проверить подключение к сети «Сообщества Первых Лиц» файлов вновь внесенных сумм на данный отрезок времени. Он хотел одному ему известным способом перекрыть доступ ко всем персональным системам внутри сети. Другими словами, он хотел закрыть «ларчик» базы данных, тем самым оставшись полноправным хозяином всей системы. Хотя бы полгода назад это было просто невозможным делом. Но сейчас, на пороге третьего тысячелетия, достаточно было ввести условный знак закрытия доступа. Сделав это, он перепишет на себя всю эту баснословную накопительную сеть, при помощи которой «доили» уже не один год финансовые структуры многих государств. Сделав это, он переписал бы счета на себя переводом в какой-нибудь забытый Богом западно-европейский банк. Швейцария, Турция, Венгрия. Любое название подходило. Любая страна беззвучно восприняла бы эту операцию как должное. Таким образом, Дик Кларк становился полновластным, единоличным хозяином самой крупной, самой богатой финансовой структуры мира. Пока лидеры «Сообщества Первых Лиц» протрут глаза и поймут, что сделал с ними он, Дик Кларк, время утечет как песок, не в пользу этих выскочек.

Он через компьютер оформил заказ на билет самолетом в Лондон, откуда можно переправить себя в любое другое место. С собой он не брал никого. Да и кто был нужен ему, умеющему не только экстериоризовываться (выходить из тела как бесплотное существо), но и конспирироваться с необыкновенным искусством? Через полчаса придет Роберт, и Дик Кларк отправит эту трусливую жирную задницу к теням прошлого.

Дик Кларк мечтательно поднял глаза и почувствовал, что совсем немного осталось ему до триумфа. Потом он просто наберет номер Федеральной Службы и сдаст с потрохами кладохранилище всей этой наркотической гадости, принадлежащее «Сообществу Первых Лиц». Он не был деятелем, заботящимся только об успехе в этой материальной вселенной. Ему нужен был абсолютный успех во всем Времени (во всех его записях): добиться этого он мог только проведя одному ему известные процедуры закрытого посвящения на самую высокую ступень умственных возможностей. Ни взрывать мир дурацкой ядерной бомбой, ни околпачивать дальше суетных обывателей в их тесном заплесневелом мирке он не хотел. Цивилизация сама заглохнет через пару-другую сотен лет при таком безответственном и недальновидном засорении шлаками всей ноосферы. Он был знаком с теориями великого русского деятеля и мыслителя Вернадского и даже ради самоудовлетворения отпечатал сейчас на мониторе крупными буквами его фамилию. Через пару часов, когда самолет, на борту которого Дик Кларк своевременно, совершенно незамечено покинет Америку, достаточно далеко улетит от побережья в сторону Европы, случатся два, казалось бы, неперекрещивающихся события. ФБР под пустырем совершенно заброшенного химического завода по четкой наводке невыявленного анонима обнаружит склад наркотиков в гигантских катакомбах глубоко под землей. Город, где это произошло, по понятным причинам не указывается. А также взлетит на воздух стеклобетонный красавец-небоскреб на окраине одного из индустриальных городов, в котором забытый всеми труп теневого магната Роберта Блика найдет

себе достойный по чину безвестный памятник. Правду говоря, огромная яма, образовавшаяся после взрыва, навряд ли с чем-либо ассоциируется. А Дик Кларк на борту красавца-боинга, попыхивая толстой гаванской сигарой, совершенно непохожий на самого себя, в пышных усах и пробковой шляпе, попивал виски.

Он размышлял: благополучно ли доберется летательный аппарат до берегов туманного Альбиона. Ведь все находилось в его «чудодейственных» руках. Он мог экстериоризоваться через многие мили в любое выгодное для него и удобное тело, превозмогая законы гравитации и обычный ход человеческой судьбы. Он, правда, никак не мог предполагать и не предположил бы никогда, что ФБР направило своего агента, состоявшего одновременно и на службе «Сообщества Первых Лиц», в качестве уполномоченного по задержанию особо опасных, якобы недосягаемых, субъектов из числа граждан США. Звали его Пит Махно. Был он из среды когда-то уничтоженных, еще в далеком сорок шестом, остатков Бандеровских банд, хорошо обученный ловкий дипломат, высокопрофессиональный разведчик, а заодно и корректировщик агентурной сети международного отдела по борьбе с терроризмом. К слову говоря, многие террористические акты за последние десять лет, а особенно на авиалиниях, спланировал он. И только он один знал, что самолет будет захвачен через каких-нибудь двадцать-двадцать пять минут спецами его личной боевой группы. Что приземлится самолёт не в долгожданном для Дика Кларка Лондоне, а в непонятной и опасной для него Москве. И что главным виновником этих событий на воздушном судне будет он сам, собственной персоной. А пока боинг, гудя и покачиваясь мощным торсом на воздушных волнах над просторами Атлантики, рулил к далекой Европе, Дик Кларк спал. Он не мог не спать, даже если бы очень сильно этого хотел. В шее у него торчала хрупкая, на незаметной тонкой игле шарик-капсула с нейтрализующим и усыпляющим химсоставом.

Ивана Семеновича разбудил долгий дребезжащий звонок. Звонили настойчиво, упрямо. И Ивану Семеновичу казалось, что этот дребезжащий звон пронимает его аж до самых пят. Часы на искусственном камине показывали час ночи. Иван Семенович абсолютно не понимал, кто может его так настойчиво тревожить в столь позднее время. Сначала он даже было испугался. Но потом вспомнил, что пока он работает с материалами «Сообщества Первых Лиц», его надежно ведут и охраняют все двадцать четыре часа в сутки, - успокоился. Звонок не унимался. Дребезжал так, что казалось, вся квартира ходуном ходит. Кто же это в столь поздний час? Стрибог осторожно поднялся с кровати и грузной шаркающей походкой поплелся к двери, на ходу запахивая любимый халат с желтыми розочками. Его плотное студенистое тело колыхалось при каждом шаге и не давало ему отдышаться. Ему казалось, что дыхание его, тяжелое, смутное дыхание, слышится даже на площадке, на лестничной клетке. Он как можно тише подкрался к двери, привстал на цыпочки, чтобы дотянуться до тонированного глазка, искусно спрятанного по ту сторону двери в кожаном плетении. Потом, наконец, опустился на всю стопу и, тяжело отдуваясь, принялся «вскрывать» и раскупоривать многочисленные замки дверей. Наконец внешние и внутренние створки не устояли, и двери открылись, пропуская внутрь две странные для столь позднего посещения фигуры. Один из двоих был одет в потрепанные широкие джинсовые шорты и длинную выцветшую майку. На ногах были сланцы пляжного стиля. Другая фигурка, как только он впустил своих посетителей, начала испуганно и отчаянно жестикулировать и, вращая глазенками, принялась

полушепотом-полукриком пересказывать какую-то недавнюю страшную историю. Одето крохотное создание было в спортивные штаны и спортивную куртку от разных, но новых спортивных костюмов. Тут же сброшенные кроссовки покатились в угол, оставляя на полированных полах грязные разводы.

-Успокойся, Мария. Я абсолютно ничего не могу понять. Говори медленнее. – В обратном порядке запирая двери, между тем отозвался Иван Семенович.

-Папа, ты не представляешь… Бум, трах, головы летят. Кости, руки, ноги трещат… Свалка. Человеческая трагедия. И в эпицентре – твоя дочь, собственной персоной. И вдруг, откуда ни возьмись, рыцарь со звезды… Молодой человек без страха и упрека выносит твою дочь с ристалища. Прямо в беззвездную ночь… Спасает ее. Ты не представляешь, как я перепугалась. Я даже потеряла сознание, на самом деле. И если бы не он… Ты не представляешь, папа, чем бы это все могло закончиться.

-А теперь, дочь, давай все по порядку. Познакомь меня прежде с твоим молодым кавалером. И пойдем на кухню… Пригласи молодого человека пить чай с нами.

Мария, откусывая очередной густо намазанный кусочек хлеба с маслом, покрытый сверху не менее толстым слоем красной икры, повторяла, как заученную молитву, глубоко потрясшие ее события:

-Представляешь, папа. Мы с девчонками расстались в девять, и я решила заехать к тете Веронике, а ее не оказалось дома. Ну я и поехала обратно к Светке, еле успела на последний троллейбус… А там какие-то молодые кретины завалили в троллейбус, галдят, матерятся, пихаются… А один подходит и говорит прямо прямым текстом – я уж повторять не буду в интеллигентной компании… В общем, оборзели, щенки. Проходу нет. Хозяева жизни. Юнцы переросшие… Ну я его послать хотела, а он, сволочь, схватил за волосы и давай меня таскать по всему сидению, зубами вниз… Ну, думаю, крышка тебе, Маришка! Даже все молитвы из головы вылетели. И вдруг он, Святослав (я его теперь так называю) делает с ними что-то страшное. Я до сих пор не понимаю, что он с ними сделал. В общем, сирена, милиция… Какофония целая. А он взял меня на руки и понес. Я часов шесть у него на коленях в парке проспала, представляешь, па?..

Иван Семенович кивал в такт рассказу дочери, но слушая, абсолютно ничего не мог услышать, так как голова его была занята совершенно другим делом. Он вообще, по существу, уделял мало внимания дочери. И вот уже десятиклассница, на пороге своей взрослой жизни, Мария абсолютно выросла предоставленным самому себе созданием, с полностью раскрепощенным интеллектом, самостоятельным и не в меру эмансипированным существом. Иван Семенович за своей адвокатской карьерой, а особенно после смерти жены, пять лет назад, совершенно забросил дочь, хотя и любил ее, как ему казалось, безмерно. Поэтому он, собрав всю свою волю, отвлекся от дел «Сообщества Первых Лиц» и решил, наконец, по-настоящему вникнуть в происходящее.

-И что? – Сказал он. – Вы так и оставили всех этих бедных ребят на том самом месте?..

-Папа, очнись, каких ребят? Это законченные подонки. Если б Святослав не пропустил их через мясорубку, то они бы гадили и дальше. Такие, как они, не чувствуют ни вины, ни жалости.

Я молча стоял рядом с белым гудящим ящиком вытянутой прямоугольной формы, от которого исходил изрядный холод, и пытался сохранять вид и выражение лица человека, к которому разговор сей не имеет ровным счетом

никакого отношения. Мария, наконец, перевела горящий взгляд на меня, потом на отца и спросила:

-Папа, может он побыть у тебя недельку-другую? Дело закроют. Страсти поулягутся. Все станет на свои места. А потом ты поможешь ему с трудоустройством, чтобы не маялся человек. Ладно? Решено? Ты сделаешь это?

-Мария не совсем права, - встрял в конце концов я. – Мне не нужно ни от кого прятаться. Я просто расставил все ловушки, и нужный зверь попался. А сейчас мне нужно просто где-то переждать до прихода своих братьев, с которыми у меня есть небольшое соглашение по поводу места встречи.

Я тут же понял, что говорить дальше не могу, так как выложу все свои цели и задачи постороннему уху. Это не входило в мои теперешние планы. Могли возникнуть неприятности «на большую ногу». И пока я не узнал местопребывание людей, контролирующих основную сеть «Сообщества Первых Лиц» здесь, в Москве, мне нужно было для этого некоторое время.

-Папа, я могу рассчитывать на тебя?

Чувство долга наконец пересилило в Иване Семеновиче все остальные эмоции по поводу нового знакомого, и он сдался.

-Мы решим что-нибудь с молодым человеком. А сейчас давайте быстренько по постелям. Чистое белье найдешь в своем шкафу, Мария. У меня завтра сложное слушание. Мне нужно выспаться. Еда в холодильнике. Всем спокойной ночи.

Мне не хотелось спать, и мы долго еще сидели с Марией, глядя на ночные улицы с высокого шестнадцатого этажа в центре Москвы. Странные чувства нежности и ненависти одновременно переполняли меня до краев. Я не мог дать им выход. По крайней мере сейчас. Не имел никакого права во имя великой традиции Чоков.

На краю города, в забытой Богом глуши, «доблестные воины» «Сообщества Первых Лиц», молодые новобранцы, готовились к встрече высоких гостей. Было объявлено, что такого-то числа в определенное время Московский филиал примет элитных представителей из числа лидеров – некоронованных королей «Сообщества Первых Лиц». Кто это будет, каковы числом, для каких целей, естественно, никому не сообщалось. Да и зачем рядовому новобранцу знать, в чем заключаются цели и намерения тех, кто управляет его судьбой – будущего строителя новой цивилизации? Готовились истово. Чистили, мыли свое религиозное царство, в котором каждому отведена своя роль, собственная ниша будущего Первого Лица. Накануне произошло неприятное ЧП. Некто неизвестный забрался в святая святых Ордена – складохранилище и, зверски расправившись с охраной, видимо, произвел какую-то диверсию. Администрация склонялась к мнению, что орудовал профессионал из врагов Ордена, «которые кишмя кишели вокруг и пытались разнюхать, разузнать, выведать всю необходимую информацию для развала Ордена». В связи с этим вводился новый распорядок, по которому удесятерялись бдения и трудовые радения всех без исключения членов «Сообщества Первых Лиц». Усилилась охрана: вместо двоих человек на складохранилище, поочередно меняясь, дежурило теперь десять-двенадцать; проверки и построения усилились и ужесточились в дисциплине еще больше. За секундное опоздание можно было пострадать на дисциплинарном уровне. Провинившемуся давали двойные-тройные нормы дневных работ, из-за чего, естественно, внушительно уменьшались сроки отдыха и сна. Провинившихся было мало, но никому не делали поблажек. Элита филиала беспрерывно осуществляла контроль за низшими

чинами. Особенно придирчиво и безапелляционно осуществлял эту политику заместитель командующего Московским филиалом Моисей Визирюк, долговязый, сутулый мужлан лет тридцати-тридцати пяти, необыкновенно шустрого темперамента и бесподобно омерзительного характера. Его не любили, но слушались все. Этот человек обладал недюжинной силой и магическим воздействием на людей. Он прошел суровую десятилетнюю школу от истоков филиала, где-то в Подмосковье, до высшего уровня комсостава. Всю накопившуюся тоску по власти за долгий период подчинения и унижения Визирюк выливал сейчас в непомерном количестве на подчиненных, хотя придавал своим действиям вид всегда законный и логичный. Это был изувер с точным, математическим складом ума, острым, пронзительным взглядом садиста и удивительной физической выносливостью. Все, что он изобретал в качестве указаний младшему составу, он с легкостью вполне обоснованно мог исполнять и сам. Так что приобретенный в служении культу догматизм, а также истовость педантичного служаки позволяли ему делать иногда невероятные вещи. И когда он намеренно перекладывал свою способность приспособляемости на других, те, естественным образом, часто «ломались», за что и получали закономерные наказания. Все эти его качества и пристрастия приобрели для него «за глаза» вполне мотивированное прозвище «Черный Ворон».

Итак, Черный Ворон, выйдя перед строем, примерно в сто двадцать-сто тридцать человек, говорил мерным, глухим голосом, беспрестанно улыбаясь (это было его извечной привычкой), щуря в пространство и без того узкие глазки, а также переводя тяжелый взгляд с одного лица на другое:

-Я повторяю, братья мои верные (да, любил он цветистый слог), други! Мы не постоим за средствами, с помощью которых выживаем в этом жестоком мире! Мы примем на себя любые обязательства, которые оправданы высокой целью. Мы возьмем на себя тяжелый труд по искоренению врагов наших. Ужесточим дисциплину еще, если потребуется!.. Искореним вялость и лень в наших рядах. Враги не дремлют! Враги внутри нас и снаружи. Бдительность по отношению друг к другу, бдительность ко всему, что творится за стенами Ордена, - единственное мерило верности Ордену. Вы знаете, прошлой ночью погибли двое наших товарищей. Недостойный отпрыск внешнего мира из числа врагов наших коварно забрался на территорию склодохранилища, видимо, в целях подлой диверсии. Доблестно защищая интересы нашего Ордена, двое пали. Вечная им память, други… Вечная память!.. Так не поскупимся на средства внутреннего и внешнего потенциала нашей веры и добьемся победы! Дело построения лучшей цивилизации, я надеюсь, в твердых, крепких руках. Кто не с нами, тот против нас! Кто спит, того разбудим! Кто нуждается – привлечем! Только борьба оправдывает наше существование!..

Во дворе было темно и дождливо, и фонари, освещавшие место действия, мрачно скрипели в такт его речи. Даже ветер, казалось, притих от суровой направленности слов говорящего.

-Да, основное – чтобы встретить наших гостей с честью и достоинством, подобающими Ордену, каждый должен повысить еще и еще свое рвение. Отличившимся пред лицом Братства будет определена в качестве поощрения программа льгот в обучении и продвижении по лестнице Самосовершенствования! Да здравствует будущая цивилизация!!!

Тихо стояли люди в униформе черного цвета, слушали, слегка опустив головы, внимали. Атмосфера позднего вечера подавляла, но не этих людей. Они

были настроены на общую цель, как хорошо смазанные машины, и в их сердцах не было сомнений… Они знали, что им нужно, - хорошо знали. И не ждали изменений в ближайшие, как минимум, десять лет. Путь ясен, цель – впереди. Чего еще желать? Все будет так, как предписано. Все будет ОК.

Я проснулся рано и тут же ощутил напряжение внизу живота. Это сила моих намерений пульсировала живым источником жизни. Мое тело знало, что нужно делать. Я был готов к решению поставленных передо мной жизнью задач.

Что делать честному вору в столице? Вору с сорокалетним стажем, карманнику высшей пробы? Если бы Валька Дубок знал, какую роль ему предстоит сыграть в развертывающейся драме, он бы и пальцем не пошевелил и не появлялся бы на улицах целую неделю. Суть заключалась в том, что настолько был уверен в своей неуязвимости и признанном всеми профессионализме, что ему совсем не составляло труда одинаково успешно «шмонать» в карманах честных граждан и на Лубянке, и в Лужниках. Да, территории давно и безнадежно были переделены между всеми московскими «командами» воров и их шаек, но Валька Дубок пользовался репутацией неприкосновенности как единственный в своем роде. Всегда, выходя на «работу», он слегка щурился на солнце, задирал голову, принюхиваясь, как собака ко всем запахам вокруг, и бодро шел к метро (жил он на Шабаловке), чтобы приступить к своим обязанностям. Легко сливался с толпой, как-то даже весело выбирая жертву, и вел ее до ближайшего поворота, где, якобы оступившись, приобняв свой вожделенный объект, извиняясь, уносил в своих карманах чужое имущество. Нельзя сказать, чтобы он был абсолютным мошенником, отпетым негодяем или, того хуже, простеньким «фраерком без понятий», но дело свое он любил, отдавал ему душу, как поэт своим произведениям. Никогда он не пользовался ни остро отточенной монетой, ни ножом, ни, упаси Боже, лезвием обычного станка, -- орудием его мастерства являлись его собственные руки, с непревзойденным молниеносным искусством выдергивавшие небольшие, в основном, суммы из карманов зазевавшихся граждан и гостей столицы.

И в этот раз он чувствовал себя великолепнее некуда. За пазухой у него пригрелись купюры на двести-триста баксов, трехчасовая работа в аэропорту Шереметьево среди иностранцев слегка его даже забавляла и поддразнивала пыл кажущейся легкостью наживы. Он уже собирался уходить восвояси, как тревожный голос объявлявшей до того прилет международного рейса дикторши выдал информацию о том, что на аэродром приземлился лайнер, захваченный террористами, которые способны разнести аэропорт на части, если не будут выполнены их требования дозаправки самолета и выдачи им приличной денежной суммы за головы захваченных в заложники пассажиров. Доблестные силы ОМОНа тут же окружили здание аэропорта. Блокировали все входы и выходы. Валька подумал вдруг, что настала, наверное, самая отвратительная минута в его жизни, отмеченной провалами и успехами, надеждами и потрясениями многотрудной зековско-воровской карьеры.

Дело в том, что хотя его и знало почти все управление милиции города Москвы, многие в лицо, поэтому за небольшую взятку он благополучно избегал многих ненужных приводов, но в данной ситуации «замести» могли со всеми потрохами. Осмотревшись попристальней и проведя краткий анализ ситуации, он с радостью обнаружил, что все происходящее никак коснуться его не могло. Силы

команды спецназа были сосредоточены на жертвах терроризма, которые выпускались одна за другой с испуганными лицами на трап, подогнанный для этого случая. Всю эту картину можно было увидеть сквозь качественно промытые стекла здания аэропорта, что и проделывали практически все пассажиры в зале ожидания. Но Валька Дубок время не терял. Он аккуратно и незаметно отстраивался от общей толпы по направлению к выходу, успев поживиться у некоего благовидного господина немецкими марками. И так как за ним никто не наблюдал, он очень легко уходил. Но тут случилось непредвиденное: молниеносная тень скользнула откуда-то с потолка прямо на него, и он потерял сознание.

По аэродрому в направлении аэропорта медленно двигалась процессия только что выпущенной партии заложников. Автобус специально не подавался службой охраны, чтобы держать всю картину действия под тщательным наблюдением, чтобы никто лишний – ни человек, ни мышь – не прошмыгнули незамеченными. Однако никому и в голову никогда бы не пришло, что террористов уже давно нет в самолете. Что хорошо владеющая как своим родным языком группа, лично тренированная и обученная Питом Махно, под видом выпущенных террористами заложников уходит из-под контроля. В середине мнимой группы заложников, состоявшей из загримированных под разный возраст мужчин и женщин, шел Пит Махно, крепко держа под руку Дика Кларка. Вколотое в шею Дика психогенное вещество уже теряло свое основное действие, и он постепенно приходил в себя. Уже спускаясь по трапу самолета, который совершил вынужденную посадку из-за акта терроризма на его борту, он понял, что судьба сыграла с ним злую шутку. Пит Махно, которого он очень хорошо знал через информацию в электроном досье среди базовых файлов организации «Сообщества Первых Лиц», наверняка так просто от него не отцепится. Потребуются n-ные усилия, чтобы избавиться от цепких лапищ Пита Махно и его шайки. Это были целеустремленные фанатичные боевики, и встреча с ними не сулила ничего хорошего в будущем. Для этого он избрал абсолютно простой и точный выход – экстериоризацию (выход из тела). Выход из тела и присвоение чужой физической оболочки было для Дика Кларка абсолютно обычным делом. Стоило «прикинуть» только уровень интеллекта будущего донора и его волевой статус, чтобы идентифицировать силовую защиту его полевой структуры. И затем, убедившись в том, что донор не способен оказать нужного сопротивления по шкале могущества личности (а это было практически известно заранее), достаточно было лишь переместиться в другую физическую оболочку.

Служба «охраны и сервиса», заботливо оберегая группу заложников от прямого столкновения с фоторепортерами и журналистами, вела ее в зал ожидания, чтобы люди могли передохнуть перед новым перелетом и перерегистрацией билетов. А Дик Кларк уже выбрал «объект». И чисто мысленно сосредоточившись на предстоящей «операции» молниеносно «перебазировался» точно в интеллигентно одетого мужчину, «заботливо» выбранного им из толпы, который только что аккуратно и довольно ловко обобрал карманы двух зазевавшихся господ иностранцев. Дику понравилась сноровка и абсолютное хладнокровие этого человека, который совершенно не задумываясь о последствиях, четко и целеустремленно выполнил свою работу фокусника-ювелира. Дику Кларку в дальнейшем наверняка бы пригодились способности этого человека в связи с предстоящими событиями. Он еще сыграет свою роль в жизни планеты, и этот недотепа Пит не способный выставить даже энергетический заслон против двойной экстериоризации (так называлось

перемещение в другое физическое тело с одновременным выталкиванием личности владельца), узнает «по чем фунт лиха». Видимо, специальная миссия «Сообщества Первых Лиц», поручив ему достать Дика Кларка из-под земли, надеялась воспользоваться им в качестве марионетки-информатора. Но не тут-то было! Дик разрушит все планы этой команды выскочек, захватившей в данный момент все ключевые посты организации. Они, надо отдать им должное, довольно сносно овладели технологиями сообщества, но серьезного противодействия оказать ему, ветерану «Сообщества Первых Лиц», не в состоянии. Номер счета знает только он. И город, куда переведены все финансовые документы организации, знает только он. А без серьезной финансовой поддержки эта кучка молодых гангстеров, как мысленно характеризовал их Дик Кларк, потеряет всякую возможность осуществлять свою дальнейшую стратегию.

Переквалифицированный в новую ипостась Валька Дубок, а ныне Дик Кларк в его обличии, пошатнулся, но устоял на ногах. Новенький кожаный бумажник в его цепких пальцах чуть не выскользнул, но все-таки перекочевал в его собственный карман. Дик Кларк еще раз напрягся и сосредоточился, - идентификация произошла удачно. Он быстро «освоился» в новом теле, мысленно поблагодарив «душу» Дубка, потерявшую всякое управление и контроль. Долго ей еще предстоит «мыкаться» в лептонном слое планеты до того, как энергетика вселенной определит для нее достойную нишу. Потом будет новое рождение, возможно, на более высоком уровне существования. И Валька Дубок будет блаженствовать где-нибудь в халате и удобном кресле обывателя других миров.

Дик Кларк еще раз сосредоточился, как бы перенимая управление вахтой на корабле, и плавной, но легкой походкой пошел к выходу в известную только ему да Вальке Дубку сторону. Он был настолько доволен собой, что даже не взглянул на Пита Махно, который предпринимал тщетные усилия растолкать потерявшее владельца тело «бывшего» Дика Кларка, теперешнего, по документам, коренного москвича и «честного» вора Вальки Дубка. Но все-таки каким-то шестым чувством растерявшийся было Пит уловил энергетическую волну перемещения Дика Кларка в астральном измерении. Как бы от внутреннего толчка бросив взгляд вниз, на первый этаж, он приметил легкое покачивание субъекта, который излучал что-то до боли знакомое и настораживающее.

Летящей походкой, да простит меня Сущее за такой оборот, я шел, вдохновляемый интуицией Чоков, по разморенной от жары летней июльской Москве. Мы договорились с Марией встретиться около метро «Кузнецкий мост», чтобы оттуда направиться на Лубянку, где у ее отца были кое-какие дела, и где он нас ждал с машиной, чтобы отправиться на площадь Маяковского на какой-то концерт. Что-то происходило со мной. Что-то странное… Что-то, чему я толком не мог дать рациональное объяснение ни по теории Чоков, ни по собственному разумению. Нежное, трепетное создание, каким оказалась Мария, подвигло меня ощутить поток необычных перекрещивающихся друг с другом эмоций. Я ощущал, как в совершенстве рассчитанный энергетический рисунок космической спирали кружил меня в танце удивительно сладких и тонких чувств. Я, потомственный Чок, переживал доселе никогда не испытанный мной нектар жизни. Никакие медитативные упражнения, никакие мантры, никакие вызубренные с детства способы владения энергиями тела не дали бы результатов. Я был совершенно в том состоянии, в котором находился в момент самого первого занятия с Дедом. Я был абсолютно разориентирован в своем существе. Мне хотелось летать, петь,

танцевать, неистово выражая свои эмоции и чувства. Потому-то, наверное, попадавшиеся мне навстречу человеческие существа с нескрываемым удивлением и любопытством взглядывали на молодого бесшабашного человека, временами подпрыгивавшего, временами кружащегося вокруг собственной оси, а иногда и вскрикивавшего от радости во весь свой гортанный голос. Нирвана окружала меня плотным слоем блаженства. Она окольцовывала все мое тело. Я трепетал и разрывался на сотни тысяч мелких осколков, каждый из которых кричал о восторге, о непередаваемом экстазе существования. Но ко всему этому тревожно примешивался обжигающий привкус чего-то неясного, мучившего как тупая зубная боль и навязывавшего свой особый животный вкус опасности. Я прислушивался, «принюхивался» всеми фибрами своего существа и неизменно шел в прямо противоположном направлении от Кузнецкого моста. Дикий азарт почуявшего добычу зверя вел меня вперед и вперед, не давая остановиться, вдуматься, сосредоточиться. Я чувствовал, что стою на пороге удивительных событий, в которых сыграю немаловажную роль в одной только для меня правильно осознанной пьесе. Я понимал, что Мария, наверное, уже ждет, волнуется, переживает, но ничего не мог поделать. Чутье мага и охотника племени Чоков вело меня в правильном направлении. Я шел быстро. Быстро настолько, насколько мог, уже на бегу переставляя сильные, с упругими мышцами ноги и понимая, что прошло примерно около трех часов с момента моего выхода в город. Я нисколько не устал, но нервы мои были сильно напряжены в ожидании чего-то непредсказуемого, что в любой момент могло возникнуть у меня на пути.

Вдруг все тело мое остановилось и напряглось как стальная струна. Как вкопанный я застыл, вначале совсем не обращая внимания на странные действия человека, аура которого показалась моему телу излучающей опасность и зло. Это был интеллигентного вида средних лет человек, который, осторожно ступая, как бы прощупывал дорогу подошвами ботинок на манер миноискателя. Конечно, это мог быть кто угодно, как человек, страдающий манией искателя кладов, так и простой средний двуногий, который решил поиграть в собственные игры. Я убрал ногу за угол дома и зашагнул сам. Как меня учил Дед, выдохнул сначала весь воздух, потом только прикрыл веки и сосредоточился. Перед моим внутренним взором тут же вырисовалась картинка: два черных контура на блескучей оси, светящейся глухим матовым светом. Это означало, что человек, находившийся на месте обнаружения его моим подсознанием, был практически Черным Магом. А так же то, что он присвоил физическую оболочку другого человека, не имевшего с ним ничего общего, не приходившимся ему ни родственником, ни другом, ни знакомым. К тому же ясно осознавалось, что человек, в чьей физической оболочке находился Маг, был тоже «теневым» существом с задатками мошенника и «рыцаря» ночных происшествий. Я еще больше углубился в картинку, и вдруг ясно понял, что все события, участником которых я непосредственно являлся, вели меня к встрече именно с этим человеком. Именно его подразумевал тогда в подземелье Белый Маг, когда говорил, что мне нужно выйти на главные фигуры в «Сообществе Первых Лиц». Ведь мне нужно нейтрализовать «жало» сообщества в лице его главных финансовых воротил. А они, несомненно, принадлежали к числу высшей иерархии Магов. Меня, естественно, не интересовали подробности, каким образом личность этого человека оказалась здесь, в Москве, но главное было сделано: я «нашел» то, что искал. Вернее, безупречная и совершенная интуиция Чока сама вывела меня на нужного субъекта. Остальное, как говорят некоторые, лишь дело техники. Я медленно открыл глаза и глубоко вздохнул всем объемом

легких. Но тут же меня как обожгло. Напротив меня стояла группа людей, явно с враждебными намерениями, и следила за мной.

-Моисей… Моисей Визирюк! – Пронзительный крик гонца, казалось, насквозь пробуравливает все помещения филиала «Сообщества Первых Лиц» Москвы и Московской области.

Молодой новобранец в недоумении остановился посреди полутемного коридора на втором этаже общины и, набрав еще раз в легкие как можно больше воздуха, крикнул неуверенно, но громко:

-Моисей Визирюк к Гранд-мастеру!..

Потом постоял в нерешительности и двинулся было к выходу на первый этаж. Неожиданно откуда-то из боковой двери выскочила жилистая цепкая рука и схватила гонца за шиворот, предварительно встряхнув как куклу. Перед испуганным новобранцем вырос, не выпуская его воротника из железных пальцев, Черный Ворон:

-Чего орешь? Взбесился, придурок!?

Ошарашенный новобранец, нервно переводя дух, выдавил заплетающимся языком:

-Вас требует к себе Гранд-мастер, срочно! Требует. Там из милиции человек… А Вас требуют!

Черный Ворон перевел сосредоточенный взгляд с новобранца к выходу на первый этаж, постоял, подумал. Отпустил воротник гонца и уверенно сделал три шага вперед. Потом, неожиданно, быстро вернулся и дал новобранцу крепкий молниеносный поджопник ногой.

-Чтоб не орал, гнида! – Процедил он сквозь зубы и исчез в проеме двери, ведущей на первый этаж. И опять воцарилась гулкая тишина. Новобранец, оставшийся один, потирая ушибленное место, с красными, как у кролика, глазами поплелся этажом выше.

-Да, Гранд-мастер, - долговязый Визирюк подобострастно вытянулся перед еще более долговязым и еще более, чем он, Визирюк, похожим на ворона человеком, и застыл, ожидая последующей информации.

Гранд-мастер, высокий, со странным детским лицом человек, но с самым высоким коэффициентом интеллекта во всем «Сообществе Первых Лиц», никогда не говорил сразу. А всегда подумав, даже если вопрос касался исключительно яичницы, вдруг скороговоркой выпаливал в собеседника то, что хотел сказать. Так же и сейчас, подойдя к стене и постояв рядом с несгораемым сейфом несколько минут, резко развернулся и медленно, предельно медленно, как никогда, сказал:

-Сейчас были из милиции. Есть информация, что в городе зверствует молодчик, дискредитирующий «Сообщество Первых Лиц» схожестью с членами сообщества. Его описание очень похоже на примерные данные человека, проникшего на складохранилище прошлой ночью. А также в связи с неприбытием гостей, информация о которых поступила еще сутки назад, приказываю: первое, создать две экстренные группы, каждая из которых отправляется на поиски двух вышеозначенных объектов. Старших групп назначишь сам. Второе, докладывать о ходе операции каждые полчаса. Третье, или к утру сведения у меня и раппорт об исполнении на столе и реализован на практике, или я тебя ликвидирую.

Глаза двух членов «Сообщества Первых Лиц» встретились в неумолимом единоборстве. Внутренняя сила обоих не оставляла противнику места для удачи.

Они поняли, что каждый играет только за себя, и в случае чего, это их последняя встреча. Через полминуты молчания Черный Ворон согласно кивнул:

-Разрешите исполнять операцию?

Гранд-мастер повернулся спиной и подошел к окну:

-В твоих же интересах, Моисей. Ты парень сообразительный. Удачи тебе, Черный Ворон!

-Есть.

Визирюк вышел за дверь, тихонечко прикрыл ее широкой пятерней и, злорадно ухмыльнувшись, прошептал почти про себя:

-А тебе удача больше не понадобится, засранец.

Иван Семенович, нервно заложив руки за спину, вышагивал взад и вперед вокруг широкой кровати, на которой клубочком свернулась его дочь. Прошло почти шесть часов с того времени, когда они должны были встретиться со Святославом на Лубянке, где Стрибог общался с одним из следователей прокуратуры по вопросам «Сообщества Первых Лиц». На этот раз разборки в правительстве за места в кабинете министров косвенным образом отразились на расположении тех людей, которые могли, но сейчас не сумели никак помочь в его деле. Прождав парня около полутора часов по настоянию Маши, они восвояси уехали в дом отца. И вот уже около четырех часов Маша, сначала бросавшаяся к каждому телефонному призвуку, отказавшись от еды, валялась здесь, в доме Ивана Семеновича, как безвольная игрушка, брошенная хозяином. Она чувствовала, что с ее новым другом стряслась какая-то беда, и от бессилия, а также от отсутствия информации лежала, раздавленная и покинутая, ни на что не надеясь.

Требовательный звонок в дверь насторожил обоих и вывел из оцепенения дочь и отца. Стрибог двинулся к входной двери, испуганно переводя взгляд на часы. Было двенадцать часов пополуночи. Что за непрошеный гость мог потревожить его в такое время? Оружия в его доме не было, да и защищаться Иван Семенович не мог и не умел. Разве что от нападок своих друзей-адвокатов, да и то, отстаивая чужие интересы. Он боязливо двигался по направлению к двери, раздумывая на ходу, как дальше реагировать на наглый требовательный звонок в дверь. Когда дочь наперед уже кинулась открывать дверь, он не успел даже ничего сообразить и осмыслить как следует. Дверь отворилась. Но вместо ожидаемого Святослава за порогом оказалась группа мужчин, довольно свирепого и внушительного вида, один из которых, стоявший как раз первым, широко улыбался и приветствовал Ивана Семеновича, не обращая никакого внимания на Машу:

-Иван Семенович? Я Пит. Помните меня? Не могли бы Вы до утра дать приют заблудившимся иностранцам в этой бескрайней России?

Маша недоуменно взирала на непрошеных гостей, незваннее которых не мог быть никто.

-Да, да, конечно, - рассеянно пригласил Иван Семенович группу людей в свой дом. Не объяснять же дочери, что перед нею собственной персоной авторитет международного терроризма и одновременно таинственная особа из командования «Сообщества Первых Лиц» Американского континента, на счету у которого больше убийств, чем у любого маньяка международного масштаба. Тем более, что запретить войти в любую, даже самую бронированную дверь, этим отъявленным головорезам означало только навлечь на себя несомненные

неприятности. К тому же все помещения были на сигнализации, и Стрибог надеялся каким-нибудь хитрым образом дать знать охране о незаконном вторжении на территорию его дома.

Группа людей зашла внутрь, и Иван Семенович захлопнул дверцу, очутившись с дочерью абсолютными заложниками в собственном убежище, ставшем им мышеловкой. Один из мужчин, вошедший с Питом Махно, держал на плечах два свертка, примерно в рост человека так, словно вес их не превышал веса двух обрезков колбасы. Пит Махно опять широко улыбнулся и, кивнув на этого своего подручного, на чистейшем русском языке спросил, не предоставит ли радушный хозяин возможности поместить их драгоценный груз куда-нибудь подальше от любых любопытных глаз.

-Да, да, конечно, -- сказал Иван Семенович и повел человека со свертками на второй этаж квартиры. Вся группа двинулась за ним, включая Пита Махно.

Машенька тоже двинулась было за ними, но Пит, как бы впервые осознав ее присутствие, быстрым властным движением руки остановил, как ему показалось, этого подростка, сказав мягко и вкрадчиво:

-Девочка может нас подождать здесь. Мы скоро вернемся.

Но Маша, несмотря ни на что пошла дальше, предпринимая еще одну попытку. Пит перевел укоризненный взгляд с нее на хозяина квартиры, словно на провинившегося мальчишку, который залез грязными пальцами в шикарный торт на виду у всех гостей. Иван Семенович с дрожью в голосе и как можно ласковее сказал дочери, пытаясь ее образумить:

-Ничего, дочур. Я сейчас вернусь. Только покажу гостям комнату. – Умоляющие его глаза пытались сообщить дочери максимум информации о том, что не нужно препятствовать неизбежному, коль скоро это неизбежное само держит себя в руках приличия.

Маша, еле сдерживаясь от слез, кинулась на кушетку при входе и отвела взгляд в сторону, вцепившись судорожными руками в ее край. Больше с этого момента на нее никто не обращал внимания. За дверью оставили человека. Остальные зашли в просторную гостиную, закрыли за собой двери. Прошло томительных полчаса. За дверью пару раз слышались глухие хлопки, но ковер в гостиной скрадывал все перемещения, происходившие за это время. Машенька всеми фибрами своего существа чувствовала неладное, сжимая перед собой худенькие кулачки. Второй раз за вечер она оказывалась в безвыходном положении и не знала, что делать. Тем более, что охрана перед дверью стояла довольно внушительная и, молчаливо заслоняя проход, являла собой непререкаемый ход всемирного фатума.

Наконец Машу осенило. Она поднялась со своего сидения и как можно спокойнее и улыбаясь пошла по лестнице вверх к хмурому человеку в длинной черной накидке, похожей на плащ. Он сурово преградил ей дорогу, но она, еще раз ласково улыбнувшись, небрежно показала ему рукой мимо него, сказав, что ей нужно пройти к себе, дальше, в свою комнату. Сердце ее бешено колотилось, стучало молотком по вискам, в груди, а губы, склеенные в улыбку, судорожно подергивались. Но «охранник» поверил и пропустил. Она быстро шмыгнула мимо него в свою комнату через одну от гостиной. Здесь она осторожно перебралась в следующую, рядом с гостиной, прильнула к замочной скважине двери, которая разделяла эти комнаты. Так как каждую комнату в доме разделяла дверь. Испуганно поглядывая на вход. Ведущий в коридор, она, почти не дыша,

прильнула, замирая от страха, к замочной скважине еще раз. То, что она увидела там, заставило ее схватиться за рот обеими руками, чтобы не закричать.

Пит Махно держал за окровавленное ухо ее отца, с лица которого также стекали струйки крови, и тихим шипящим голосом говорил:

-Ты, отпрыск гадюки, мы спалим твой гнилой барак и изуродуем твою дочь, если ты не кажешь, почему у этого пройдохи в кармане оказалась твоя визитка.

Другой свободной рукой Пит показывал на двух лежащих на полу людей, которых, по-видимому, и принесли завернутыми с собой головорезы.

Когда она сквозь стоявшие в ее глазах слезы взглянула пристальней на человека, на которого указывал главный, то ее пронизало как бы электрическим зарядом молнии. Рядом со странного вида интеллигентным средних лет человеком, мешком лежавшим с остекленевшими глазами на полу, находился… ее Святослав. Голова его была запрокинута, остановившиеся глаза не выражали ничего. Казалось, он находится в летаргическом сне с открытыми глазами. Пит Махно резко ударил ее отца кулаком в живот и пригнул его лицо к лицу молодого человека на полу.

-Кто это, шестерка? Кто это, шестерка? Ты скажешь, или я превращу тебя в кровавую котлету? И никакие адвокатские заслуги не помогут тебе… «Сообществу Первых Лиц» не нужны грязные свиньи, работающие на две стороны. – Пит Махно еще раз резко ударил ее отца в живот. Тот ойкнул, согнулся и упал навзничь. Пит Махно пнул его и приказал своим:

-Всё и всех здесь сжечь! Находим филиал и возвращаемся.

Хорошо, что Маша знала английский. Иначе бы она не поняла ни слова. Голос у Пита был резкий, не терпящий возражений. Больше Маша ничего не слышала и не видела. Нервы были на пределе возможного, она потеряла сознание и рухнула около двери.

Группа мужчин выходила из комнаты, и звук рухнувшего тела никто не услышал. Очнулась Маша от едкого запаха дыма. Дым распространялся как вездесущий дух по всему дому и не оставлял никакой надежды на спасение. Маша резко выбежала в коридор и увидела, что первый этаж весь полыхает огнем, к тому же крыша трещала от языков пламени, вылизывавшего с тщательностью суки, которая ласкает своих новорожденных щенят, весь дом почти целиком. Маша, сотрясаясь от рыданий, вбежала в комнату, где валялись три человека, и обезумевшими руками, воя как волчица, стала трясти по очереди лежащих мужчин. Отец не отзывался, он был мертв. Еще один мужчина, по-видимому, тоже. Святослав, казалось, тихо постанывал. Она начала трясти его, но безрезультатно. Она целовала его, гладила, каталась по его лицу своей маленькой головой и вдруг одним судорожным движением смахнула с его затылка вколотый маленький шарик-капсулу. Сильное химическое вещество тут же прекратило свое убийственное дело.

С того момента, как ко мне подошли отделившиеся от группы трое мужчин и начали задавать на ломаном русском языке абсолютно глупые нелогичные вопросы, причем хором, а затем один из них, оказавшийся у меня за спиной, что-то вонзил мне в затылок, и до сего момента, прошла, наверное, целая вечность. Все это время я был в почти бессознательном состоянии, и только мой

сопротивляющийся коме дух смутно фиксировал смену звуков и запахов вокруг меня. И тут совершенно отчетливо и ясно я увидал перед собой заплаканное лицо Маши и осознал ее грудной срывающийся голос:

-Я люблю тебя… Очнись… Что же ты не слышишь!..

Постепенно вникая в суть слов, я, наконец, выдавил:

-Почему все горит? И что такое «люблю»? Это что, игра? И почему Иван Семенович… - Я осекся. От двух мужских тел рядом со мной не исходило никакого жизненного флюида. Это были окоченевшие трупы. Дом горел. Надо было действовать.

На мое лицо, слегка опаленное дыханием пожара, упала тяжелая соленая слеза из глаз девушки. Она стояла на коленях надо мной, чуть покачиваясь в такт собственным всхлипываниям. Странно, но я, как Чок, потерял управление надо многими второстепенными эмоциями, которые раньше мне казались безупречными и слаженными. Зато сердце мое научилось сладко вздрагивать от многих взглядов и жестов Машеньки, которая непостижимым образом становилась индикатором моего внутреннего «Я». Вдруг девушка резко вскрикнула, указывая на голову третьего мужчины. Так как дуновение пожара становилось все более и более сильным, то один из порывов пламени дохнул пылающим жаром и, казалось, снес полголовы этому трупу. Но я понял, в чем было дело. Бандиты просто-напросто вырезали этому человеку всю переднюю часть головного мозга, таким образом надеясь унести с собой всю запечатленную там информацию. Скальп бал сорван с передней стороны черепа, словно лист капусты рукой умелого повара. И впадина в оголенном черепе зияла кроваво-красным пятном провала. Я схватил на руки вцепившуюся в меня Машу и побежал к двери на выход. Пинком я вынес дверь наружу, отчего сорванная с петель она тяжелым тараном врубилась в пламя. Огонь тут же рванулся в комнату и занял половину помещения, что заставило меня с моей драгоценной ношей на руках резко отпрянуть в глубину. Через мгновение мы уже летели из окна вниз на деревья под нами. Земля была очень мягкая и вспаханная, но я все же слегка подвернул правую ногу. Пришлось некоторое время поработать над сухожилиями и связками ступни. Я нагнулся, массируя ногу, и только когда разогнулся обратно, услышал и увидел, как со всех сторон к дому, гудя изо всех сил сиренами, подруливают пожарные и милиция. Отступать было некуда.

-Ты умеешь водить машину? – Крикнул я Маше.

-Да. – Отвлекаясь от слез, выпалила девушка. – А что? Где мы возьмем хоть какую-нибудь машину?

Вместо ответа я схватил ее за руку, и мы понеслись навстречу нахлынувшей лавине из людей и машин. Первой около нас притормозила, визжа шинами как резаная, милицейская «Volvo». Из нее тут же выскочили двое в штатском и кинулись к нам, видимо, с намерением взять под контроль. Я чуть подождал, когда они приблизятся ко мне почти вплотную, и всего лишь столкнул их лбами. Бугаи завалились в кусты по правую от нас с Машей сторону. Другого, сидящего за рулем, я просто захватил пальцами за челюсть и вышвырнул вон, освобождая Маше рулевое место. Кто-то, сидевший на заднем сидении, сам пулей вылетел, убегая и крича:

-Взять их, взять! Что же вы медлите?

Мы комфортно расположились вдвоем в опустевшем «Volvo», и Маша мгновенно сняла машину с места. Она оказалась классным водилой… Началась погоня. За нами, свистя, ревя, визжа всеми железяками, устремилось огромное

количество догоняющих. Мы вырулили на главную автостраду и погнали навстречу встречному движению машин, петляя, как зайцы. Я сосредоточился и попытался расслабить Машину психику ровно настолько, чтобы она беспрепятственно вела машину, не отвлекаясь ни на что другое. За нами, там, где неслась по пятам погоня, творилось что-то невероятное. Машины налетали друг на друга, сшибались лбами, переворачивались, взрывались, в секунды превращаясь в месиво лязгающего металла. И всё в таком духе. Столпотворение, каша тел и металла, неожиданная катастрофа человеческих судеб в азарте бессмысленной погони, не увенчавшейся успехом.

Мы встали в правильный ряд, и хотя машины притормаживали, чтобы не стать невольными участниками «массового побоища», мы тем временем набирали и набирали скорость. По моим расчетам и предположениям, бандиты должны были отправиться в аэропорт тем путем, которым прибыли сюда, чтобы улизнуть обратно. С мозгом человека, в котором я почувствовал ключевую фигуру «Сообщества Первых Лиц», и который в моей неудавшейся слежке сыграл такую печальную и плачевную роль наводчика и провокатора в собственной гибели. Я понимал, что люди, которые выкрали мозг этого человека, захватили таким образом бесценнейшую информацию.

Ведя машину к аэропорту, где находились бандиты, мы оказались на территории «Шереметьево-2». Невзирая на все преграды, выраставшие на нашем пути, мы безудержно прорывались с Машей к цели. Наконец я увидел человека, избивавшего отца Маши. Он стоял в группе тех самых мужчин, что орудовали на даче Ивана Семеновича и были, видимо, причиной пожара. Маша с диким, истерическим, нечеловеческим криком «Гадина!» кинулась к нему сквозь толпу пассажиров аэропорта. И тут началось нечто фантастическое, к чему я, несмотря на всю свою интуицию Чока, был в первый раз не совсем готов. Все пассажиры, находившиеся в аэропорту, разом развернулись в нашу сторону и скинули верхнюю одежду, под которой оказалась униформа членов «Сообщества Первых Лиц». Весь этот человеческий массив-поток двинулся на нас. В первый же момент этого действа бедную мою Машеньку сшибло с ног и отнесло куда-то, где я ее не мог уже разглядеть… И как в некоем сказочном лесу, человеческое море, тут же увеличенное в несколько раз, обрушилось со всех сторон аэропорта на меня. Чок остался один на один с враждебным человеческим потоком.

Поначалу я только вертелся волчком, равномерно сталкивая потоки между собой, несшиеся как водопады на меня со всех сторон. Руки и ноги мелькали словно волны, обрушивающиеся на свою жертву, видимо, целью всего этого человеческого потока было растоптать в пыль, как несуществующее и никогда не существовавшее явление, мое тело. Мне пришлось ужесточить тактику. Скрип и хруст костей наполнил залу ожидания. Никогда в жизни я не работал с такой скоростью и не ожидал ничего подобного даже в самых бешеных фантазиях тренировок с Дедом. Наверное, если бы можно было созерцать всю эту картину сверху, виделось бы, как мощная лавина человеческих тел устремляется в водовороте к одной точке. И как, посланная в обратную сторону, разворачивает пружину своей мощи, откатываясь обратно. Чем больше нарастал поток, а он нарастал с неимоверной скоростью, тем спокойнее в глубине души моей становился я сам по себе. Продираясь сквозь толпу к тому месту, где раньше скрылась Маша, я каким-то внутренним видением вдруг с ужасом обнаружил, что главарь всей этой мелкотравчатой нечисти шлепает тем самым куском мозга по лицу Машеньки. Девочка тряслась от ужаса и силы ударов, заваливаясь за край

перил все больше и больше. И до ее падения вниз со второго этажа, казалось, оставались считанные мгновения. Ярость, казалось, вынесла меня на крыльях над озверевшей толпой. Одним движением я успел оттолкнуть Машу от перил и рванулся к ненавистному мне усмехающемуся существу с окровавленными руками. Я почувствовал, как окровавленная от смертей его душа ухмыльнулась мне навстречу мертвенным оскалом будущего трупа.

На высоте сто десятого этажа, в одном из административных небоскребов Америки сидела обанкротившаяся группа молодых людей, желавших перевернуть и обезглавить мир. Шло экстренное заседание глав «Сообщества Первых Лиц», первых рыцарей Ордена. Почти безжизненные их лица у всех были мертвенно бледны и бесстрастны. Они ждали прибытия сюда, к ним, на заседание доверенного лица – офицера высшего командного состава ФБР Пита Махно. Они ждали его с одиннадцати часов утра по Гринвичу в течение вот уже полусуток, но к вящему их сожалению и возмущению нужного им человека не было. Он пропал, как в воду канул. Вдруг послышались легкие быстрые шаги. Дверь в Зал заседаний распахнулась. На пороге стоял молодой долговязый сосредоточенный человек, в руках он держал сверток, набухший тяжелым багровым шаром, слегка покачивавшимся в руках молодого человека. Он с поклоном положил сверток на середину зала, развернулся и ушел тем же путем, которым и прибыл. Присутствовавшие недоуменно переглянулись. Мастер-шеф верхушки «Сообщества Первых Лиц» подошел к свертку и после недолгих колебаний трясущимися пальцами развязал узел. То, что он увидел там, потрясло его воображение. А через секунду он уже разразился грубым истерическим хохотом, который подхватили и разделили все.

Мы стояли с моей избранной, подаренной мне судьбой подругой и спутницей жизни Марьей Стрибог на двести пятьдесят шестом этаже небоскреба… и целовались.

Никогда еще я не был так счастлив, как в эти мгновения. Никогда я еще не был больше человеком, чем сейчас. Я, потомственный Чок, продолжатель традиции одной из древнейших магических семей мира, был счастлив, как ребенок. Мне не нужно было всех моих вместе взятых умений и навыков ни сейчас, ни когда-либо в далеком будущем. Я просто жил, целовался, дышал. И все эти простые действия окрыляли во мне мою обыкновенную, бессмертную человеческую душу. Наконец-то из сектанта-миссионера вышел на волю, как бабочка из кокона, один из многих жителей Земли, её любимых и любящих детей – Творец новой жизни. Наконец-то я нашел истинную жемчужину своих поисков – любовь самого дорогого мне существа. Любовь и преданность моей Маши…»

Туголук еще раз перечитал письмена этого древнего манускрипта и вышел из пещеры книгохранилища на свежий воздух. Где-то в глубинах Тысячелетий остался для него неведомый, но до боли почему-то знакомый ему сородич. Надо будет спросить у Верховного Жреца, кто и где нашел этот древний манускрипт, и что обозначали эти странные слова, говорящие ему через века о человеческой преданности и любви. Наверное, он не до конца еще расшифровал их. Многое еще ему предстояло изучить, прежде чем он поймет, почему закончились жизни этих могучих когда-то цивилизаций, от которых остались только эти старые, древние-предревние манускрипты и непонятная ему

тоска по новой жизни. Он потянулся, вдохнул поглубже в легкие освежающий воздух утра, пошел по росистой траве, стряхивая с нее остатки сна-тумана после долгой ночи.

Пошел любить и жить, изучать и удивляться жизни, к стоянке своего племени.

Солнце медленным краснеющим диском величественно поднималось из-за ближайшей цепи гор. Новое утро пришло. Кончилась долгая ночь…

Он проснулся ранним утром. За окном монотонно и тоскливо шел дождь. Он слегка повернул голову и посмотрел на спящую на его согнутой правой руке жену. Она, по-детски подложив кулачок под щечку, уткнулась носом в его локоть и сладко посапывала. Он еще раз взглянул в окно.

«Господи, какая только чушь не приснится! За короткую после тяжелого трудового дня ночь».

Он тихонечко, чтобы не разбудить, аккуратно высвободил из-под головы жены свою руку. Сел на теплой уютной пастели, сунул ноги в широкие удобные домашние тапочки. Посидел, подумал. Поулыбался внутри себя мыслям, рожденным ночным кошмаром. Встал, подошел к рабочему столу, на котором стояла машинка с неоконченной рукописью. Поглазел на нее, прочитал последнее предложение, задумался. Достал из кармана халата, висевшего на стуле, пачку сигарет, вытащил одну, положил пачку на место. Взял сигарету в рот. Опять задумался, улыбнулся. Что-то странное, глубокое, до боли знакомое ворохнулось в глубинах его сознания. Он подошел к балкону, раздвинул тяжелые шторы. И нагой, такой какой был, откинув щеколду и открыв дверь, вышел на балкон. Балкон был высоко, и поэтому видеть его никто не мог. Тем более, что утреннее шоссе под балконом только-только просыпалось в эти утренние дождливо-туманные часы. Он сделал буквально пару затяжек, как резкий звонок телефона прорезал утреннюю тишину его маленькой уютной квартирки. Он влетел внутрь, опасаясь, что жена, услышав звонок, проснется, и, стараясь не шуметь, резко сдернул трубку с рычагов аппарата. В трубке молчали. Лишь тихое посапывание жены и монотонный дождь за окном, да свежий ветерок заносил влагу с улицы в уют комнаты.

-Да, - почти шепотом выдохнул он. – Я слушаю, да.

-Грёбаная жизнь! Мы приветствуем тебя.

-Мы приветствуем тебя, - ошарашено повторил он вслед за металлическим, ледяным голосом в трубке.

Короткие бесстрастные гудки были ему ответом. Он медленно вернул трубку на аппарат. Медленно подошел к балконной двери, прикрыл ее и механически сунул потушенную сигарету обратным концом в рот. Где-то все это уже было. Какой только кошмар не привидится спросонья!..

Он присел к письменному столу и еще раз перечитал последнее предложение рукописи. Поставил точку и погрузился в глубокую задумчивость. Где-то все это уже было, было.